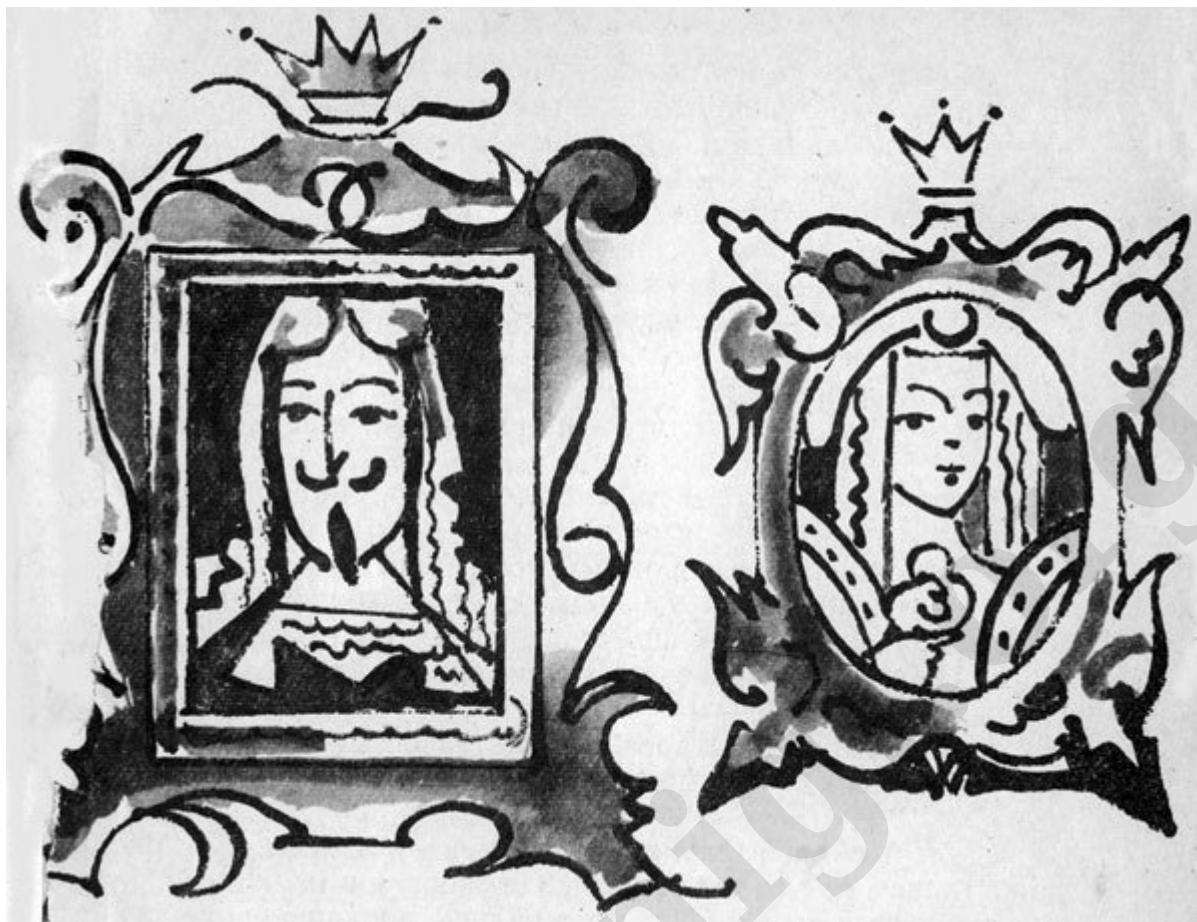

"Сказка о ветре в безветренный день"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Король проснулся.

Прежде всего по привычке потянулся руками к голове. Не съехал ли ночью колпак набок? Не дай бог, не свалился ли с головы?

И лишь убедившись, что колпак на месте, сел, откинул в сторону одеяло и спустил ноги с кровати.

В спальне была полутьма. Повсюду тускло блестело золото и разные драгоценные камки, И на высоких спинках кроватей, и на стульях, и даже на дверных ручках. Это уж всегда у всех королей. Любят они совать золото и драгоценные камни куда только можно.

Справа от него на огромной кровати, размером с грузовик, сладко похрапывала королева.

— Хрю-хрю!.. — говорила Она во сне. — Хрю-хрю!.. — Возможно, ей снились поросята. Но скорее всего, это был обычный королевский храп

Одеяло, вышитое золотом, мерно поднималось и опускалось.

Но королевы в кровати не было видно. Не было видно её головы на подушке.

Рядом с кроватью королевы стояла ещё одна кровать. Она была поменьше. Она была примерно с легковую машину. На этой кровати спала принцесса.

— Цып-цып! — свистела она во сне носом. Возможно, ей снились цыплята.

Но принцессы на кровати тоже не было видно. Розовое одеяло с одного бока приподнялось. Под одеялом была пустота.

Ты бы, мой читатель, конечно, очень удивился. Но король даже глазом не моргнул. Он был спокоен. Он прекрасно знал, что его жена и дочь никуда не девались, а крепко спят в своих роскошных королевских кроватях.

Ну что ж, мой дорогой читатель, видно, пришла пора, чтобы и ты перестал удивляться и узнал, что ты попал не в простое королевство, а в королевство невидимок, где король, королева и принцесса, все министры и придворные, их жёны и свояченицы, их дяди и тётки — все носят колпаки-невидимки.

Король подошёл к окну и отдёрнул штору.

В окно сейчас же вскочило солнце. Тёплое и весёлое, оно запрыгало по драгоценным камням. Оно осветило портрет короля, висящий над его кроватью.

Портрет был в тяжёлой золотой раме.

Солнечный зайчик упал на лицо короля и замер. Да сказать по правде, все, кто видел портрет короля, замирали на месте. Что уж там какой-то солнечный зайчик!

Дело в том, что король был удивительно, ослепительно красив.

Всё-всё в его лице было прекрасным. И лоб, и нос, и щёки, и подбородок. Даже уши поражали своей красотой. А уж о глазах просто нечего и говорить. Глаза у короля были большие, ясные, чистые, смелые, гордые, умные, великодушные и чуть-чуть задумчивые.

Справа от портрета короля висел портрет королевы

Стоило только один раз взглянуть на этот портрет, и сразу же можно было понять, что она самая первая красавица на свете.

Портрета принцессы в спальне не было.

Но над кроватью принцессы уже был вбит крюк, похожий на высунувшийся из стены согнутый палец.

Придворный художник ещё не закончил портрета принцессы. Но и без того всем было известно, что принцесса — самая хорошенькая девчонка в королевстве.

А во всех бесчисленных залах дворца, во всех галереях, на мраморных лестницах, на всех стенах и простенках висела ещё тьма-тьмуца портретов разных придворных дам и министров.

Сколько здесь было прекрасных глаз и красивых носов! Сколько стройных рук и ног! Сколько высоких лбов, загнутых ресниц и нежного румянца! Ох, как удивительно, необычайно красивы были все эти министры и придворные дамы!

— Да нет! Куда там! Художник всё равно не смог передать нашу красоту, — ворчали невидимки. — Вот если бы мы сняли наши колпаки, вот тогда... Но это запрещено. Это строжайше запрещено. Вы, конечно, читали королевский указ: кто снимет с головы колпак — тому отрубить голову! И всё это из-за нашего народа. Из-за этого простого бедного люда. Ведь если они увидят наши божественные, ослепительные лица — какими уродами покажутся они

себе. Они просто умрут от зависти и отчаянья. Но каково нам? Вечно скрывать свою красоту! Вечно носить колпак! И днём и ночью! И в спальне, и на кухне, и во дворце, и в бане. Попробуйте-ка вымыть голову, не снимая колпака! А на примерке у портного? А когда надо показать доктору больное горло? И мы терпим все эти мучения только потому, что любим и жалеем этих бедняков, этих обыкновенных, некрасивых людей!

Но не пора ли, мой читатель, заглянуть нам с тобой в королевскую спальню и посмотреть, что там происходит?

Да нет, за это время ничего не изменилось.

Король, потягиваясь и зевая, ходит по мягкому ковру. Королева и принцесса ещё спят.

Неожиданно король громко рассмеялся. Наверно, он вспомнил о чём-то приятном.

Золотое одеяло зашевелилось. Розовое сползло на пол.

Королева и принцесса проснулись.

— Ещё рано. Почему ты не спишь? — сонным голосом, спросила королева.

— Спать?! В такой день спать?! — воскликнул король. — Ну и ну, моя милая! Неужели ты забыла, что сегодня наконец-то...

— Ах, да... — виноватым голосом сказала королева. — Ничего я не забыла. Он мне даже приснился сегодня ночью. Такой хорошенький и весь светится. В глиняном горшке.

— А вечером будет бал. Я буду танцевать! — Принцесса запрыгала в постели. Заскрипели пружины. Подушки шлёпнулись на пол.

— На зарядку! На зарядку! — весело воскликнул король и запел: — Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!

Ты, мой читатель, по утрам, конечно, тоже делаешь зарядку, в майке и трусиках ты подбегаешь к окну и распахиваешь его настежь.

В комнату к тебе врывается прохладный воздух. Ты ёжишься от холода. Тебе хочется юркнуть обратно в постель и накрыться с головой одеялом, но сон уже улетел в открытое окно. Ты встаёшь посреди комнаты, широко раскидываешь руки и глубоко-глубоко вдыхаешь в себя свежий, холодный воздух.

Но король даже и не подумал открыть окно.

В спальне было душно и жарко.

В спальне сильно пахло розами и ландышами. Но ещё сильнее в спальне пахло чем-то совершенно непонятным и ни на что не похожим.

Правда. Сколько бы ты ни нюхал, ты бы всё равно не догадался, чем это пахнет. Потому что этот запах не был похож ни на один запах на свете.

А за окном на клумбах росли цветы. На круглых деревьях сидели птицы с раскрытыми клювами. Наверно, они весело чирикали, но за двойными рамами этого не было слышно.

И всё-таки король не открыл окна.

— Итак, начали! — сказал король, — Наклоны королевского туловища вперёд и назад, с разведением в стороны королевских рук... И — раз! И — два! И — раз! И — два!

Послышались сонные вздохи и шарканье ног.

— Осторожно, мама, — пискнула принцесса. — Ты чуть не поцарапала мне нос! Не маши руками, как курица!

— Дитя моё! — ахнула королева. — Как ты можешь так выражаться? И вообще откуда ты знаешь такое некрасивое безобразное слово «курица»?

— Не надо... не надо ссориться, мои дорогие! — сказал король. — Особенно сегодня, когда наконец должен расцвести наш цветок-невидимка!

— А почему он так долго не расцветал? — капризно пропищала принцесса. — Ты бы ему приказал, папочка, чтобы он расцветал каждый месяц.

— Цветку нельзя приказать, дитя моё. Он не человек. Цветок-невидимка цветёт раз в десять лет. И мы тогда делаем новые колпаки-невидимки.

— А зачем они нам нужны? Ведь у нас уже есть колпаки. А у тебя, у меня и у мамочки даже есть запасные колпаки.

— Ах, дитя моё... Видишь ли... Нам нужно увеличить нашу армию... Но ты этого не поймёшь. И потом, это государственная тайна. Ну... Давайте кончать зарядку. Прыжки на месте. Королевские руки на бёдра. Раз-два! Раз-два!

Послышались прыжки и ещё какие-то странные звуки. Это король высоко подпрыгивал, а королевские ночные туфли шлёпали его по пяткам.

— Ой! А я тебя вижу, папочка! — вдруг сказала принцесса.

На мгновение в спальне стало удивительно тихо. Толстая муха пролетела из угла в угол. В тишине её жужжание было оглушительным.

— Что?! Что? Не может быть! — прошептал король. — Ты понимаешь, что ты говоришь?!

Король отпихнул королеву, оттолкнул принцессу и бросился к зеркалу.

Действительно, в солнечном луче, наполненном золотистой пылью, плавало какое-то мутное облако. У этого облака было что-то круглое вроде головы и что-то длинное вроде рук. Что-то длинное потянулось к чему-то круглому — это король схватился руками за голову.

— Какая досада... — простонал он. — И надо же, именно сегодня...

— И тебя, мамочка, я тоже вижу, — сказала принцесса. — Не так хорошо, как папочку, но всё-таки вижу.

Королева взвизгнула и нырнула под одеяло.

— Отчего же это, отчего? — всхлипнула она из-под одеяла.

— «Отчего, отчего»! — передразнил её король. — А оттого, моя милая, что колпаки-невидимки не стирались уже пять лет. А от грязи, сама знаешь, они теряют свои свойства. В последний

раз их стирала моя кормилица незадолго до своей смерти. А мой запасной колпак? На него страшно глядеть, от грязи он стал таким жёстким, что его не натянешь на голову. Немедленно, милая моя, вылезай из-под одеяла и берись за стирку! Мы не можем из-за такой мелочи отменить праздник!

— Что ты! Что ты! — воскликнула королева. — Я не могу их стирать! Не могу! Какой ужас...

— Ну, а как же твои придворные дамы? Ведь они сами стирают свои колпаки. Чем же ты хуже их?

— Хуже?! Я лучше их! И... и поэтому я не могу стирать. Не могу... Я даже не знаю, как это делается!

— Кажется, бельё сначала гладят утюгом, а потом кладут в воду, — сказала принцесса. — Я слышала, что это называется стиркой.

— Да нет, — с раздражением сказал король. — Ты всё путаешь. Сначала его трут мылом. Потом гладят. А потом уже бросают в кипяток...

— Как всё это сложно... — простила королева. — Но мне кажется, его сначала вешают на верёвку. Это самое главное. Однажды я видела, как какая-то женщина вешала бельё на верёвку. На ней было старое, некрасивое платье, а пальцы были красные и распухшие. Нет, нет, я не могу вешать бельё на верёвку. Пусть лучше этим займётся принцесса.

— Что ты, мама, я ещё маленькая! — с возмущением воскликнула принцесса. — Мне же только двенадцать лет! Разве можно стирать в моём возрасте!

— Но это совсем не королевское занятие! — всхлипнула под одеялом королева. — И притом я не умею вешать...

— Так, может быть, поручить стирку нашему палачу? — предложила принцесса. — Он умеет вешать.

— Ах, как она ещё наивна! — сквозь зубы пробормотал король.

— Принцесса должна быть наивна! — набросилась на него королева. — Во всяком случае, девочка права. Надо срочно найти прачку для наших колпаков. Какую-нибудь придворную даму...

— Нечего сказать, ты хорошо придумала, — рассердился король. — Что ей стоит нас околпачить? Ей же ничего не стоит украсть наши колпаки. Как мы её тогда будем искать?

— Ну, а если взять для этого какую-нибудь другую женщину, у которой нет колпака-невидимки?

— Ах, замолчи, пожалуйста! Это всё не так просто. И она тоже может украсть наши колпаки.

— Так что же тогда делать? — простила королева.

— Значит, мы не будем сегодня танцевать? — всхлипнула принцесса.

В спальне стало тихо. Слышны были только шаги короля. Толстая муха, как шарик, скатанный из бумаги, ударила о стекло.

Вдруг послышался громкий шлепок.

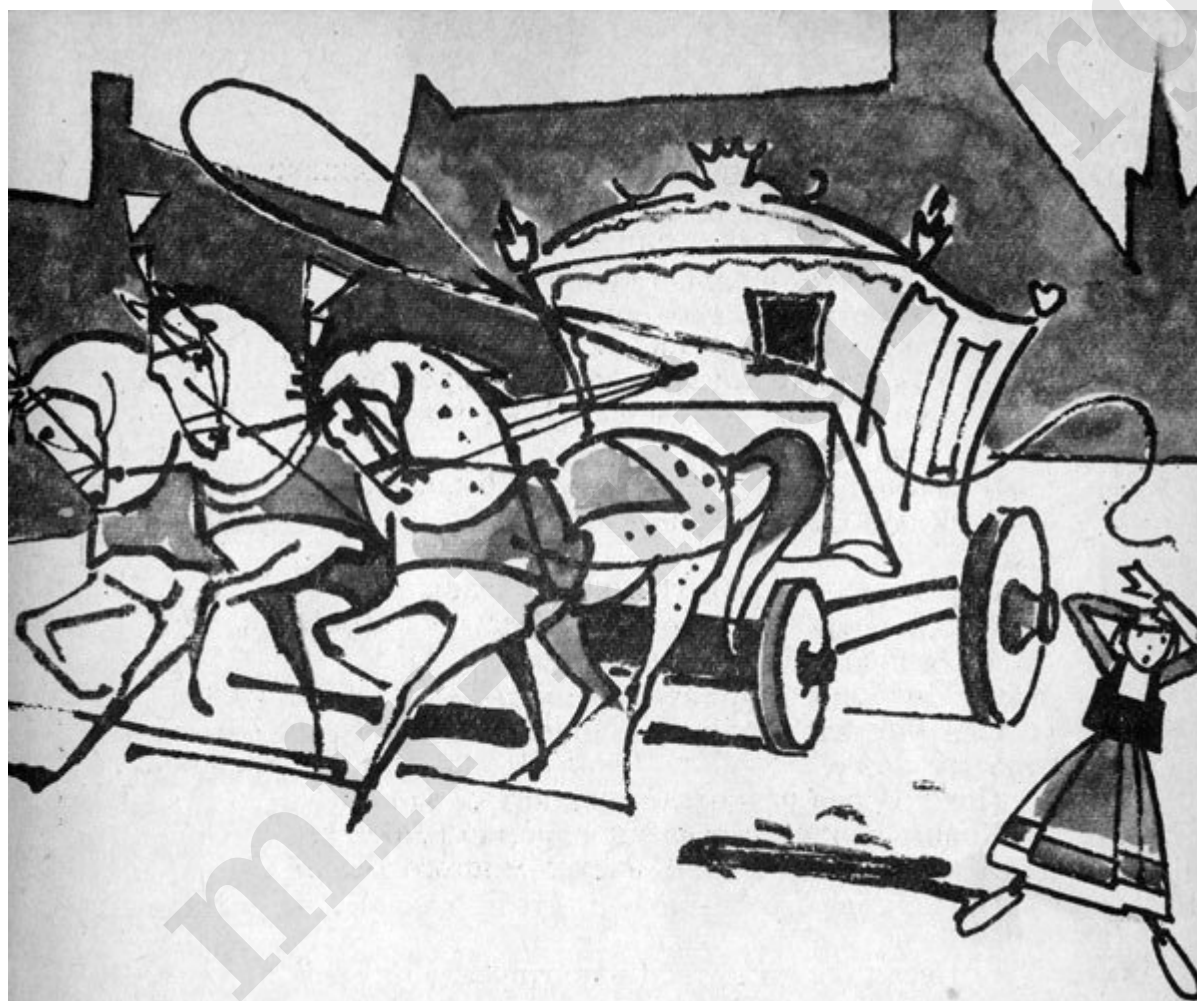
Толстая муха в обмороке упала на подоконник. Это король хлопнул себя ладонью по лбу.

— Придумал! Придумал! — с торжеством воскликнул король. — Вот это мысль! Настоящая королевская мысль! Теперь мы найдём прачку. Она выстирает наши колпаки-невидимки. И она не украдёт их, потому что...

Король приоткрыл дверь и громко крикнул:

— Позвать ко мне Министра Чистого Белья!

Глава 2. Матя приходит в город

— Эй, девчонка, посторонись!

Матя подняла голову.

Прямо над ней были белые раздувающиеся животы лошадей. Матя отскочила в сторону. Тяжёлые копыта лошадей ударили о мостовую. Большая позолоченная карета остановилась.

В ту же минуту в воздухе свистнул кнут. Матя вскрикнула от боли. Ей показалось, что её разрезали пополам.

В карете кто-то задвигался и засмеялся.

— Посмотрите, какая смешная деревенская девчонка! — сказал женский голос.

— Какой большой некрасивый нос! — сказал второй женский голос.

— Какие некрасивые зелёные глаза! — сказал опять первый женский голос.

— Какие безобразные растрёпанные волосы! — сказал опять второй женский голос.

Потом оба голоса захохотали:

— Ха-ха-ха!

Матя подняла голову и заглянула в карету. Но в карете никого не было. Карета была пуста.

Она увидела малиновые бархатные подушки, тиснённую золотом кожу.

Потом Матя увидела, что на козлах нет кучера.

Концы вожжей висели в воздухе, и дёргались в пустоте, как живые.

Представляю себе, мой читатель, как бы ты вытаращил глаза от изумления, увидев всё это!

Вот если бы мимо тебя вдруг проехал пустой автобус. Совсем пустой, даже без водителя. А ты бы слышал, как кондуктор объявляет остановки и как смеются и разговаривают пассажиры. Ведь ты бы очень удивился, правда?

Ну, а Матя несколько ие удивилась. Ведь она уже не в первый раз была в городе.

Потом ей было сейчас слишком больно, чтобы удивляться. Особенно было больно, когда она шевелила лопатками.

Больше всего Мате сейчас хотелось высунуть язык и громко закричать:

«А у меня зато есть Братья! Вот! Они хорошие, смелые! Они ничего не боятся! А у вас нет!»

Но потом она была рада, что промолчала. Это было бы слишком глупо. Ведь у невидимок тоже могут быть братья.

Карета проехала мимо, крякая и переваливаясь на неровной мостовой, как огромная утка.

— Ну и пусть... — пробормотала Матя. — Ничего, до свадьбы заживёт...

Конечно, Матя ещё не собиралась выходить замуж. Ведь ей всего было двенадцать лет. Но так всегда любила говорить тётушка Пивная Кружка. Она была хозяйкой трактира, который назывался «Очень вкусная сосиска».

Трактир был как раз рядом с домом Матиных Братьев. Когда Матя приходила в город, она каждый день забегала к тётушке Пивной Кружке и ела её вкусные жареные сосиски.

Конечно, тётушка Пивная Кружка тоже не собиралась замуж, потому что ей было уже шестьдесят лет, но всё равно это была её любимая поговорка.

Матя быстро побежала по тёмному переулку.

Переулок становился шире и светлее.

Матя выбежала на рыночную площадь.

Над рыночной площадью стоял шум голосов. Как колокольчики, звякали монеты.

Мычали огромные быки, и пищали маленькие цыплята, которые только пять минут назад вылупились из яйца.

Ох, чего тут только не было!

Здесь можно было купить всё. Всё, что ты считаешь самым вкусным и сладким.

Но почему-то все, кто продавал эти вкусные вещи, были бледные и худые. Бледные женщины продавали румяные яблоки, а худые старушки — жирных поросят.

Зато покупательницы были толстые и красные. Они ходили по рынку с большими плетёными корзинами. Пальцы у них были такие толстые, что они всегда держали их растопыренными. Они с трудом засовывали пальцы в горшки со сметаной, а потом облизывали их толстыми языками.

Вдруг на деревянный помост вскочил полосатый человек и громко затрубил в длинную трубу.

Солнце повисло на трубе большой золотой каплей.

Полосатый человек сплюнул на помост и закричал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Объявляется конкурс на должность прачки королевских колпаков-невидимок! Каждая женщина с чистой совестью и умеющая стирать грязное бельё может явиться в королевскую канцелярию, имея при себе кусок стирального мыла. Спешите! Спешите! Спешите! Торопитесь! Торопитесь! Торопитесь! Серебряная монета за каждый выстиранный колпак!

Сначала на площади стало удивительно тихо.

Потом вдруг кто-то бросился бежать, расталкивая всех локтями.

Началась давка. Послышались крики и вопли. Затрещали рёбра и плетёные корзины. Богатые покупательницы, вытаращив глаза, побежали в разные стороны.

— Ах ты дрянь такая! — кричала своей служанке высокая женщина с зелёными серьгами в жёлтых ушах. Служанка еле поспевала за ней. Служанка была очень худая, с очень толстой косой. По правде говоря, коса была толще, чем она сама. — Это ты, дура, потратила вчера последний кусок стирального мыла. Выстирала пятнадцать моих юбок, десять рубаш, да ещё свою ленту из косы. Что же я теперь буду делать?

Матю толкали, щипали и поворачивали в разные стороны. Наконец она, как пробка из бутылки, вылетела из толпы и очутилась как раз перед домом своих Братьев.

Матя ахнула и схватилась за щёки.

Все стёкла в доме были выбиты. Окна заколочены толстыми шершавыми досками.

А на двери висел замок.

Ужасный замок. Похожий на голову бульдога.

Никогда Матины Братья не повесили бы на дверь такой замок.

Вдруг кто-то потянул Матю за руку. Матя оглянулась. Позади неё стояла тётушка Пивная Кружка. Её красное лицо дрожало.

Тётушка Пивная Кружка ухватила Матю за руку и потащила через улицу прямо в трактир «Очень вкусная сосиска».

В трактире было пусто. Наверное, ещё никто в городе не захотел пива и жареных сосисок. На деревянных столах кверху ножками стояли табуретки и отдыхали.

Тётушка Пивная Кружка повела Матю в погреб и заперла за собой дверь. Здесь на деревянных козлах стояли большие бочки. Они были похожи на сытых коров. В их животах вздыхало и бродило пиво.

Тётушка Пивная Кружка встала на колени и начала ползать под бочками, как будто хотела подоить этих коров. Она с озабоченным видом хватала воздух руками и шарила по всем углам.

Потом она как будто немного успокоилась и села на перевёрнутое ведро.

— Послушай, моя девочка, — сказала она, — и постарайся не плакать. Какой толк плакать? От слёз девчонки глупеют в десять раз, и больше ничего. А тебе надо сейчас быть очень умной и мужественной. Потому что твои Братья по приказу нашего короля брошены в тюрьму.

Хорошенькое дело! Конечно, Матя уткнулась носом в колени и разревелась. Ручаюсь головой, что все девочки, которые сейчас читают эту книжку, тоже заревели бы на её месте.

— Конечно, все невидимки очень красивые. Никто и не спорит... — сказала тётушка Пивная Кружка. Она оглянулась по сторонам, пощупала руками воздух вокруг себя и добавила шёпотом: — Но всё-таки они все очень жестокие. Да, да... Их сердца совсем не такие красивые, как их лица.

Тётушка Пивная Кружка раз десять тяжело вздохнула и наконец сказала:

— Это случилось три дня назад. Ночью... пять минут первого, что ли... К твоим Братьям пришёл Министр Войны. Конечно, его нельзя было увидеть, потому что на нём был колпак-невидимка. Но зато его нельзя было не услышать. Ты же знаешь, что у нашего Министра Войны самый громкий голос в королевстве. Я так и подскочила в постели вместе с одеялом и пододеяльником, когда услышала его голос. Он как заорёт: «Здравствуйте!!! Смирно!!!» Кажется, он сказал что-то в этом роде... «Нашему королю нужно много колпаков-невидимок!!! Вы лучшие ткачи в королевстве!!! Вы знаете секрет материи, которая носится сто лет и не рвётся!!! Вы будете ткать материю для колпаков-невидимок!!! А король вам за это хорошо заплатит!!!» А твои Братья ответили: «Мы не будем ткать материю для колпаков-невидимок, потому что мы ненавидим войну...» Кажется, они сказали именно так. Ну конечно, Министр Войны обиделся. Он просто слышать не может, когда кто-нибудь что-нибудь не так про войну скажет. Он как рявкнет: «Взять их!!!» Тут в доме всё начало падать и разбиваться. А потом я увидела, как твои Братья, связанные верёвками, сами собой тащатся по мостовой... И вот теперь они сидят в Чёрной башне, куда можно пройти только по подземному ходу. Да не плачь же так, Матя! От слёз девочки болеют и носы у них становятся в два раза больше! А он у тебя и так не маленький.

Но Матя плакала так сильно, что даже в её деревянных башмаках хлюпали слёзы.

Тётушка Пивная Кружка посмотрела на неё с досадой и огорчением.

— Оставайся у меня, — сказала она. — Днём ты будешь помогать мне жарить сосиски, а ночью будешь спать вместе со мной. Я дам тебе шесть мягких подушек, а по утрам разрешу тебе подольше поваляться в постели.

Но Матя покачала головой.

— Спасибо, тётушка Пивная Кружка, — сказала она. — Я уйду обратно в деревню. У меня лопнет сердце, если я каждый день буду ходить мимо дома моих Братьев. Даже если я буду закрывать глаза. Нет, не могу! Не могу, и всё!

Она встала и поцеловала тётушку Пивную Кружку. А тётушка Пивная Кружка тут тоже не выдержала и заплакала, и нос у неё тоже стал в два раза больше.

Матя вышла из трактира «Очень вкусная сосиска».

Она посмотрела на дом своих Братьев, и сердце у неё действительно чуть не лопнуло.

На площади было пусто.

Покупатели разбежались, а продавцы разошлись.

Мимо Мати пробежала высокая женщина с жёлтыми ушами.

— Мерзавка! — кричала она своей худенькой служанке, которая еле поспевала за ней. — Вот! В городе не осталось ни одного куса стирального мыла. Все хозяйственные лавки закрылись. Что же я буду делать? Все побежали наниматься в королевские прачки! Посмотри на эту деревенскую девчонку! Она тоже идёт туда. Конечно, конечно! Она тоже хочет их стирать! А я умру, умру, если не буду прачкой колпаков-невидимок!

Слёзы обиды и горя брызнули у Мати из глаз. Они брызнули с такой силой, что даже не намочили ей щёки. Матя сжала кулаки.

— Да я... — закричала она. — Да я скорее умру, чем буду стирать ваши мерзкие, грязные колпаки!..

И тут Матя почувствовала, что ноги её оторвались от земли и её сжимают какие-то грубые невидимые руки.

— Вот тебя-то нам и надо! — услышала Матя грубый голос. — Эй, сюда! Нашли!

— Немного мала да и худа! Уж очень неказиста!.. — проговорил другой голос.

— Ничего, сойдёт и такая! — рявкнул третий.

— Ай! — закричала Матя и попробовала вырваться. Но грубые руки потащили её в переулок.

— Ой! — закричала Матя.

Ноги её болтались в воздухе. Деревянные башмаки соскочили и остались на площади. Издали они были похожи на двух грустных утят.

— Мои башмаки! — закричала Матя. — Что вы делаете? Мои башмаки!

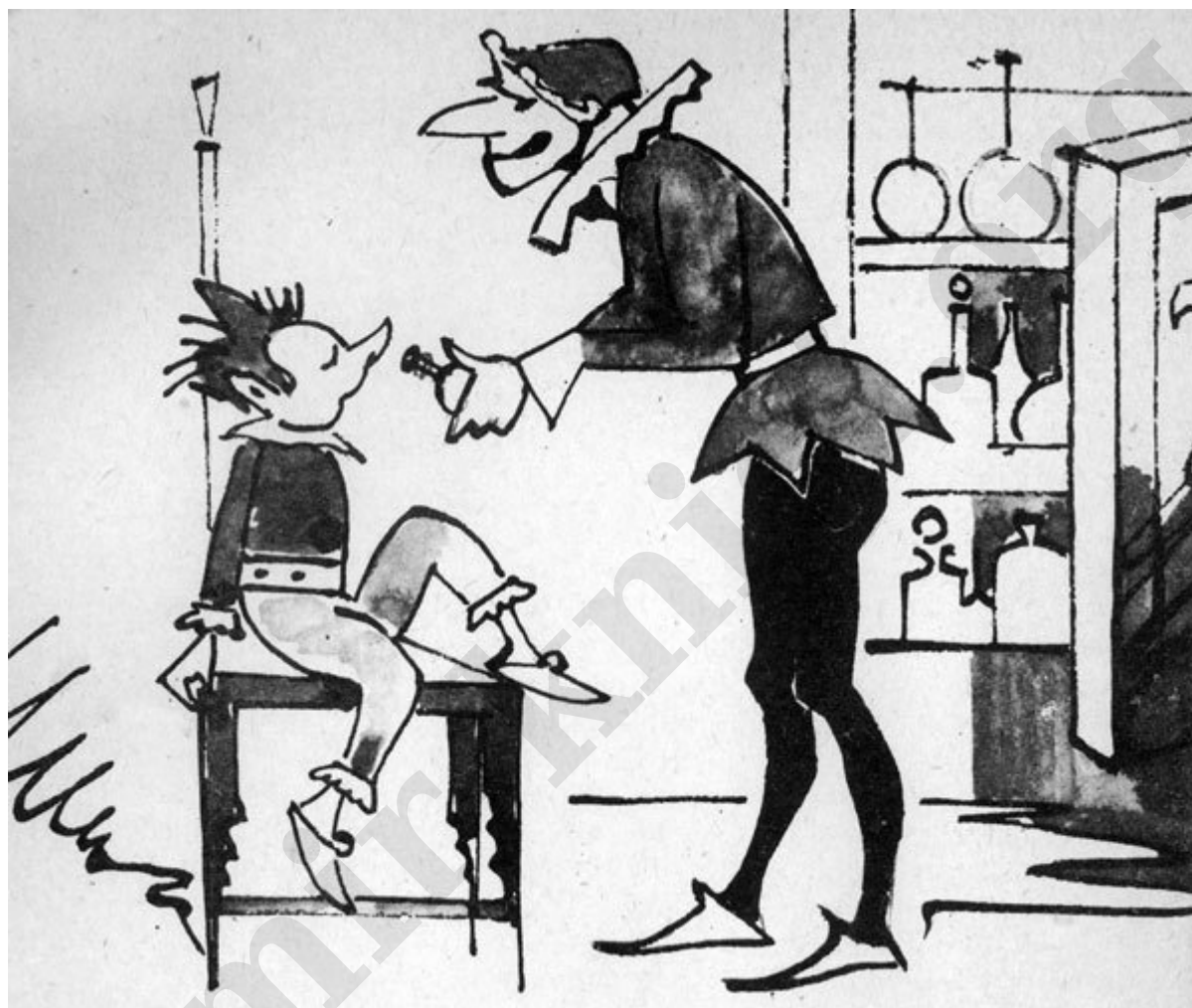
Злые руки сунули её в открытые дверцы кареты. Вслед за ней в карету прямо по воздуху сами собой влетели башмаки. Как будто утята вдруг научились летать.

Кто-то тяжело плюхнулся рядом с Матей на сиденье.

— Поехали! — закричал грубый голос.

Дверцы захлопнулись, и карета тронулась.

Глава 3. Чёрный шкаф

Было раннее утро.

Вставало солнце, и дома в городе с одного бока стали тёплыми. Это был именно тот час, когда ты бежишь в школу. Вот ты бежишь по улице. Солнце пригревает тебе спину, а животу холодно. Ты грызёшь яблоко и повторяешь таблицу умножения.

И вместе с тобой по обеим сторонам улицы бегут ещё девчонки и мальчишки с портфелями в руках. Они смеются и перекрикиваются через улицу. А те, кто не выучил уроков, думают, как бы успеть на перемене у кого-нибудь списать задачку.

В одной из комнат дворца в этот час тоже начался урок.

Но на этом уроке присутствовал только один-единственный ученик.

И он учился совсем не тому, чему ты учишься в школе. Ни арифметике, ни письму, ни чтению,

ни... Нет, ты ни за что не отгадаешь, чему он учился!

Он учился... различать запахи.

В мрачной уютной комнате стоял чёрный шкаф. Шкаф был очень большой. Он был как маленький дом. Если его вынести на улицу, в нём вполне могла поселиться какая-нибудь бедная семья. Он был сделан из тяжёлого чёрного дерева. Но на всякий случай, чтобы его не украли, он был прикован к стене двумя толстыми железными цепями.

Около чёрного шкафа стоял высокий человек со страшными глазами и большим носом, похожим на башмак. Рядом с ним на стуле сидел противный носатый мальчишка и болтал кривыми ногами.

Нос у этого мальчишки тоже был похож на башмак. Только этот башмак был на несколько номеров меньше.

Человек со страшными глазами и противный мальчишка были отец и сын. Это были Главный Хранитель Королевских Запахов — Цеблион и его сын Цеблионик.

Хранитель Запахов наклонился к шкафу и сунул большой чёрный ключ в замочную скважину. Он несколько раз повернул ключ. Дверцы шкафа длинно заскрипели и отворились. Все полки этого шкафа были уставлены разными флаконами. Здесь были большие флаконы и маленькие. Флаконы, важные, как индюки, и жалкие, как мокрые курицы. Здесь были флаконы с золотыми пробками и флаконы, заткнутые просто комком бумаги.

Хранитель Запахов взял с полки один флакон, зажал его в кулаке и поднёс к носу Цеблионка.

— Ну ладно, ладно, сыночек, не болтай ногами, не отвлекайся. Давай заниматься! — сказал он. — Какой это запах?

Цеблионик неохотно обнюхал кулак отца.

— Порох, — сказал он скучным голосом. — Министр Войны!

— Умница! — с восторгом сказал Хранитель Запахов. — Пятёрочка!

— А это что? — спросил он, поднося к его носу другой флакон.

— Кажется, земляничное мыло... Наверное, это Министр Чистого Белья... — сморщив нос, проворчал Цеблионик. Его нос сразу же стал похож на старый поношенный башмак.

— Пять с плюсом! — в восторге закричал Хранитель Запахов. Ему хотелось погладить Цеблионка по голове, но он боялся, что тот снова начнёт болтать ногами. — Ах ты моё сокровище... Ну, а это что?

— Не то фиалки... не то рыбы потроха...

— Двойка, — с беспокойством сказал Хранитель Запахов. — Цеблионик, миленький, ну сосредоточься, ну понюхай хорошенько!..

Цеблионик со свистом втянул носом воздух и ничего не ответил.

— Ну подумай, подумай... — разволновался Хранитель Запахов. — Ну ты же у меня такой способненький... Но Цеблионик молчал.

— Ну что же ты! — с огорчением сказал Цеблион. — Это же запах нашего короля! Самый главный запах в нашем королевстве. «Королевский запах не должен быть похож ни на один запах на свете!» — так сказал мне король. Я полгода работал над его запахом. Сколько раз я тебе говорил: чувствуешь, пахнет не поймёшь чем, — значит, это король. Ну давай всё повторим сначала...

Тебя, мой читатель, конечно, очень удивляет, зачем невидимкам нужны все эти духи? Зачем их надо держать в чёрном шкафу и запира́ть таким большим ключом?

Но я тебе сейчас всё объясню. Всё это очень просто.

Как ты прекрасно понимаешь, невидимки не могли видеть друг друга.

И вот, чтобы не спутать короля с министром, а королеву с какой-нибудь придворной дамой, у каждого невидимки были свои особые духи.

Так они и узнавали друг друга по запахам.

Знатные невидимки каждое утро, едва открыв глаза, выливали на себя по полфлакона духов. Менее знатные и богатые невидимки обязаны были съесть натошак сырую луковицу без хлеба, или налить в карман немного керосина, или обильно обрызгать себя лимонным соком.

Самой опасной болезнью в королевстве считался насморк. Чихнуть во дворце — это было уже государственным преступлением!

Ещё бы! Больной невидимка мог пройти мимо самого короля и не поклониться. Он мог даже налететь на него. Да и вообще мало ли что могло случиться?

Цеблион, благодаря своему удивительному носу, похожему на башмак, лучше всех разбирался в запахах.

Вот уже пять лет он бессменно был хранителем Королевских Запахов. Все невидимки ненавидели его. Ведь он мог за сто шагов узнать по запаху любого невидимку.

Да, работы было много, неприятностей ещё больше, а жалованье при этом он получал совсем маленькое.

Но не ради денег терпел всё это Цеблион. Дело в том, что король обещал дать ему два колпака: один для него, а другой для его сына.

Получить эти колпаки было самой большой мечтой его жизни.

Цеблион сам готовил духи для всех невидимок. На верхнем этаже Белой башни у него была лаборатория, вся заставленная банками и склянками и завешанная пучками сухих трав. Часто в сумерках, закончив работу, он сидел у себя в лаборатории и мечтал о колпаках-невидимках.

О колпаки, колпаки!

В мечтах они летали перед ним, как две птицы. Он протягивал к ним жадные, дрожащие руки. Колпаки — это власть!

Колпаки — это богатство! Как только он их получит, всё будет иначе, всё сразу же будет иначе...

А пока что Цеблион каждое утро открывал чёрный шкаф и учил сына различать запахи.

Хранитель Запахов протянул руку и достал с верхней полки хорошенький флакон с круглой крышкой и зажал его в кулаке.

Флакон был чем-то похож на маленькую девочку.

Цеблион жадно обнюхал его кулак.

— Ландыши! — сказал он и облизнулся. — Принцесса!

— Ах ты мой отличник! — дрогнувшим голосом сказал Хранитель Запахов. — Умница. Вот увидишь, когда ты немного подрастёшь, ты обязательно женишься на принцессе.

— Да-а-а... — захныкал Цеблион. — Принцесса — самая красивая девочка на свете, а у меня вон какой нос. Я даже не могу есть мороженое, потому что мой нос зябнет и я боюсь его отморозить... А у тебя, папка, нос ещё больше... фу, смотреть противно...

— Мой нос — это мой хлеб... — с виноватым видом сказал Главный Хранитель и помял пальцами свой огромный нос.

— Да ну, папка. Какой ты глупый, папка. Вот у всех есть колпаки, а у тебя нет.

— Как у всех, сыночек? Да нет, мой миленький. Колпаки только у придворных. Ну ещё, конечно, у короля, королевы и принцессы.

Цеблион сморщил лицо.

— Да-а... А ещё у всех стражников. Вон их сколько...

— Погоди, погоди, сыночек. Но ведь это же солдаты. Нас же надо защищать. Наши денежки, наши...

— Защищать? А музыканты? Они нас тоже защищают, что ли? Своими дуделками и свистелками?

Злоба исказила лицо мальчишки, и лицо отца, как зеркало, отразило эту злобу.

— Эх, сыночек... Я и сам бы не дал им ни одного колпака-невидимки... Но ведь если наши солдаты пойдут на войну, музыканты пойдут вместе с ними. Они будут играть им военные марши, чтобы солдаты веселее шли в бой.

Цеблион затопал ногами, затрясся.

— Дурак, дурак, папка. Ты уже пять лет во дворце, а колпаков нету!

— Ну, успокойся, сыночек, ну, не волнуйся. Ведь за это время цветок-невидимка ни разу не расцвёл.

Цеблион улыбнулся своей страшной, отвратительной улыбкой. Он притянул к себе сына и отвёл рукой волосы от его уха.

Потом он наклонился к нему и зашептал ему на ухо дрожащим голосом:

— Это всё ерунда... Лишь бы мне только получить эти колпаки... Ты увидишь... Что у них есть, кроме их красоты? Все они глупы как пробки... А я... я... Я тогда снюхаюсь с каким-нибудь министром и тогда...

В этот момент в дверь кто-то тихонько постучал. Главный Хранитель прижал нос к замочной скважине и сильно втянул в себя воздух.

— Запах ваксы, — прошептал он. — Это — Начищенный Сапог. Интересно, какие он принёс известия...

Начищенный Сапог был один из невидимых стражников.

— Ну?! — спросил Главный Хранитель, приоткрыв дверь.

— Цветок-невидимка расцвёл! Ух, какой красивый! — шепнул Начищенный Сапог.

— А Великий Садовник?

— Спит. Он не спал целую неделю, потому что цветок-невидимку нужно было поливать каждые пять минут. А теперь спит.

— Ну иди.

Хранитель Запахов захлопнул дверь и засмеялся от радости. Он так сильно прижал Цеблионку к своей груди, что тот хрустнул, как вафля.

— Мой любимый, — хрипло сказал Цеблион, — наконец-то! Я уже почти потерял надежду увидеть тебя когда-нибудь невидимым...

Хранитель Запахов нагнулся и взял с нижней полки шкафа большие ножницы. Он пощёлкал ими, как будто хотел отрезать кусок воздуха.

— Я тебя прошу, аккуратно поставь на место все пузырьёчки и запри шкаф, — сказал он. — Если в шкаф кто-нибудь залезет, сам знаешь, в королевстве всё пойдёт кувырком.

— Вот ещё... — недовольно проворчал Цеблион. — Что я тебе уборщица, что ли?

— В другой раз я сам, конечно, мой милый, — торопливо проговорил Хранитель Запахов, — но сейчас мне так некогда... Пока он не проснулся... Значит, убери всё в шкаф и не забудь: ключ надо повернуть пять раз, не больше и не меньше...

Цеблион бросил большой чёрный ключ прямо в руки сына и повернулся к двери.

Он сделал несколько шагов, но вдруг споткнулся обо что-то и, взмахнув руками, с трудом удержался на ногах.

— А, это ты, негритёнок! — прошипел он. — Вечно ты путаешься у всех под ногами...

Это действительно был маленький негритёнок. Он был очень худой. Рёбра у него торчали, как клавиши рояля. Если только можно представить себе рояль с одними чёрными клавишами.

Мальчик растянулся на полу. Наверно, в этот момент ему больше всего хотелось превратиться в одну из половиц.

Цеблион сильно ударил его ногой. Но мальчик даже не застонал. Видимо, он боялся, что за это его ударят ещё сильнее.

Цеблион перешагнул через него и вышел из комнаты. Он бегом пробежал по подземному ходу, ведущему в Белую башню.

Летучие мыши, висающие под потолком вниз головой, даже не пошевелились. Они давно уже к нему привыкли.

Невидимые стражники, тоже привыкшие к нему, как и летучие мыши, распахнули перед ним двери в Белую башню.

Цеблион стал быстро подниматься по старой мраморной лестнице.

Он поднялся на самый верх Белой башни.

Там на открытой площадке, пригретый солнцем, лежал очень старый человек.

Это был Великий Садовник.

Он крепко спал. Потому что это очень нелегко в девяносто пять лет не спать целую неделю и каждые пять минут поливать цветок-невидимку.

Кожа у Великого Садовника была землистого цвета, а волосы и борода были похожи на сухую траву.

Но выражение лица у него было очень счастливое. Такое выражение лица бывает у человека, когда ему удаётся создать то, о чём он мечтал всю жизнь.

Великий Садовник спал, положив голову на пустую лейку.

Он улыбался.

А около него в простом глиняном горшке стоял цветок-невидимка.

Он был маленький с узкими тёмно-зелёными листьями.

И он светился.

Каждый его лепесток изгибался и дрожал, как язычок пламени.

В ярком солнечном свете его лучи были почти не заметны. Но даже дурак мог бы сразу сказать, что это самый удивительный и красивый цветок на свете.

В воздухе над ним выстроилась целая очередь бабочек, пчёл и стрекоз. Но как только они садились на него, они сразу же становились невидимыми.

Хранитель Запахов на цыпочках подошёл к цветку-невидимке.

«Эх, надо было мне надеть мои ночные туфли! — подумал он. — Когда делаешь днём такое дело, которое лучше делать ночью, всегда надо надевать ночные туфли».

Цеблион старался даже не глядеть на Великого Садовника, чтобы не разбудить его своим страшным взглядом.

Но Великий Садовник спал очень крепко.

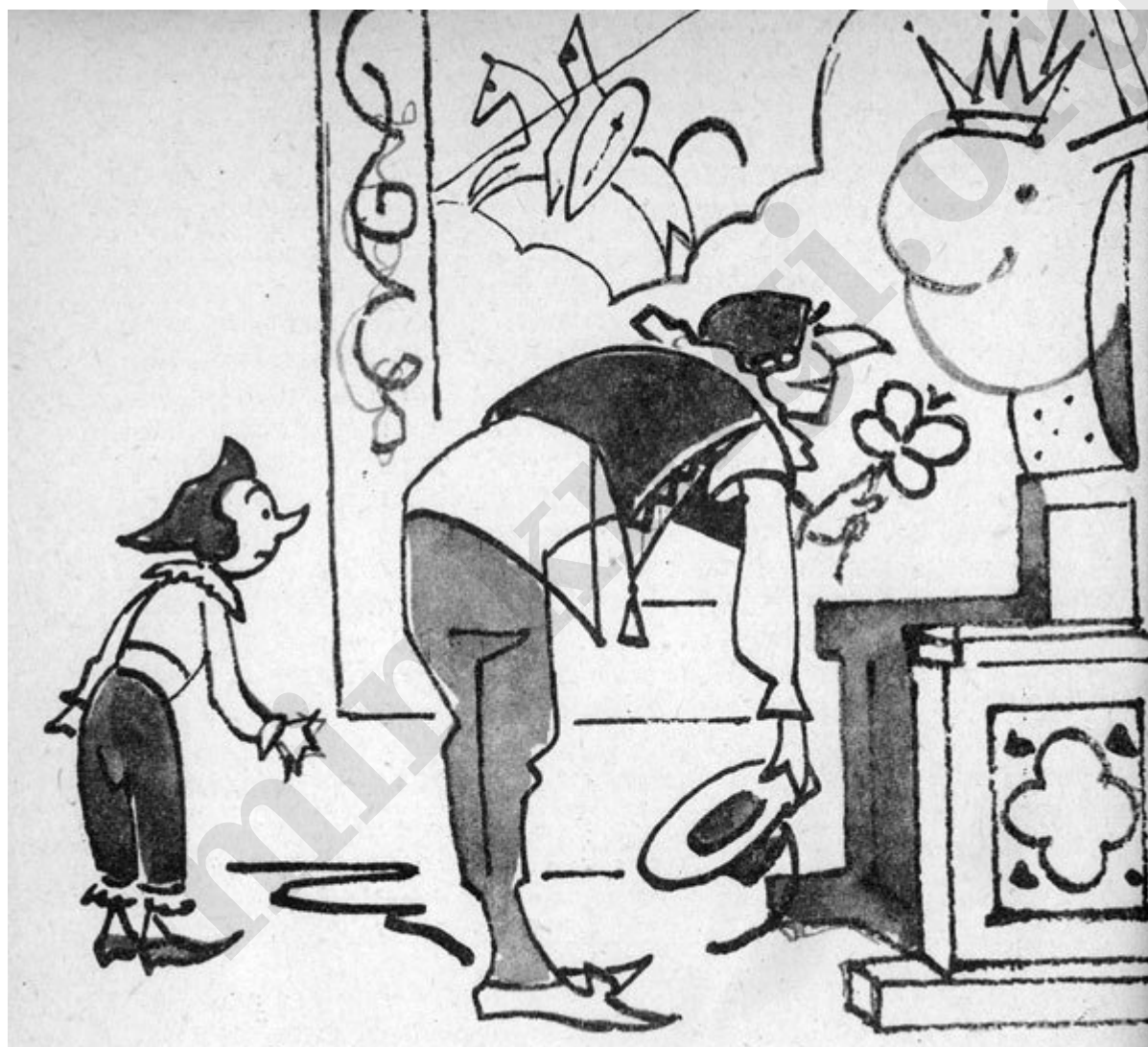
Цеблион наклонился и срезал цветок-невидимку под самый корень. Ножницы лязгнули, как волчья пасть, и мгновенно исчезли.

Но Великий Садовник только улыбнулся во сне.

Цветок-невидимка упал на край глиняного горшка. Его светящиеся лепестки свесились, как руки убитого.

Цеблион жадно схватил цветок-невидимку и направился к лестнице.

Глава 4. Цветок-невидимка

Если бы ты, мой читатель, забрался на галерею, идущую вдоль дворца, а потом подтянулся на руках и заглянул в окно, ты бы увидел главный королевский зал.

Тебе бы пришлось сразу зажмуриться. Так всё здесь сверкало, сияло и переливалось.

С высокого потолка свисали большущие золотые люстры.

Как огромные осьминоги, были эти люстры. И на конце каждой ноги тоже что-то сверкало и блестело. Люстры как в зеркале отражались в блестящем, натёртом паркете. Казалось, что о них можно споткнуться.

А посреди зала стоял королевский трон. Конечно, он был тоже весь разукрашен. Сверху донизу он был покрыт большими драгоценными камнями, похожими на выпученные глаза.

Конечно, тебе было бы очень интересно посмотреть на всё это. Но сколько можно висеть, подтянувшись на руках?

В конце концов ты бы спрыгнул на землю. И я знаю, что бы ты сказал:

— Подумаешь, чепуха на постном масле! Обыкновенный королевский дворец. Вот наш Дворец пионеров — это да! Конечно, у нас там нет трона с драгоценными камнями. А на что он нам нужен? Зато у нас во Дворце пионеров есть и бассейн, и разные кружки, и обсерватория, где мы по вечерам смотрим на Луну и на планеты. И потом, у нас там много народа. У нас там весело. Всюду бегают мальчишки и девчонки, орут, кричат... А здесь вон пусто и никого нет...

Но в этом ты бы ошибся, мой милый!

Если бы ты вошёл в зал, ты бы чуть не задохнулся.

В зале тяжело колыхался запах сорока пяти разных садовых и полевых цветов.

Да ещё к ним примешивался запах собак, кислых щей, лимонных корок, конского пота, пороха, сухой малины, свежих сосновых стружек и рыбьего жира.

Но сильнее всего в зале пахло чем-то непонятным и совершенно ни на что не похожим.

Это значит, что в зале были не только министры и придворные дамы, но и сам король Невидимка V.

Король сидел на троне.

Если бы ты внимательно пригляделся, когда ты заглядывал в окно, ты вполне мог бы его увидеть.

Король ещё больше, чем утром, был похож на мутное облако.

Он сидел и в раздражении кусал ногти. Он плохо позавтракал. Он целый час ковырял вилок котлету. Куски котлеты становились невидимыми, как только он нацеплял их на вилку. Но он тут же снова клал их на тарелку.

Наконец все министры с трудом уговорили его съесть одну котлету.

А королева вообще не вышла из спальни. Она позавтракала, накрывшись с головой одеялом. А потом приказала повесить на окна толстые, чёрные занавески. В спальне стало так темно, что королева не могла понять, сидит она с открытыми или закрытыми глазами.

Король потянул зубами заусенец и выругался:

— Чёрт побери, где же Министр Чистого Белья? Почему его так долго нет?

Король в нетерпении сильно топнул ногой. Придворные испуганно шарахнулись в стороны, стучаясь лбами и царапая друг друга невидимыми орденами.

— Да где же он, наконец? Прошло уже три часа! Послать за ним капитана невидимых стражников!

Но в это время двери в зал распахнулись, сильно запахло земляничным мылом и кто-то упал на колени перед тронем, громко стукнувшись об пол не то лбом, не то коленками.

— Ну? — нетерпеливо спросил король. Мутное облако на троне наклонилось.

— Клянусь корытом, Ваша Прозрачность... Уф... Минуточку отдышусь и доложу, — тяжело дыша, ответил Министр Чистого Белья. — Всё в порядке. Мы её нашли. Как раз такая, как вы хотели.

У короля вырвался вздох облегчения, который тут же перешёл в недоверчивое рычание.

— А ты сделал всё, как я приказал?

— Клянусь мыльницей! Всё было сделано точь-в-точь, как было приказано. Я послал невидимых стражников на рыночную площадь. Я поставил по стражнику под каждым окном и балконом. Я велел им хорошенько вымыть уши и подслушивать изо всех сил. И они нашли...

— И она действительно не хочет?..

— Ну да, Ваше Незримое Величество, не хочет... Не хочет стирать ваши колпаки... Это прекрасная мысль, Ваша Прозрачность. Ведь та, которая не хочет их стирать, не захочет их украсть!

Толпа придворных всколыхнулась.

Они придвинулись к королю, обдавая его всевозможными запахами.

— О, какая глубокая мысль!

— Конечно, конечно, та, которая не захочет их стирать, не захочет их украсть!

— Поразительно!

— Мне бы это ни за что не выдумать!

— И мне тоже!

— Постой, постой, министр! — сказал король. Голос у него снова стал мрачным и подозрительным. — Как же это так? Тут что-то не то... Придумал-то я, конечно, неплохо. Но только... Неужели в моём королевстве есть женщина, которая не хочет стирать мои колпаки? А?.. Может быть, тут какая-нибудь хитрость?.. А может быть, даже... заговор?..

— Да нет... — Министр Чистого Белья хихикнул. — Дело ясно, как белая простыня. Это не женщина... Это простая деревенская девчонка, в деревянных башмаках, с глупыми деревянными мозгами. Сейчас эта девчонка сидит в подвале около корыта и плачет. Корыто полно её слёз. Она может стирать колпаки-невидимки прямо в своих слезах. Ха-ха-ха!.. Это даст нам даже некоторую экономию на мыле! Ха-ха-ха!

Король поглубже уселся на троне.

— Ну что ж, — сказал он немного спокойнее, — в таком случае пускай она немедленно приступает к стирке. И довольно об этой девчонке. Сегодня вечером бал, и мы все...

Но он не успел договорить.

Тяжёлые двери распахнулись, и в зал вошёл Хранитель Запахов.

Позади него, почти упираясь носом в его спину, шёл Цеблионок.

В руке у Главного Хранителя слабо светился цветок-невидимка.

Цветок-невидимка имел совсем больной вид. Казалось, если сунуть градусник ему под листок, у него наверняка оказалась бы высокая температура.

— Ваше Незримое Величество! — громко и торжественно проговорил Цеблион. Глаза его увлажнились. Нос покраснел. Но он продолжал ещё громче: — Я счастлив, что первый могу сообщить вам эту великую новость. Цветок-невидимка расцвёл!

Произошло замешательство.

Обычно придворные при виде Хранителя Запахов разбегались по углам и только издали строили ему рожи или высовывали невидимые языки. Но на этот раз они окружили его.

— Цветок-невидимка!

— Какой он маленький!

— Конечно, вам хотелось бы, чтобы он был как слон!

— А вам хотелось бы, чтобы его вообще не было!.. У вас есть колпак — и дело в шляпе!.. А другие как хотят, эгоист!

Цеблион подошёл поближе к трону и протянул цветок в пустоту.

Король резко вскочил.

В тишине послышалось его тяжёлое дыхание. Мутное облако, казалось, повисло над цветком.

— А... а это действительно он? Цветок-невидимка? А может быть, это просто какой-нибудь дрянной цветок? Ты можешь доказать, что это именно он?

— Доказать? — Цеблион растерянно моргнул. Он совсем не ожидал такого вопроса.

— Да, да, доказать! — прошипел король. — Знаю я вас тут всех! Насквозь вижу! А если это не он? Если ты меня... Тогда я тебя, за то что ты меня...

Нос у Хранителя Запахов позеленел.

— Цеблионок, — поспешно сказал он, — дай мне что-нибудь небольшое. Ну хотя бы... твой носовой платок.

— Отстань, папка, — проворчал Цеблионок. — Ты же знаешь, что он грязный...

— Что? Что он говорит? Носовой платок? — завизжал король. — Так, может быть, у него насморк? Насморк у меня во дворце! Предательство! Измена!

— Носовой платок! Какая гадость! Мы даже не знаем, что это такое! — возмущённо зашептали придворные.

— Кажется, на нём ездят верхом!

— Нет, в нём варят суп! Это я точно знаю.

— Да нет, они растут в лесу на таких маленьких кустиках!

Это придворные делали вид, что они не знают, что такое носовой платок.

— Клянусь полем битвы!!! — заорал Министр Войны. — Любимая поговорка моих солдат: нос и порох держи сухим!!!

От его оглушительного голоса тринадцать придворных оглохло, а на потолке появилась трещина, похожая на сухое дерево.

Хранитель Запахов понял, что он сморозил ужасную глупость, и его нос позеленел ещё больше.

— Ну дайте мне что-нибудь маленькое! Ну что вам не жалко! — растерянно твердил он, поворачиваясь в разные стороны.

Но придворные молчали.

Они были страшно довольны, что Цеблион попал в такую скверную историю.

Он бы мог просить у них сто лет, но они всё равно ничего бы ему не дали...

— На, папка, — сказал Цеблион и бросил к ногам Хранителя Запахов ключ от чёрного шкафа. — Больше у меня в кармане ничего нет.

Цеблион поспешно нагнулся над ключом и слегка нажал на стебель цветка-невидимки.

Грустная капля, похожая на слезу, упала на ключ. Ключ исчез.

— Ваша Светлейшая Прозрачность! — закричал Цеблион. Голос его дрожал и хрипел. — Я надеюсь, вы не забыли? Два первых колпака...

Но голос его потонул в криках и воплях невидимок.

Придворные, толкая друг друга, бросились к цветку-невидимке.

Министр Войны угодил локтем в нос какой-то даме. Конечно, может быть, дама угодила носом в локоть Министру Войны, но это так и осталось невыясненным.

Министр Чистого Белья упал, и по нему прошло одиннадцать грязных ног.

— Дайте мне на него посмотреть!

— Подвиньтесь! Ишь какой толстый, как бегемот!

— Дайте, дайте мне его понюхать!

— Я хочу его потрогать! Одним пальчиком! Цветок-невидимка покачнулся в руках Цеблиона. Нижний лист оторвался и исчез в чьей-то невидимой руке.

Цеблион поднял цветок над головой. Невидимки окружили его, крича и толкаясь.

У кого-то под ногой звякнул невидимый ключ от чёрного шкафа.

— Ключ! Осторожнее, ключ! — завопил Хранитель Запахов.

Но невидимые придворные повисли у него на руке, стараясь пригнуть её книзу.

— Что это такое? — закричал король, вскакивая с трона. — Прочь от цветка-невидимки! Под страхом смертной казни не прикасаться к цветку!

Придворные отшатнулись, как будто цветок-невидимка превратился в ядовитую змею.

— А ты, мой Хранитель Запахов, — добавил король, — ты иди в свою лабораторию и немедленно займись приготовлением невидимой жидкости. Я слишком долго ждал, пока расцветёт этот цветик. Больше я не намерен ждать ни минуты! Ты слышишь?

— Невидимая жидкость будет готова ещё сегодня, ваше Невидимое Величество! — кланяясь, ответил Цеблион и, пятась, вышел из зала.

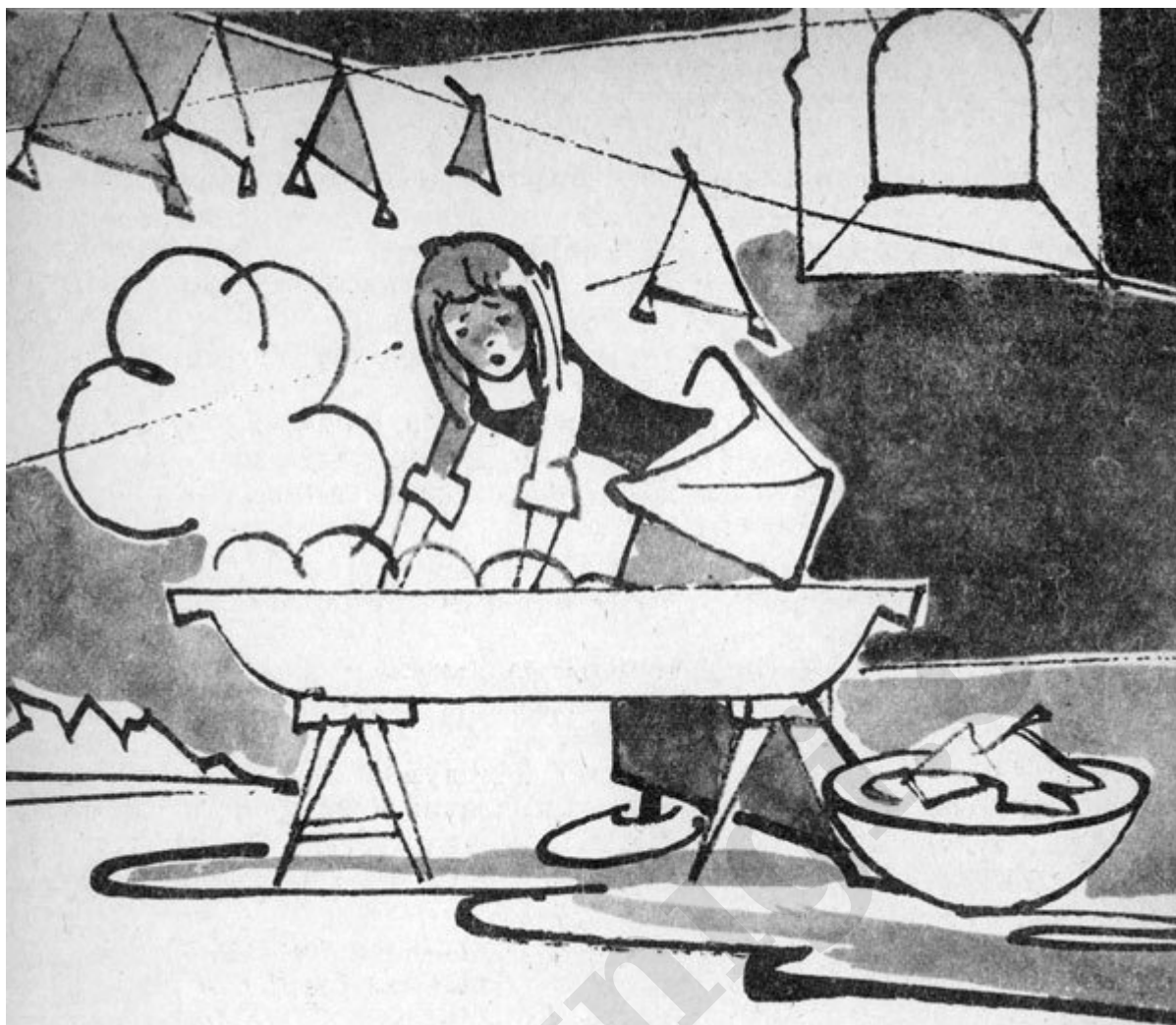
— Цеблионок, найди ключ! — крикнул он с порога. — Кажется, он отлетел под трон!

Но в это время кто-то из невидимок с досады больно ущипнул Цеблионка. Возможно, это был тот, кому не дали понюхать цветок-невидимку или поближе посмотреть.

— Папка, они щиплются! — завизжал Цеблионок острым, как бритва, голосом. — Я здесь один не останусь!

И Цеблионок, схватившись сзади за штаны, хромя, побежал за отцом.

Глава 5. Колпак с красной кисточкой

В тёмном подвале Матя стирала колпаки-невидимки. Подвал был тёмный, холодный, с мокрым земляным полом. В маленькое квадратное окошко падал один-единственный луч солнца.

Дверь в подвал была заперта.

А в трёх углах сидели невидимые стражники и громко зевали от скуки. Они сидели и ковыряли кто в носу, кто в зубах, кто в ухе.

Матя стирала колпаки-невидимки и плакала.

Её слёзы падали в корыто. По грязной воде плыли светлые пузыри.

Сначала Матя решила, что она ни за что на свете не будет стирать колпаки-невидимки.

Так она просидела четыре с половиной часа, с ненавистью глядя на золотой таз, в котором лежали грязные колпаки.

Колпаки-невидимки были треугольной формы с облезлыми кисточками на концах.

Они были очень старые и ужасно грязные.

Можно было подумать, что ими вытирали пыль и мыли полы.

Кроме того, они были покрыты сладкими и жирными пятнами. К пятнам от вишнёвого варенья прилипли сухие мухи.

«Их даже не возьмёт старьёвщик», — подумала Матя.

Матя была простой деревенской девчонкой. Она привыкла доить коров, топить печку и полоть грядки. Она просто не могла сидеть без дела. Ну не могла, и всё. Её руки начинали болеть и ныть, если она ничего не делала.

Но здесь в подвале не было коровы, не было ни одной грядки с редиской. В этом холодном подвале не было даже печки.

Матя сначала подмела подвал, потом смахнула с потолка не меньше тысячи метров паутины. В конце концов Матя, громко всхлипывая, взялась за стирку колпаков-невидимок.

С отвращением она брала их двумя пальцами и бросала в корыто. Вода в корыте моментально становилась грязной.

Матя отжала колпаки и бросила их в золотой таз.

Потом она подняла корыто и выплеснула воду прямо на невидимого стражника, сидевшего в углу.

Стражник в это время сладко зевал. Зевок перешёл в страшное рычание.

— А-а-а! — заорал стражник. Видимо, мыльная пена попала ему в рот. — Мерзкая девчонка! Вылить на меня грязную воду! Что ты наделала? Как ты посмела?

Матя растопырила пальцы, взялась за подол своей полосатой юбки и вежливо присела.

— Извините, господин невидимый стражник... Я думала, здесь пустое место...

— Бр-р-р... — проворчал невидимый стражник. — Я весь мокрый. Пойду-ка посушусь на солнышке. А ты не вздумай тут примерять колпаки. Всё равно, пока они мокрые, они никого не делают невидимками.

Дверь сама собой отворилась и затворилась. Стражник пошёл сушиться на солнышке.

Когда опять вода в корыте стала грязной, Матя выплеснула её в другой угол.

— А-а-а! — взревел стражник, сидевший в этом углу. — Ты с ума сошла! Я сейчас тебя отколочу!

Слышно было, как на нём лопаются мыльные пузыри.

— Я же не знала, что в этот угол тоже нельзя выливать воду, — сказала Матя виноватым голосом. Но, по правде говоря, глаза у неё совсем не были виноватыми. — Тот господин стражник сказал, что в тот угол нельзя выливать грязную воду, но он не сказал, что в этот угол тоже нельзя выливать воду.

— Ты идиотка! — сказал невидимый стражник. — Тебя следует высечь невидимым ремнём. Я только сначала высушу на солнце свои штаны и куртку. А ты сиди тут и жди, когда я вернусь. И учти, пока колпаки мокрые, они всё равно никого не делают невидимками. Так что не вздумай их примерять...

Невидимый стражник вышел, хлопнув дверью. Когда вода в корыте снова стала тёмной и мутной, Матя выплеснула её в третий угол.

— Что ты делаешь? Что ты делаешь? — закричал третий стражник. — Какая холодная вода! Ой, ой, ой, не могу!.. Вода капает с волос! Течёт по спине!

Матя широко открыла свои зелёные глаза.

— Извините, пожалуйста, вот уж никак не ожидала. Уж этот угол был так похож на пустой угол. Я просто никогда в жизни не видела такого пустого угла. Я только подумала: вот наконец-то пустой угол...

— О-о-о, какая холодная вода! — ныл стражник. — У меня стучат зубы и дрожат коленки. Ой, вода забралась в башмаки. Я и так вчера чуть не чихнул... Хорошо ещё, что моя жена успела схватить меня за нос... А теперь ей придётся просто водить меня за нос... О-о-о! Скорее на солнышко. На тёплое солнышко... Скорее, скорее...

Стражник, топя башмаками и оставляя за собой мокрые следы, выбежал из подвала.

Матя вздохнула и стала развешивать мокрые колпаки на длинной верёвке, протянутой наискосок через подвал.

Матя взяла в руки маленький колпак с красной кисточкой. На его изнанке было вышито голубыми нитками «принцесса». Матя повесила его на верёвку. Тёплый луч солнца осветил маленький колпак с красной кисточкой.

Потом Матя перевернула золотой таз и села. Сидеть на золотом тазу было холодно. Матя сунула руки под передник и сжалась в комочек.

Время шло, и тёплый луч солнца начал уходить вправо. Матя передвинула вправо маленький колпак.

Так двигала она его вместе с лучом, пока вдруг не почувствовала, что колпак высох.

Он стал сухим и тёплым.

И тут, конечно, случилось то, что и должно было случиться. Матя повертела колпак в руках, а потом взяла да и надела его себе на голову.

«Вот, наверно, у меня в нём дурацкий вид», — подумала Матя и подняла руки, чтобы его снять.

И вдруг она увидела, что у неё нет рук. Да, да, совсем нет рук! Потом она увидела, что у неё больше нет ни полосатой юбки, ни ног, ни деревянных башмаков.

Она стала невидимкой.

Сердце у Мати застучало так громко, что она испугалась, как бы его стук не услышали стражники, сидящие под дверью.

«Я убегу отсюда! — подумала Матя. Она изо всех сил стиснула зубы, чтобы не завизжать от восторга. — Убегу! Убегу! Убегу! Сейчас тихонько открою дверь и удеру... Нет, так нельзя. Стражники сразу это заметят. Они сразу заметят, что кто-то открывает дверь».

Матя с сомнением посмотрела на маленькое квадратное окошко. Окошко было очень маленьким. В него могла пролезть только очень толстая кошка или очень худая собака.

«В последний раз я ела вчера вечером, — с сомнением подумала Матя. — Может быть, я и

пролезу».

Матя поставила табуретку на перевёрнутый таз, ухватилась за раму и просунула в окошко голову и плечи.

«Как хорошо, что я не поела сосисок у тётушки Пивной Кружки, — подумала она. — Если бы я съела хоть одну сосиску, я бы уже не пролезла...»

Матя протиснулась через окошко и повисла на руках.

Под собой она увидела землю и клочок травы с примятым одуванчиком.

Матя разжала руки.

И тут случилось вот что.

Оказывается, под окошком сидели невидимые стражники и сушились на солнышке.

Матя упала прямо на них.

Стражники вскочили, загремев оружием.

— Это ты, Лесной Клоп?

— Нет, это не я! Это, наверное, ты, Подгоревшая Каша!

— Нет, это не я! Как же я могу быть там, когда я здесь?

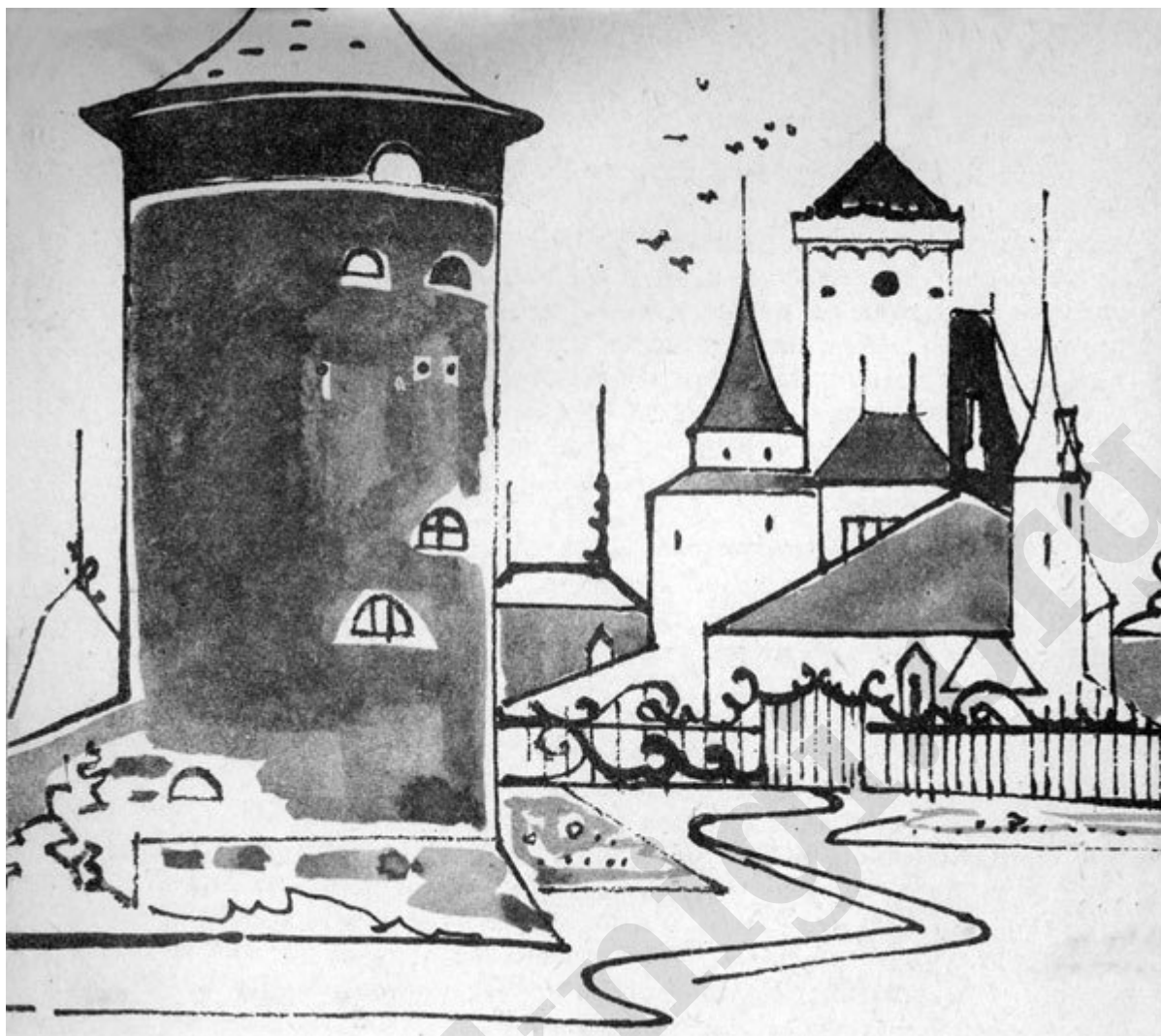
— Меня ударили по голове чем-то деревянным!

— А на меня упало что-то мягкое и тёплое!

— Ой, я могу чихнуть! Держите меня за нос, братцы! Но Матя была уже далеко. Она бежала со всех ног.

И я думаю, что ты уже сам догадался, куда она бежала.

Глава 6. Королевский аршин красоты

Матя бежала прямо к Чёрной башне с железными ставнями.

Матя перепрыгивала через клумбы. Пробежала прямо по газону. Потом с досадой обогнула круглый бассейн, на дне которого лежали толстые красные рыбы. Рыбы лежали совершенно неподвижно. Как будто они были не живые, а варёные.

Мате казалось, что она с разгона так прямо и вбежит в Чёрную башню.

Но тут ей пришлось остановиться.

У Чёрной башни не было дверей. Ну ни одной двери. Даже самой маленькой и узкой, через которую можно было бы протиснуться боком или пролезть на животе. Всюду шершавый, старый камень. Нижние камни поросли мхом.

«Какая я дура, — подумала Матя. — Ведь мне говорила тётушка Пивная Кружка, что в Чёрную башню ведёт подземный ход. Прямо из дворца. Значит, мне сначала надо попасть во дворец...»

И она уже гораздо медленней пошла по жёлтой дорожке, ведущей от каменной башни к дворцу.

Дворец стоял огромный и неприступный, весь облепленный балконами, а наверху украшенный башнями с острыми, злыми шпильями.

У шпилей был такой вид, как будто им хотелось проткнуть пролетающую мимо птицу или

облако.

К дверям вели широкие мраморные ступени.

Двери были большие, как ворота.

Матя поставила ногу на нижнюю ступеньку, но дальше не пошла. С каким-то тоскливым чувством посмотрела она вверх на высокие тяжёлые двери. Разве можно вот так просто подойти и открыть эти двери? Нет, почему-то нельзя...

Но может быть, можно залезть в какое-нибудь окно?

Матя пошла по дорожке вдоль дворца.

Закрытое окно. Толстые стёкла. Двойные рамы. Снова двери. Высокие и тяжёлые, с медными ручками. Снова закрытое окно. Ещё окно. Да что же это? Так она никогда не попадёт в этот дворец!

Вдруг Матя услышала чьи-то голоса. Она завернула за угол и тихо ахнула от удивления.

На круглой зелёной лужайке, похожей на зелёный остров, стояла толпа народа.

Но не это поразило Матю. Совсем не это. Почему бы каким-то людям не стоять здесь, на этой круглой лужайке?

Нет, её поразило совсем другое!

Все, кто стоял на этой лужайке, были удивительно, необычайно красивы!

Матя подошла поближе.

Красивые девушки стояли, опустив длинные ресницы.

Красивые парни смущённо посмеивались и толкали друг друга плечами.

Кудрявые девочки жались к матерям.

— Ну улыбнись же, моя милая! — сказала одна из матерей печальной напуганной девочке. — Ты такая хорошенькая, когда улыбаешься!

Но девочка вдруг горько заплакала. Она уткнулась лицом в живот матери и обняла её руками.

— Пойдём домой, мамочка!.. — сквозь слёзы проговорила она. — Я не хочу... туда!

«Куда — туда?» — подумала Матя.

Она ходила по зелёной лужайке, стараясь никого не задеть, и заглядывала в лица. Она никак не могла решить, какая из девушек красивее всех.

Ох, наверное, вот эта!

Нет, эта ещё лучше!

Да нет, вот эта самая красивая! Наверное, она пришла издалека. Маленькие босые ноги в пыли. Косы у неё совсем золотые и голубые глаза.

Но что они все здесь делают?

Вдруг двери распахнулись. Наверху лестницы показался полосатый человек. Матя вспомнила, что уже видела его сегодня на рыночной площади.

Полосатый человек, широко открывая рот, громко закричал:

— В нашем счастливейшем и справедливейшем королевстве каждый может стать королём! Спешите на комиссию по приёму в короли, королевы и разные другие придворные! Тот, кто окажется красивее короля, уже сегодня станет нашим королём. Та, кто окажется красивее королевы, уже сегодня станет нашей королевой! Спешите! Спешите! Спешите! В нашем справедливейшем государстве по пятницам с двенадцати до трёх каждый бедняк и нищий может стать королём!

Полосатый человек захлопнул рот, как коробку.

Тут в глубине дворца раздался бой часов. Часы пробили двенадцать раз. Полосатый человек протянул полосатую руку.

Все, притихнув, стали подниматься по ступенькам.

Матя тоже поднялась вместе со всеми. Она споткнулась, заглядевшись на красавицу с золотыми косами.

Все вошли в большую комнату, посреди которой стоял длинный стол.

Около стола стояло шесть стульев с высокими спинками.

А посреди стола лежала золотая корона. Она сверкала, переливалась и слепила глаза. Казалось, она шевелится, как живая.

— Внести королевский аршин красоты! — раздался торжественный громкий голос.

Матя вздрогнула от неожиданности. Она-то думала, что за столом никого нет.

Сейчас же маленькая дверь в глубине комнаты отворилась. Кто-то закопошился в дверях. Послышались шаги.

— Положите аршин красоты сюда! Справа от короны, — сказал тот же голос.

— Сейчас, одну минуточку, Ваша Светлость! Вот сюда, Вам достаточно будет только протянуть руку! — слышались чьи-то подобострастные голоса.

Матя уставилась на пустое место около короны. Ах, вот оно что! Аршин красоты невидимый! Но, может быть, так и надо? Откуда Матя знает?..

В зале стало совсем тихо. Молчали люди по одну сторону длинного стола, молчали люди по его другую сторону.

— Ну-с, начнём... — проскрипел чей-то голос.

Голос так невыносимо скрипел, что Мате захотелось смазать его маслом. Она тряхнула головой и отогнала эту глупую мысль.

— Ну-с, кто первый? — продолжал скрипучий голос. — Кто хочет, чтобы мы измерили его красоту? Кто считает себя достойным стать нашим королём или королевой? А?

Скрип перешёл в визг.

К столу нерешительно подошла босая девушка с золотыми косами.

Огромными сияющими глазами посмотрела она на корону. И Мате показалось, что сверкающая корона как-то сразу потускнела и сжалась.

Матя вытянула шею.

Она думала, что сейчас все невидимки просто завопят от восторга и тут же, не сходя с места, предложат красавице стать их королевой.

— Подойди поближе, моя милая! — снова проговорил всё тот же скрипучий голос. — Ну, что ты стоишь как тумба? Подойди сюда. Сейчас я возьму королевский аршин красоты и узнаю, насколько ты красива...

Красавица робко сделала два шага и остановилась.

— Ну-ну-ну! Повернись-ка спиной! Не сутулься! Стой ровнее. Так-так. Теперь дай я тебя измерю сбоку. Тут ещё хуже... Так... Теперь повернись ко мне лицом... Величина глаз... Ай-яй-яй, нехорошо... длина носа... Так. Ну всё ясно... Всего вместе двенадцать аршин красоты. Не больше и не меньше. Ну, а самая последняя придворная дама имеет шестьдесят шесть аршин красоты. Ясно тебе? У нашей королевы девяносто девять аршин красоты, а у нашего короля ровно сто. А ты, моя милая, просто урод. И теперь сама это прекрасно видишь.

— Урод? — тихо повторила красавица. На глазах у неё выступили слёзы. Она моргнула. Слёзы покатались по щекам.

— Конечно, урод, — заговорили невидимки.

— Обыкновенная лягушка!

— Да нет, просто жаба!

— А какие у неё глаза! Они слишком большие!

— А веснушки? У неё на носу веснушки! Неужели ты хотела стать нашей королевой со своими веснушками?

— Но ведь я работаю весь день в поле, на солнце... — прошептала красавица.

— Уродина!

— Огородное чучело!

— Нахалка!

Красавица, всхлипывая, пошла к двери. Она вздрагивала от каждого слова, как будто в неё кидали камнями. И тут Матя не выдержала.

— Чего вы врётё! — вдруг закричала Матя своим ясным, звонким голосом. — Она красивая!

Она такая красивая!

Матя быстро закрыла рот рукой. Ох, что она наделала!

Что тут началось!

Поднялся невообразимый шум. Невидимки повскакивали с мест. Два стула упали. Корона моментально исчезла со стола.

— Кто сказал: «Вы врёте»?

— Измена!

— Ничтожные уроды, вы ещё смеете с нами спорить?

— Эй, стражники, гоните их всех вон!

Невидимые стражники начали выталкивать всех на лестницу. Матери подхватили на руки детей.

— А вы покажите нам ваш аршин красоты! — крикнул высокий красивый парень. У него было весёлое лицо, сильные руки и широкие плечи.

— Почему вы боитесь показать его нам?

— Почему он невидимый?

— Вы ни разу никого не взяли даже в придворные дамы!

— Красоту всё равно нельзя измерить!

— Нельзя измерить? А вот я вам сейчас покажу, как её мерить! — прорычал чей-то голос около Мати.

Громко вскрикнула красавица с золотыми косами и схватилась за плечо. На коже проступила красная полоса.

— Негодяи! Пусть вы красивее нас, но вы мерзавцы и трусы! — закричал высокий парень и шагнул вперёд, раскинув

руки, стараясь схватить кого-нибудь из невидимок.

Но на нём повисло сразу несколько невидимых стражников. Он стал вырываться, беспомощно нанося удары в пустоту. С разбитых губ капала кровь.

— Если бы я только увидел хоть одного из вас! — хрипел он.

Неожиданно его кулак наткнулся в воздухе на что-то твёрдое.

И тотчас же кто-то невидимый плюхнулся на пол недалеко от Мати.

Невидимка закружился на месте, жужжа как муха, зажатая в кулаке.

— Мой нос! Мой нос! Как же я теперь буду нюхать!.. — с трудом разобрала Матя.

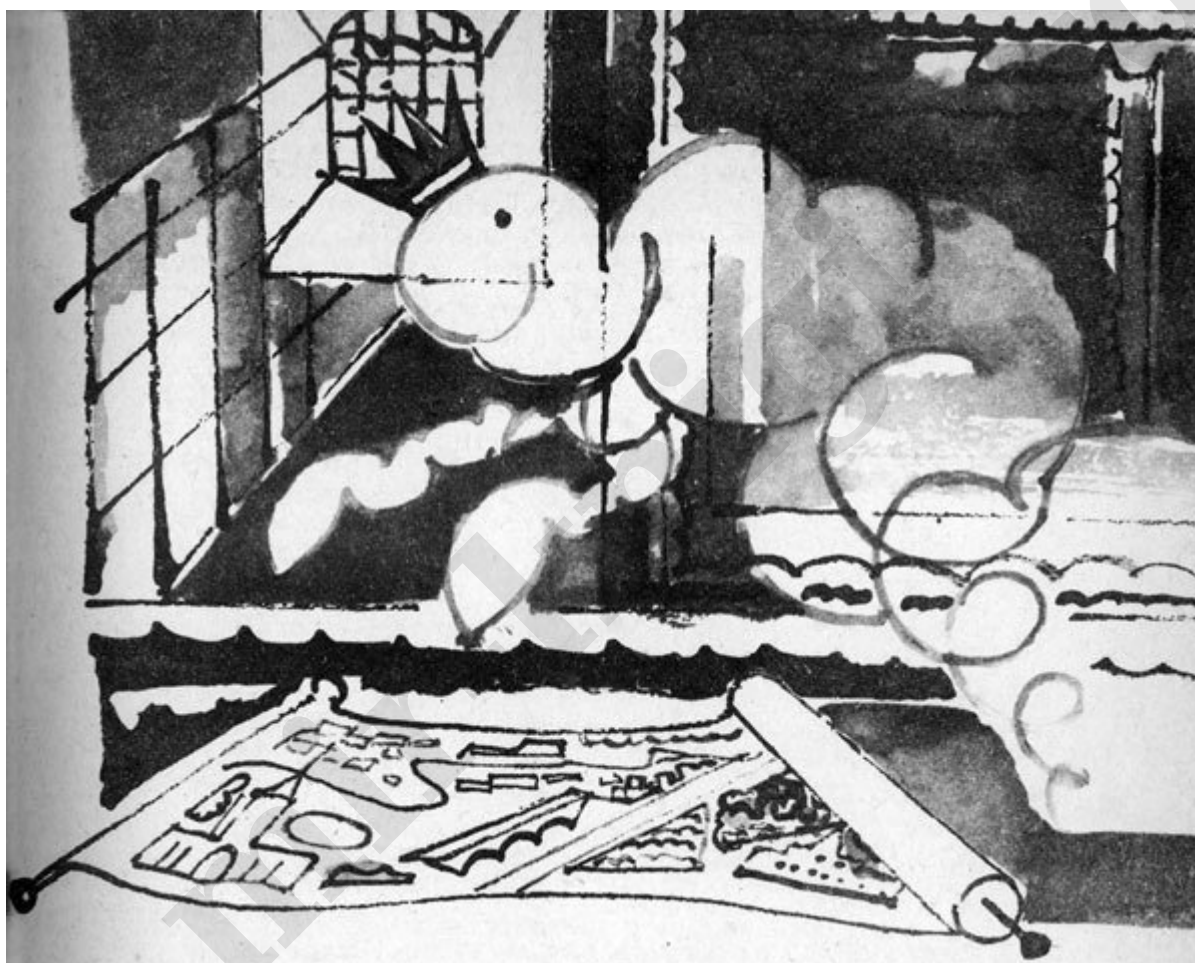
Другой парень, тоже широкоплечий и красивый, шагнул вперёд и вдруг грохнулся на пол, споткнувшись о чью-то невидимую ногу. Тонко заплакала девочка на руках у матери.

— Эй, стражники, вышвырните их вон, этих нищих! Гоните этих карликов и уродов! Бейте их, бейте!

Невидимки, что-то шипя сквозь зубы, толпой бросились к маленькой двери. У маленькой двери произошла толкотня. Кому-то наступили на ногу. Кто-то выругался. Наконец невидимки один за другим выскочили из комнаты.

А Матя — за ними.

Глава 7. Военный совет

Это была небольшая комната с тяжёлой дверью. За узкими окнами — клетчатое небо. Конечно, ты и сам прекрасно понимаешь, что небо не может быть клетчатым.

Просто на всех окнах были решётки.

В этой комнате всегда происходили все самые важные совещания.

Все стены этой небольшой комнаты были завешаны коврами. На полу тоже лежал толстый ковёр.

На всех коврах крупными буквами было выткано одно слово: «Тсс-с-с!»

— Тс-с-с! — говорила правая стена.

— Тс-с-с! — говорила левая стена.

— Тс-с-с! — говорили все стены и потолок. В комнате было жарко и душно.

Сильно пахло порохом и ещё чем-то. Чем-то совершенно непонятым. Как ты догадываешься, это значит, что в комнате находился король и Министр Войны.

На полу лежала карта Страны Весёлых Тружеников. Министр Войны на коленях ползал по карте. Он тяжело сопел. Его железные латы царапали и рвали карту.

Страна, нарисованная на карте, имела какой-то доверчивый, мирный вид. Радостно текли голубые реки. Весело зеленели леса. Ни один город не окружала каменная стена.

— Ваше Незримое Величество!!! — рявкнул Министр Войны.

— Тс-с-с!.. — как змея прошипел король. — Говори потише? Что у тебя за голос? Совсем не подходит для государственных тайн!

Министр Войны обиделся и кашлянул так громко, что один угол карты загнулся и захлопал в воздухе, как крыло птицы.

— Когда убиваешь и грабишь, совсем ни к чему говорить шёпотом!!! — проворчал он. Но всё-таки он стал говорить немного потише.

— Не смей мне возражать! — с раздражением закричал король.

Да! Если утром король был похож на облако, то сейчас он был больше похож на грозовую тучу.

— Пойди сейчас же узнай, когда будут готовы чистые колпаки! Мне надоела вся эта волынка!

Король посмотрел на свои руки.

— О-о... — простонал он.

Руки плавали в воздухе как прозрачные медузы.

— Беги, узнай немедленно!.. — закричал он.

Министр Войны боком выскочил из комнаты.

Король в раздражении стал ходить из угла в угол. Он ходил прямо по карте. Он со злостью наступал ногой прямо на города, деревни и озёра, как будто хотел их раздавить. Крак! Крак! Если бы он мог, он давил бы их, как яйца.

— Чёрт возьми! Почему это все королевы такие белоручки? — бормотал он. — Иначе говоря, просто грязнули...

Послышались тяжёлые торопливые шаги и звон шпор.

Король нетерпеливо засопел носом.

В комнату быстро вошёл Министр Войны.

— Счастлив доложить, Ваше Величество!!! — ещё с порога рявкнул он. — Всё в порядке!!!

Девчонка уже кончила стирать колпаки!!! Она уже повесила их на верёвку!!! Часа через два, я думаю, вы уже получите чистый колпак!!!

— А-а-а... — с облегчением сказал король. — Уф... Ну, наконец-то.

За дверью кто-то закопошился, как будто там собралось сразу много больших мышей.

— Это министры, — проговорил король. — Пора. Сегодня нам придётся обсудить много вопросов.

Король потёр одну прозрачную руку о другую. Дверь отворилась.

Маленькую комнату наполнили запахи и звуки шагов. Карту подняли и повесили на стену. Дверь заперли.

Невидимые стражники Нафталин и Кислые Щи, стоявшие за дверью, от скуки прислонились к стене.

— Теперь они два часа совещаться будут! — зевнул Нафталин.

А Тухлое Яйцо сел на корточки и прижал ухо к замочной скважине. Он слышал знакомые голоса. Знакомые, хорошо знакомые голоса.

КОРОЛЬ. Мои прекрасные министры! На этом тайном совещании я хочу сказать вам прежде всего, что я вами не доволен. Вы думаете, что если сегодня ваши красивые головы крепко сидят на ваших красивых плечах, то так будет и всегда. Но не поленитесь поглядеть вокруг. Раньше эти нищие и уроды сгибались в три погибели, почуяв, что кем-то пахнет. А теперь? Да не далее как сегодня утром они напали на моих стражников. И где? В зале по приёму в короли и разные придворные. Они даже ухитрились разбить нос одному из невидимых стражников. Они могли сорвать с него колпак! Они требовали, чтобы им показали аршин красоты. А это уже пахнет бунтом, мои министры, вот чем это пахнет! А в чём причина этих безобразий? Вот о чём мы должны подумать.

МИНИСТР ВОЙНЫ. Клянусь пушкой, Ваша Прозрачность!!! Я человек простой, военный!!! Но я и то вижу!!! Эта вся зараза идёт оттуда, из Страны этих Весёлых Тружеников, чтоб их разорвало снарядам!!! Наши невидимые шпионы так прямо и докладывают — в народе только и слышно: Весёлые Труженики!!! Весёлые Труженики!!! У них-де и без короля лучше, чем у нас при Вашей Прозрачности!!!

КОРОЛЬ (*с раздражением*). Довольно, Министр Войны! Это я и сам знаю. Но ясно одно. В нашей стране не будет порядка и мы не будем знать покоя, пока мы не покончим с этими Весёлыми Тружениками. Давно пора их...

МИНИСТР ВОЙНЫ (*оглушительно*). Ура!!! Ура!!! Да здравствует война!!!

ВСЕ МИНИСТРЫ. Тс-с-с!

КОРОЛЬ. До «ура» ещё пока далеко, мои министры. Тут есть одна загвоздка, и Мне нужен ваш совет. А что, если мой глупый народ откажется воевать против Весёлых Тружеников? А? Что тогда? Дело может кончиться большой бедой. Нам надо хорошенько подумать, что мы скажем моему глупому народу. Из-за чего мы начинаем войну. Выход тут один. Нам нужно придумать что-нибудь такое, чтобы моему народу захотелось воевать с Весёлыми Тружениками.

МИНИСТР ВОЙНЫ. Клянусь прямым попаданием, это верно!!!

МИНИСТР ЧИСТОГО БЕЛЬЯ. Гениальная мысль, Ваша Прозрачность!

КОРОЛЬ. Так вот, мои прекрасные министры, думайте, что мы скажем моему народу.

В комнате стало удивительно тихо.

Тухлое Яйцо так сильно прижал ухо к двери, что оно совсем ушло в замочную скважину.

Слышно было только, как министры сопят носами, кашляют и тяжело вздыхают. Время от времени кто-то хлопал себя по лбу со словами: «Кажется, придумал!» Но тут же поспешно прибавлял: «Нет, нет, это не подойдёт!»

КОРОЛЬ *(с раздражением)*. Неужели вы ничего не можете придумать? Ну говори ты, Министр Законов. А то забился в угол, я даже не слышу твоего запаха.

МИНИСТР ЗАКОНОВ *(неуверенно)*. Может быть, сделать так, Ваша Прозрачность... Мы на них нападём, а скажем, что это они на нас напали.

КОРОЛЬ. Не годится. Все скоро узнают, что это не так, и будет ещё хуже.

МИНИСТР ЗАКОНОВ. Но так поступали очень многие короли. Я читал об этом в разных книгах. И народ им всегда верил.

КОРОЛЬ. Ну да. Это потому, что все эти короли воевали с другими королями. А от королей всего можно ждать. Нет, хотя мой народ очень глуп, но он не поверит, что Весёлые Труженики сами напали на нас.

Снова в комнате стало тихо.

Только Министр Законов виновато кашлянул в углу.

КОРОЛЬ *(со скрытой угрозой)*. Я жду, мои министры!

МИНИСТР ЧИСТОГО БЕЛЬЯ. Кхм... А может быть, так... Я, конечно, не знаю, но... Клянусь крахмалом! По-моему, надо сказать так: Весёлые Труженики никогда не моются и не стирают своё бельё. Вот мы и идём на них войной, чтобы научить их умываться и чистить зубы. Культурная миссия, Ваша Прозрачность! Очень благородно, а?

КОРОЛЬ *(отрывисто)*. Для маленьких детей и дураков!

Голос короля становился всё более злым и нетерпеливым.

МИНИСТР ВОЙНЫ. Я человек простой!!! Не понимаю всех этих манёвров!!! По-моему, всё очень просто!! Надо заявить нашему народу, что все Весёлые Труженики оче[^]нь богатые!!! А на наших боевых знамёнах написать так: на одном знамени «Грабь», на другом «Хватай» или «Отнимай»!!! Ещё хорошо написать: «Набивай карман»!!! Да под такими знамёнами все с радостью пойдут в бой!!! Я сам первый побегу впереди своих солдат!!!

ГОЛОС КОРОЛЯ *(со злобой)*. Чуть! Ерунда! Под такими знамёнами пойдут в бой только грабители и воры! Ну, думайте, мои министры, думайте!

Но министры только сокрушённо вздыхали.

КОРОЛЬ (*визгливо*). Я приказываю — думайте!

Король вскочил с места и стал бегать по комнате, размахивая своими полупрозрачными руками и сжимая кулаки.

МИНИСТР ЗАКОНОВ. Всю ночь сидел над законами. Голова что-то...

МИНИСТР ЧИСТОГО БЕЛЬЯ. До утра считал куски мыла...

КОРОЛЬ (*в ярости*). К чёрту куски мыла! Все вы тут безмозглые дураки! Идиоты! Для чего я вам только плачу деньги? Не можете придумать, что соврать народу! Эй, позвать сюда Цеблиона! Сейчас же, немедленно!

Кислые Щи бросился бегом за Цеблионом, стараясь не очень стучать сапогами. Король продолжал кричать. Тухлое Яйцо дрожа прижался к стене и заткнул уши пальцами. Нафталин забился в угол.

Мимо них, крупно шагая и вытянув нос вперёд, быстро прошёл Цеблион. На ходу он вытирал руки о какую-то тряпку. Тряпку отшвырнул в угол, прошёл в комнату, захлопнул дверь.

Тухлое Яйцо вытер со лба пот и потуже натянул на голову колпак-невидимку.

Из-за двери лился сладкий голос Цеблиона.

Голос был сладкий как мёд. Тухлое Яйцо проглотил слюну.

ЦЕБЛИОН. Очень просто, Ваша Прозрачная Светлость. Надо собрать всех, кто кричит, что в Стране Весёлых Тружеников лучше, чем у нас. Всех вожаков. Знаем мы их. Все они сорвиголовы, отчаянные, всех мутят. Послать их всех в Страну Весёлых Тружеников. И поручить им заключить с их правительством вечный мир.

КОРОЛЬ. Что?! Да ты спятил, Цеблион!

ЦЕБЛИОН (*ещё слаще*). А с ними послать убийц в колпаках-невидимках. Таких славненьких, надёжных убийц. Они их там всех зарежут ножичками или задушат. А мы заявим, что их убили Весёлые Труженики. В народе будет возмущение и...

КОРОЛЬ. Прекрасно! Великолепно! Ну, просто как будто я сам придумал! Ай да Цеблион! Ну и голова! Вот возьму и назначу Цеблиона министром над всеми вами! Может быть, хоть немножко поумнеете!

МИНИСТР ВОЙНЫ. Да что вы его слушаете, Ваша На-сквозь-Прозрачность!!! Это он всё нарочно, чтобы к вам в доверие втереться!!!

ЦЕБЛИОН (*очень спокойно*). Ещё было бы хорошо, Ваша Незаметность, чтобы уже во всём народе не было сомнений, зарезать нашего посла в Стране Весёлых Тружеников.

КОРОЛЬ. Прекрасная мысль! Ну и умница ты, Цеблион!

МИНИСТР ВОЙНЫ (*оглушительно*). Что??? Да ведь это мой брат!!! Мой родной брат!!!

КОРОЛЬ. Но послушай, Министр Войны, я же не виноват, что он оказался твоим братом. Будь на его месте другой, я бы решил точно так же. И потом, это ты сам просил, чтобы его назначили послом к Весёлым Труженикам. Высокое жалованье и всё такое...

МИНИСТР ВОЙНЫ. Смилуйтесь!!! Смилуйтесь, Ваша Невидимость!!!

Послышался удар об пол. Это Министр Войны бухнулся на колени. Он громко застонал. Стёкла задребезжали в окнах, а в замочную скважину потянуло сквозняком.

КОРОЛЬ (*нетерпеливо*). Ну хорошо, только перестань вопить. Я подарю тебе мой загородный дворец. Ну, это тебя утешит?

МИНИСТР ВОЙНЫ (*всхлипывая*). И... и ещё вашу серую лошадь в яблоках!!!

КОРОЛЬ. Ладно, ладно...

ЦЕБЛИОН. Ваша Прозрачность, я должен бежать... Невидимая жидкость через полчаса будет готова. Она стоит на огне. На таком слабеньком огоньке. Я там оставил присматривать за ней своего сына...

Неожиданно голос Цеблиона изменился.

Он стал совсем другим. Он дрожал от волнения и звучал как-то глухо. Цеблион согнулся в низком поклоне.

ЦЕБЛИОН. Так я надеюсь... Два первых колпака... Как вы обещали...

КОРОЛЬ (*важно*). Я же дал тебе честное королевское!

Хранитель Запахов бегом промчался мимо Тухлого Яйца и Нафталина, на ходу по привычке со свистом втягивая в себя воздух.

— Эх, — с тоской прошептал Тухлое Яйцо. — Эх, брат Нафталин, надоело мне всё это. Я сам себе противен. Сперва как-то привык к своему запаху, а теперь не то что яйцо, курицу видеть не могу. Да и не в этом одном дело... Забросить бы куда-нибудь этот проклятый колпак да и...

Нафталин громко лязгнул зубами.

— Замолчи, Тухлое Яйцо... Да за одни такие слова... Вспомни, вспомни беднягу Сосновую Шишку. Это он заявил, что больше не хочет носить колпак-невидимку. А где он теперь? Никто о нём ничего не знает.

Мимо них один за другим протопали невидимые министры. Одни тихо и злобно шипели, другие что-то мрачно ворчали себе под нос.

— Все ушли, да? — с облегчением вздохнул Тухлое Яйцо.

— Прочисти нос, идиот! — Нафталин ткнул его в бок кулаком.

Тухлое Яйцо потянул носом.

— А... там ещё король и Министр Войны... Да что, они танцуют, что ли? Всё ходят и ходят...

Но нет, конечно, король и Министр Войны не танцевали.

Король задумавшись ходил из угла в угол, а Министр Войны в нерешительности топтался на одном месте.

Король остановился перед картой, рассматривая Страну Весёлых Тружеников.

— Бум, бум, бах!.. — бормотал король. — Ой, стреляют, убивают! Кто это на нас напал? Бум! Бум! Никого не видно! Та-ра-рах! Сдаёмся! Сдаёмся! Бах! Бах! Бах! Ох, нас всех поубивали! Бум!

Видимо, король представлял себе, как солдаты в колпаках-невидимках нападут на Весёлых Тружеников.

— Эх!!! — выдохнул Министр Войны.

Он наконец решился.

Он подошёл к королю как можно ближе и зашептал как можно тише. Так тихо, как только мог.

— Ваша Прозрачность, неужели вы дадите колпак этому Цеблиону??? Да он такой негодяй!!! Да если у него будет колпак, он...

— Конечно, дам. Ведь я дал ему честное королевское слово. Ты что же, хочешь, чтобы я нарушил своё королевское слово?

Король засмеялся. Что-то прозрачное затряслось в воздухе, как желе.

Министр Войны с досады крикнул, как две тысячи уток.

— Да он такой хитрый!!! Он!..

— Не уговаривай меня!

— Ваша Сверхпрозрачность!!! Он!..

— Нет, нет, я сделаю всё, как обещал. Король не обманывает своих подданных. Но... само собой разумеется, я обязан послать его и его сына на комиссию красоты, и если они решат, что Цеблион достаточно красив...

— Красив??? — Теперь захохотал Министр Войны. От его хохота закачались ковры. С них полетела пыль. Можно было подумать, что ковры дымятся. — Да ведь таких уродов свет не видывал!!! Ха-ха-ха!!! Теперь не видать ему колпака как своего носа!!! Хотя его нос такой длинный, что он его, пожалуй, прекрасно видит!!! Ха-ха-ха!!!

В комнате за клубилась пыль.

Король замахал на Министра Войны своими прозрачными руками.

Тухлое Яйцо зажал нос, чтобы не чихнуть, и в этот момент почувствовал сильный толчок в спину.

— Что толкаешься, Нафталин? — заныл он.

Он оглянулся и увидел высокого человека, одетого во что-то белое. Белый человек нелепо махал руками. Здесь, за дверью, было полутемно. Тухлое Яйцо не мог разглядеть, кто это,

Высокий белый человек со стоном раскачивался из стороны в сторону, отрывая от себя цепкие руки невидимых стражников.

Вдруг он резко рванул на себя дверь: Тухлое Яйцо оказался между стеной и дверью.

— Ты куда, куда! — завопил Кислые Щи.

Но тут все в светлом квадрате двери увидели, что это Великий Садовник.

Великий Садовник, шатаясь, выбежал на середину комнаты.

Ох, если бы ты, мой читатель, увидел его лицо! Ты бы всё на свете сделал, только бы ему помочь!

Лицо у Великого Садовника было очень несчастным. Такое лицо бывает у человека всего один раз в жизни. Когда он теряет то, что любит больше всего на свете.

Руки у него были перемазаны землёй. Наверное, он в отчаянии разбил горшок с землёй, в котором уже не было больше цветка-невидимки.

— Ваше Прозрачное Высочество! — закричал он ужасным голосом, протягивая вперёд руки. — Несчастье! Несчастье! У меня украли мой цветок-невидимку!

Великий Садовник в полном отчаянии закрыл руками своё старое лицо.

Грозовая туча, которая на самом деле была королём, сделала два шага вперёд и прошипела сдавленным голосом:

— Дурак! Старый идиот! Врываешься сюда и мешаешь нам решать важные государственные вопросы. Никто у тебя не крал цветок-невидимку. Просто его потихоньку взяли. По моему приказу. Нам нужны новые колпаки..

— Для нашей войны!!! — рявкнул Министр Войны.

— Для войны?! — Великий Садовник покачнулся. Глаза его расширились от ужаса. — Для войны?! Не может быть! Вы только шутите со мной, с бедным стариком! Неужели это правда? Вы хотите воевать в колпаках-невидимках? Но ведь это же...

— Колпаки нужны нам для войны!!! — снова завопил

Министр Войны. — Для нашей чудесной, победоносной войны!!!

— Нет! Нет! Нет! — в ужасе зашептал Великий Садовник. У него был такой вид, как будто ему снится ужасный сон и он изо всех сил старается проснуться. — Нет, я не для этого растил мой цветок! Ваша удивительная Прозрачность! Пока ещё не поздно, остановитесь! Выслушайте меня! Дайте мне сказать! Иначе произойдёт ужасное несчастье...

— Ну! — нетерпеливо сказала грозовая туча. — Говори. Даю тебе три минуты. Но не больше.

Великий Садовник поднял руку. Его голубые глаза ярко блеснули.

— Вы, невидимки, прекраснее всех людей на свете. Но вы прячете от нас вашу красоту. Это великая ошибка! Нет, это преступление. Люди жаждут красоты. Она нужна им так же, как хлеб. Нет! Больше хлеба. Так пусть же все люди наслаждаются вашей красотой. Снимите колпаки! Откройте ваши ослепительные лица, подобные солнцу! А колпаки-невидимки отдайте нищим и уродам. Пусть все бедняки наденут колпаки-невидимки. Тогда в нашем королевстве останутся только богатые и красивые. Ведь только их и будет видно. Надо сломать все бедные

дома! Надо срубить все кривые деревья! Тогда наше королевство станет самым счастливым. Оно станет самым счастливым, потому что оно станет самым прекрасным. Для этого я столько лет растил цветок-невидимку!

— Ха-ха-ха!!! — оглушительно захохотал Министр Войны. — Скоро ты сам увидишь, для чего ты его растил!!!

— Безумный старик, что я наделал? — горестно и дико закричал Великий Садовник. В этом крике было столько отчаяния, что девочка Матя, которая в это время одна шла по дворцу, вздрогнула и на секунду остановилась. — Но ведь это подло, подло воевать в колпаках-невидимках!..

Король топнул ногой.

— Долго ли мне слушать этот бред? Увести его!

Тухлое Яйцо и Кислые Щи подхватили Великого Садовника под мышки и поволокли к дверям.

Ноги Великого Садовника чертили грязные полосы на пушистом ковре.

— Ваше Величество, опомнитесь!.. Остановитесь! Это же бесчеловечно... Это же... — крикнул Великий Садовник, но стражники чем-то заткнули ему рот.

Король в ярости затопал ногами.

— В тюрьму его! В тюрьму! В тюрьму!

Глава 8. Знакомство под лестницей

Тем временем Матя с бьющимся сердцем шла по дворцу.

Она переходила из одного зала в другой, с изумлением глядя по сторонам широко открытыми глазами. Она даже боялась моргнуть, чтобы за то мгновение, пока её глаза будут закрыты, не пропустить что-нибудь интересное.

Она трогала пальцем холодные мраморные колонны, рассматривала золочёные стулья и пальмы, поднимающие неподвижные листья к самому потолку.

Её деревянные башмаки громко стучали по цветному паркету: топ-топ-топ.

Теперь, когда она была невидимкой, этот звук стал каким-то совсем другим. Он стал очень громким. Он раздражал и пугал её. Матя постояла немного, потом сняла башмаки, завязала их в передник и пошла босиком.

«До чего же здесь красиво! — подумала она. — Вот уж не думала, что где-нибудь бывает так красиво!»

Тут Матя вспомнила дом своих Братьев.

Ведь раньше она считала, что их дом самый лучший и красивый на свете.

Но как только Матя вспомнила дом своих Братьев и замок, висящий на их дверях, всё во дворце показалось ей отвратительным и безобразным.

Она увидела, что у золочёных стульев кривые пороссячи ножки, картины блестят, как будто помазаны каким-то жиром, а у пальм противные, волосатые стволы.

Матю даже затошнило от всего этого.

Вдруг позади неё послышались торопливые шаги и голоса. Запахло чем-то горелым. Она отскочила в сторону и прижалась спиной к холодной колонне.

— Да куда она денется, Подгорелая Каша? — сказал чей-то дрожащий, уговаривающий голос. — Ну побегаешь в колпаке и бросишь его. Ну девчонка, ну просто глупая девчонка. Ну чего она понимает в колпаках-невидимках? Давай никому об этом не говорить, ладно?

— Идиот! — прорычал второй голос. — Ведь я их по счёту принимал и сдавать их буду тоже по счёту. Да они тут же увидят, что одного колпака не хватает. Ты знаешь, что начнётся, глупая башка? Понимаешь ты это? Надо немедленно найти Министра Чистого Белья!

— Пропала моя невидимая головушка! — простонал первый голос. — Так он обедать к себе домой поехал. Я его карету во дворе видел. Значит, не будем ему ничего говорить? Всё равно его во дворце нет! Ладно, Подгорелая Каша?

— Что же ты мне сразу не сказал? — заорал второй голос. — Бежим скорее!..

Мимо Мати протопали тяжёлые сапоги, и всё стихло.

Мате стало как-то жарко и весело.

Так им и надо! Пускай поищут!

А она будет до тех пор ходить по дворцу, пока не найдёт своих Братьев.

Матя потянула за ручку высокую тяжёлую дверь.

Дверь не открылась. Матя взялась за ручку двумя руками, сказала сама себе: «Н-ну...» — и потянула изо всех сил.

Вдруг она почувствовала, что с другой стороны кто-то тоже толкает дверь.

Дверь открылась легко и без усилий.

Матя чуть не вскрикнула от страха.

Перед ней очутился человек со страшными глазами и огромным носом. Матя вообще не ожидала встретить во дворце человека без колпака-невидимки. Да ещё такого страшного человека!

Страшный человек прошёл мимо Мати. Потом Матя увидела носатого мальчишку. Он шёл волоча ноги и строил рожи не то спине страшного человека, не то самому себе.

Ох, какой он был противный!

Матя ни за что на свете не стала бы дружить с таким мальчишкой.

И ты, конечно, тоже не стал бы с ним дружить. Но ты не беспокойся. Во всей вашей школе не найдётся ни одного такого противного мальчишки. И у тебя во дворе, и на улице, где ты живёшь, и на других улицах твоего города тоже не найдётся ни одного такого мальчишки. Такие мальчишки давно вымерли, как древние ящеры и ихтиозавры.

Матя оцепенела и задержала в груди дыхание.

Страшный человек прошёл совсем близко.

Между его локтем и Матей нельзя было бы просунуть даже мизинец маленького ребёнка.

— Папка! — противным голосом сказал противный мальчишка. — А я хочу, чтобы у меня сегодня был колпак-невидимка. Хочу, и всё, слышишь?

— Ну, сыночек... — беспомощно сказал страшный человек.

— А если завтра, то я его не надену. Вот!

— Ну, не болтай ерунды, мой милый. Ты видишь, я с утра даже не присел ни на минуточку. Столько забот, и все навалились сразу. Но ты же видел: получился целый золотой чан невидимой жидкости.

— Подумаешь, невидимая жидкость! А колпаки?

— Я сейчас пойду к Министру Войны, и мы решим, как нам быть с Братями-ткачами.

— Вот видишь, какая волынка! — пискнул противный мальчишка. — А я больше не хочу ждать!

— Ну, сыночек, что же делать? — извиняющимся голосом сказал страшный человек. Он погладил противного мальчишку по грязным лиловым волосам. — Ну что же делать? Они очень упрямые, эти Братья!

— Вот видишь! Вот видишь! — Противный мальчишка затопал ногами и чуть не наступил на босую ногу Мати, которая, сама того не замечая, подошла к ним совсем близко. — А если эти глупые ткачи совсем не захотят работать? — сказал противный мальчишка. — Что тогда?

— Тогда мы их казним, — сказал страшный человек.

— Ой! — сказала Матя.

Она совсем не хотела сказать «ой!». Просто у неё так получилось. Страшный человек и противный мальчишка замерли на месте.

— Сыночек, это ты сказал «ой!»?

— Очень мне надо говорить «ой!»! — проворчал противный мальчишка. — Сам говори «ой!», если тебе хочется.

— Ты не говорил «ой!», и я не говорил «ой!», — подозрительно пробормотал страшный человек, поворачиваясь в разные стороны. — Но кто-то всё-таки сказал «ой!»? Кто-то невидимый! Но тот, кто сказал «ой!», совсем не пахнет...

И тут к ужасу Мати страшный человек стал громко сопеть носом и нюхать воздух.

Его огромный нос деловито зашевелился.

Прямо перед собой Матя увидела его круглые чёрные ноздри. Каждая ноздря была как нора суслика.

— Да никого тут нет! — сердито сказал противный мальчишка и потянул страшного человека за зелёный рукав. — Пошли... Всегда ты что-нибудь придумашь...

— Не уверен, что тут... — с сомнением пробормотал страшный человек.

— Да ну тебя, надоел... — пискнул противный мальчишка. — Так у меня и через год не будет колпака.

Противный мальчишка вышел из зала.

Страшный человек с силой втянул в себя воздух. Матя почувствовала, что струя воздуха тащит её за собой.

Она взмахнула руками и невольно сделала несколько шагов к страшному человеку, но тут он шумно перевёл дыхание, повернулся и вышел из зала.

— Ох!.. — выдохнула Матя.

Она прижалась горячей щекой к холодной колонне и закрыла глаза. Так она простояла несколько минут. Ей просто нужно было прийти в себя и успокоиться.

Потом она пошла дальше.

Все комнаты были одинаковые: большие и пустые. Со стен смотрели картины и зеркала. Зеркала казались тёмными и мрачными. Ведь зеркала любят быстрый взгляд и улыбку. Но в этих пустых комнатах всё было неподвижным.

Матя вышла на лестницу. Здесь было полутемно. За маленьким круглым окном был виден кусок закатного неба, прозрачного и розового, как леденец. Матя задумалась, куда ей идти — вверх или вниз по лестнице,

И вдруг она услышала чей-то плач. Нет, правда! Кто-то плакал под лестницей, всхлипывая и дёргая носом. Это был горький, тяжёлый и тихий плач. Так плачут только от большого горя. И Матя это сразу поняла.

«Не может быть, чтобы это плакал невидимка... — подумала Матя. — Нет, невидимки плачут не так!»

Матя заглянула под лестницу. Под лестницей, в темноте, скорчившись, сидел маленький худой негритёнок.

Он сидел, низко опустив кудрявую голову и обхватив колени руками. Торчали его острые колени и локти. На спине торчали острые лопатки.

— Чего ты ревьешь? — спросила Матя.

Мальчик в ужасе вскочил и стукнулся головой об лестницу.

— Не бейте меня, не бейте! — отчаянно закричал он. Его огромные блестящие глаза смотрели куда-то мимо Мати. Он быстро-быстро дышал и прикрывал руками то лицо, то живот, то грудь, как будто не знал, куда его сейчас ударит невидимая нога.

— Я тебя не бью. Ты сам головой об стену стукнулся, — сказала Матя.

— А вы... вы не будете меня бить?

— Я мальчишек бью, только когда они сами лезут, — солидно сказала Матя. — А первая я не дерусь.

У мальчика стало такое удивлённое лицо, как будто Матя сказала самую невероятную вещь на свете.

— А... а кто вы? — робко спросил он, на всякий случай поднимая руки на уровень лица, прикрывая его от удара.

— Я? Девочка, — с удивлением сказала Матя. Она совсем забыла, что на ней колпак-невидимка.

— Вы не простая девочка, — прошептал мальчик. — Вы богатая девочка. Ведь на вас колпак!

— Вот глупый! — сказала Матя и стянула с головы колпак-невидимку.

— Ой, у тебя босые ноги! — в восторге закричал мальчик. — А платье у тебя старое и заштопанное! Ой, как хорошо! Значит, ты бедная?

— Почему я бедная? Я просто не очень богатая, — сказала Матя. — У меня есть башмаки. Просто они очень громко топают. А чего ты ревел?

— Понимаешь, я каждый день натираю пол во всём дворце. Вот этой щёткой и воском. А вечером главный повар даёт мне за это кусок чёрного хлеба. Я никогда не ел белого хлеба, потому что повар говорит, что белый хлеб могут есть только белые люди. А сегодня, когда я

натурал пол, я услышал, как Министр Войны сказал королю, что скоро они нападут на Страну Весёлых Тружеников. Они всех Весёлых Тружеников поубивают или возьмут в плен. А Весёлые Труженики даже не будут знать, кто их убивает или берёт в плен. Ведь на всех солдатах будут надеты колпаки. А Весёлые Труженики все очень хорошие. Я как раз собирался ещё немного подрасти и убежать в их страну...

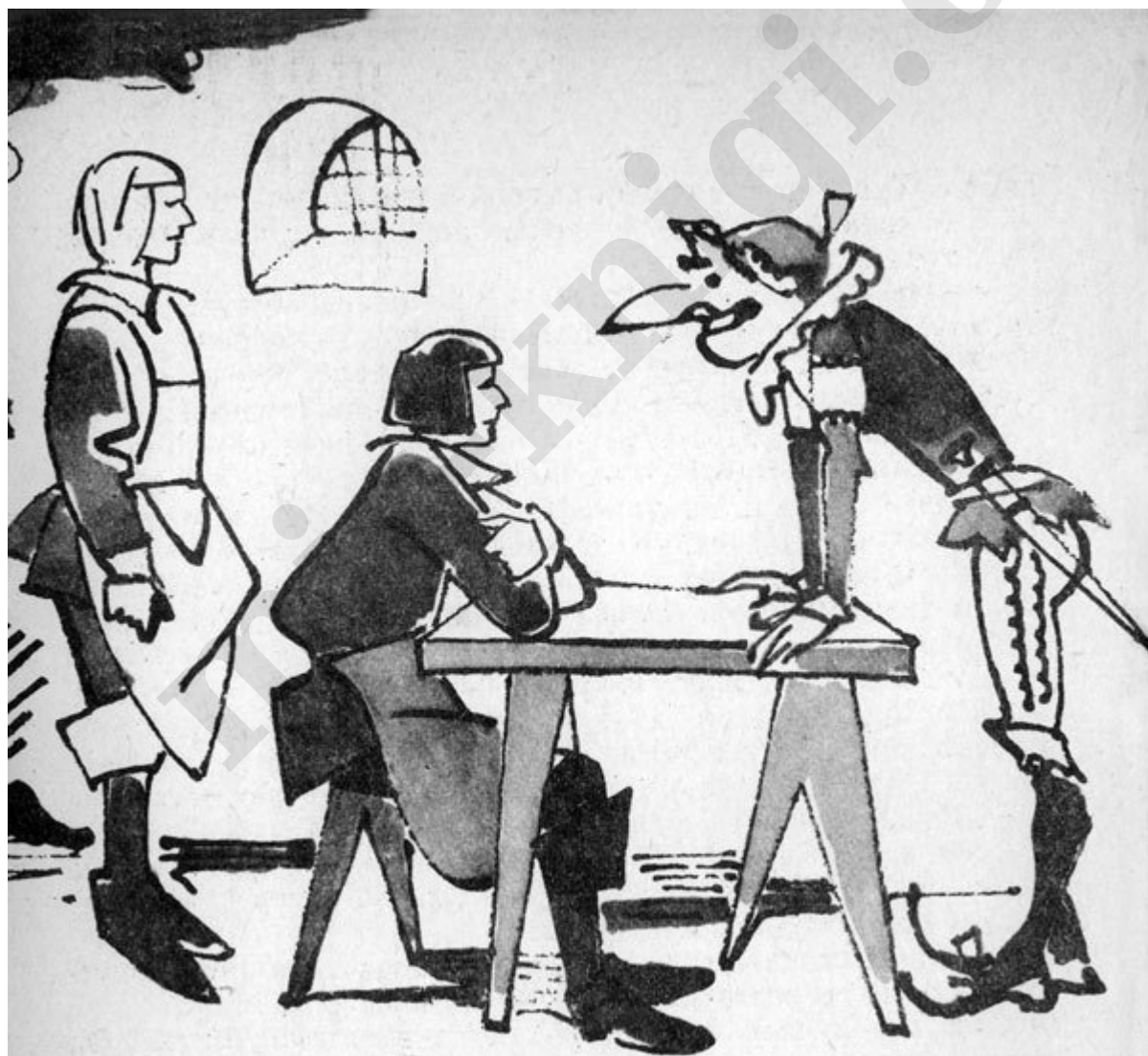
Мальчик снова стал быстро дышать и всхлипывать.

— А как тебя зовут? — спросила Матя.

— Меня зовут... У меня очень некрасивое имя. — Мальчишка низко опустил свою кудрявую голову. — Меня зовут Щётка. У меня, наверное, есть другое имя. Настоящее. Я так думаю. Но ведь настоящее имя даёт мама. А я не знаю, кто моя мама, и поэтому я не знаю, какое у меня имя. А тебя как зовут? И откуда ты взяла этот колпак-невидимку?

— Подвинься, — сказала Матя. — Я тоже залезу под лестницу и всё тебе расскажу.

Глава 9. В чёрной башне

— А теперь я хочу повидать своих Братьев, — сказала Матя, окончив рассказ.

Щётка глубоко вздохнул, как будто проснулся, Матя посмотрела на него.

— О-о-о... Чёрная башня... — прошептал Щётка и поёжился. — Там на каждой двери два замка. А на окнах железные ставни. Туда ведёт подземный ход. У нас во дворце два подземных хода. Один ведёт в Белую башню, а другой в Чёрную. Нет, туда никому не пройти...

— Ну да! — сказала Матя. — В колпаке-то я куда хочешь пройду! — И Матя снова натянула колпак на голову.

В это время мимо ребят прошлёпали зелёные башмаки со стоптанными каблуками. Потом заскрипели ступеньки.

— Тише! Это Цеблион! — отчаянно прошептал Щётка. — Не шевелись! Он дерётся очень больно!

Бедный Щётка! Он делил всех людей на тех, кто дерётся очень больно, и на тех, кто дерётся не очень больно.

— Ой, он, наверное, пошёл к моим Братьям! — тихо ахнула Матя и выскочила из-под лестницы. Она чуть не задела Цеблиона.

Ещё немного, и они стукнулись бы лбами. Вот была бы история! И, как ты понимаешь, дело совсем не в том, что у Мати могла бы вскочить шишка на лбу!

— А, это ты, Щётка! — сказал Цеблион и посмотрел на негритёнка своими страшными глазами.

Под его взглядом Щётка съёжился в маленький чёрный комочек. Он сжимался всё больше и больше, и Матя даже испугалась, как бы он вообще не исчез.

Цеблион еще что-то пробормотал сквозь зубы и стал спускаться вниз по лестнице. А за ним на цыпочках Матя.

Она оглянулась. На верхней ступеньке стоял Щётка. Он делал какие-то невысказанные гримасы, ощупывал руками воздух и в отчаянии смотрел в пустоту. Его губы шевелились. Ему ужасно не хотелось, чтобы эта удивительная девочка ушла за этим страшным человеком туда, в страшную башню, о которой он боялся даже думать.

А Матя вслед за Цеблионом спускалась все ниже и ниже. Цеблион делал шаг, и Матя делала шаг.

Пахнуло сыростью, с потолка закапала зелёная, непрозрачная вода.

Из тёмных углов выползли круглые жабы. Они смотрели на Хранителя Запахов любящими глазами.

Это был подземный ход, который вёл в Чёрную башню.

«Ой, я иду под землёй! — со страхом подумала Матя. — Ой, как крот!..»

Вот ты, мой читатель, наверное, каждый день едешь на метро и даже не думаешь о том, что над тобой большой шумный город. Ты проезжаешь под домами, под рекой, под старыми деревьями, чьи корни уходят глубоко вниз. И тебе нисколько не страшно.

Но не забудь, что в метро вместе с тобой едет много людей, всюду яркие красивые лампы и ты не найдёшь в метро ни одной жабы, если даже объездишь все станции.

Поэтому не думай, что Матя трусиха, хотя она и дрожала с ног до головы всё время, пока шла по подземному ходу.

Как же она была рада, когда подземелье кончилось и она вслед за Цеблионом начала подниматься по узкой лестнице!

Эта лестница обвивалась вокруг столба, как змея вокруг дерева.

Они поднимались всё выше и выше, пока не остановились у какой-то запертой двери.

В нос ударил сильный запах ваксы.

— Эй, Начищенный Сапог, отвори дверь, я хочу поговорить с ткачами, — приказал Цеблион.

Загремели ключи.

Это Начищенный Сапог старался попасть невидимым ключом в замочную скважину.

Цеблион стоял, расставив ноги, и нетерпеливо раскачивался с носка на пятку.

Наконец ключ, скрипя, повернулся. Дверь открылась. И в этот момент Матя незаметно проскочила между ногами Цеблиона прямо в комнату.

Матя увидела своих Братьев.

Она тут же зажала себе ладонью рот. Ей так хотелось обнять их и закричать: «Я тут! Вот она, я!»

Но она только стояла и смотрела, стояла и смотрела.

Старший Брат сидел около стола, положив на него свои тяжёлые, большие руки. Младший стоял рядом.

Мате показалось, что они какие-то совсем не такие, как дома.

Но, может быть, это было потому, что дома она разговаривала с ними, карабкалась им на плечи, налетала из-за угла, вместе с ними пела песни по вечерам, сидя на низкой скамейке у ног Старшего Брата.

Но никогда она вот так не стояла и не рассматривала их.

Ей показалось, что Старший Брат стал каким-то старым, а Младший — взрослым.

— Морщинки, — неслышно прошептала Матя. — Морщинки и тут и на лбу.

Цеблион молча остановился посреди комнаты. Глаза его, не отрываясь, жадно смотрели на Братьев. Губы шевелились.

«Ой, он сейчас кинется и начнёт их кусать!» — с испугом подумала Матя.

— Вот что, мои миленькие, хорошенькие ткачи! — сладким голосом сказал Цеблион. Он улыбнулся. Но глаза его остались такими же страшными. Улыбки не получилось. Просто человек оскалил зубы, и всё. — Невидимая жидкость готова. Теперь дело за вами. Вы должны сегодня же взяться за работу. Мне не хочется портить вам настроение всякими пыточками и

другими неприятными вещами.

Старший Брат медленно повернул голову и посмотрел на Цеблион а.

Его взгляд как раскалённый луч протянулся через всю комнату. Мате показалось, что она видит в воздухе этот взгляд. Она подумала, что Хранитель Запахов под этим взглядом сейчас завизжит, завертится на месте, задымится и сгорит.

Но ничего подобного не случилось.

Хранитель Запахов по-прежнему стоял посреди комнаты и неподвижным взглядом смотрел на Братьев.

— Мы не будем работать! — резко сказал Старший Брат. — Мы знаем, для чего вам нужны колпаки. Они нужны вам для войны. А на свете нет ничего страшнее вашей войны...

Хранитель Запахов так отвратительно захихикал, что Матю чуть не стошнило.

— Ах вы мои глупенькие ткачи! — сказал он ласковым, сладким голосом. — Вот что! Испугались войны, мои миленькие? Так бы вы сразу и сказали. Ну ладно, как только вы начнёте ткать материю для колпаков, я поговорю о вас с Министром Войны. Он мой хороший приятель. Я даже могу вам дать к нему записочку. Такую хорошенькую записочку. Хотите? Я попрошу его, чтобы он разрешил вам не ходить на войну. Все пойдут, а вы не пойдёте. Договорились, мои славненькие?

Лицо Старшего Брата исказилось от отвращения.

— Уходи отсюда, старик! — сказал он. — Все твои мысли покрыты таким толстым слоем грязи, что ты никогда не поймёшь нас. Но запомни одно. Мы не будем ткать материю для колпаков! И другие ткачи тоже не будут!

У Цеблиона от ярости скрючились пальцы. Матя увидела его зелёные ногти, похожие на жёлуди.

— Невидимая жидкость готова, — прохрипел он. — Если через двенадцать часов вы не начнёте работать, вас казнят!

Цеблион так хлопнул дверью, что тяжёлые железные ставни застонали и заскрипели, а красный луч закатного солнца забежал по стенам.

— Ну что ж, умрём... — пробормотал Младший Брат и опустил голову. — Бедная Матя!..

— Я не бедная! — закричала Матя. — Я здесь!

И она сорвала с головы колпак-невидимку.

Ох, что тут было!

Матя прыгала как козлёнок и визжала как поросёнок.

Она обнимала и целовала Братьев.

Но когда она подпрыгнула особенно высоко. Старший Брат поймал её в воздухе.

Матя перестала болтать ногами, и Старший Брат поставил её на пол.

— Матя, — сказал Старший Брат. Голос у него был какой-то странный. Совсем чужой голос. — Ах, девочка... Ты должна немедленно уйти из дворца. Слышишь? И уехать в деревню. Ты не должна целый месяц ни с кем ни о чём говорить. Только с соседками. И только о молоке и хлебе. И ни у кого не спрашивать о городских новостях.

— Почему?.. — шёпотом спросила Матя. Но пока она спрашивала, она всё уже сама поняла. Ей стало так страшно, как никогда в жизни.

Руки её бессильно повисли. Колпак с красной кисточкой упал на пол.

Заскрипела старая лестница, как будто её мучили.

— Эй, Начищенный Сапог, открывай дверь!

— А... это ты, сторож!

— А то кто же... Уф— Я принёс хлеб и воду Братьям. Проклятая лестница... Девяносто девять ступеней... уф, и одна сломанная... Проклятые Братья... Хорошо, что их казнят через двенадцать часов... Очень надо лезть по лестнице из-за каких-то ткачей, которые через двенадцать часов станут покойниками...

Старший Брат схватил Матю и быстрым движением натянул ей на голову колпак-невидимку.

Дверь заскрипела. Вошёл пузатый сторож. На его огромном животе торчал ключ, как гриб на пригорке.

Старший Брат на одно короткое мгновение прижал Матю к себе и вытолкнул её на лестницу.

Глава 10. Обыскать воздух!

Как Матя спустилась вниз, она не помнила.

Она садилась на каждую ступеньку и плакала. Ступеньки от её слёз становились мокрыми, как будто их только что вымыли.

Щётка, весь измучившись от нетерпения, ждал её в тёмном углу под лестницей.

Матя села на корточки рядом с ним и заткнула себе рот передником.

— Плачь громче, если тебе хочется! — горячо зашептал ей Щётка. — Я буду открывать рот, и все будут думать, что это я плачу. Меня часто бьют, и я часто плачу... Все к этому привыкли...

— Какая я дура! Идиотка! — рыдала Матя. — У-у-у!.. Меня мало убить за это. Ну что мне стоило взять ещё пару колпаков для них? А теперь их... Нет! Нет! Не хочу! Не хочу! Вот проберусь в Белую башню и пролью невидимую жидкость. Да! И тогда их отпустят домой...

Вдруг Матя замолчала. Это она просто так сказала насчёт Белой башни и Невидимой Жидкости, не подумав. Но вдруг её собственные слова поразили её.

— Ой, правда, Щётка, ведь если не будет Невидимой Жидкости, их отпустят. Ведь тогда больше не будет нужна материя для колпаков! Ведь правда? Я пролью её, вот ты увидишь, я пролью!

— Ну конечно, конечно, ты её прольёшь! — прошептал Щётка. Он не думал о том, что она говорит. Ему только хотелось её хоть немного утешить. Он погладил Матю по мокрому от слёз плечу. У Мати даже спина была мокрая от слёз. — Меня слишком много били по голове. А у меня, наверное, вся смелость была в голове... А может быть, она была в спине... Но меня так много били по спине...

Мимо ребят прошёл страшный человек. Он вёл за руку противного мальчишку.

— Папка! — хныкал Цеблион. — Принцесса велела мне принести ей духи. Дай мне ключ от чёрного шкафа.

— Ты же сам знаешь, что я сделал его невидимым, — с огорчением сказал Хранитель Запахов. — Я же тебе тогда, помнишь, сказал, что нужно посмотреть под трон. Он где-то там валяется. Вот пойдди туда сейчас и...

— Мне какое дело! Отдай ключ, и всё! Не буду я по полу ползать!

— Ну хорошо, сыночек, я сам... Только не волнуйся...

Я сейчас пойду и сам...

Но Цеблион не успел договорить. Послышались громкие голоса и топот множества ног.

Пробежал пузатый сторож с огромным ключом за поясом. Он дышал как паровоз: уф! уф! уф!..

Потом послышался голос Министра Войны. Он рычал, как пятьдесят тигров:

— Немедленно найти девчонку!!! Закрыть все двери!!! Осмотреть подземные ходы!!! Расспросить жаб!!! Обыскать весь воздух во дворце!!! Усилить стражу!!! Никого не пускать в Белую башню!!!

— Что случилось? — дико закричал Цеблион. — Что случилось?

— Да эта маленькая дрянь украла колпак принцессы! — рявкнул Министр Войны. — Этот идиот Министр Чистого Белья уже двадцать минут лежит в обмороке и не желает приходить в себя, сколько его ни уговаривают!!!

— Проклятье!.. — прошептал Цеблион. — Лучше бы они поручили их выстирать мне...

Он прислонился спиной к лестнице. Под лестницей стало совсем темно.

— Ещё бы!!! — рявкнул Министр Войны. — Уж вы бы украли сразу два!!!

— Негодяй, — прошептал Цеблион.

Всюду был слышен топот невидимых стражников. Одни бежали вверх по лестнице, другие вниз.

Щётка нашёл невидимую руку Мати и сжал её.

— Теперь тебе нельзя отсюда вылезать! — шепнул он.—

Ты сиди тут и даже не думай идти в Белую башню. Да и всё равно теперь туда никому не пройти.

— Никому? — горестно повторила Матя.

— Ну, королю или королеве... Им-то, конечно...

— Ну а... принцессе?

— И принцессе, конечно, тоже.

— Вот если бы я... — тихонько сказала Матя.

— Что ты?

— Да нет, я просто подумала...

— Что ты подумала?

— Да нет, ерунда. Просто я подумала, что если бы у меня были духи принцессы...

И вдруг Щётка подпрыгнул.

Нет, правда, подпрыгнул и засмеялся. Каким-то странным, дребезжащим смехом. Матя даже вздрогнула.

— Ты не пугайся. Я просто не очень умею смеяться... — быстро зашептал Щётка. — Но я придумал, придумал! На верно, смелость была у меня в животе. А они меня не очень били по животу. Вот её и осталось ещё немного... Я сейчас возьму щётку и пойду натирать пол в главном зале. И я найду ключ. А потом я пойду натирать пол в чёрную комнату. Я открою чёрный шкаф. Я знаю... я слышал, как его надо открывать. Меня никто не заметит, когда я буду открывать чёрный шкаф, потому что я тоже чёрный. Я принесу тебе духи принцессы!.. Жди меня тут. Только никуда не уходи, слышишь?

Щётка выскочил из-под лестницы и исчез.

Он так быстро исчез, что Матя подумала, уж не снится ли ей всё это.

«А может быть, вправду Щётка мне только приснился? — подумала она. — И может быть, и всё мне только снится? И я сама себе только снюсь. Вот меня же ведь нет!»

Матя сильно ущипнула себя правой рукой за левую.

И хотя обе руки были невидимыми, левой руке от этого не стало легче.

— Больно! — прошептала Матя. — Ну, значит, на мне всё-таки колпак-невидимка и я сижу под лестницей, — решила она. — Ну, а раз так, что же, тогда я буду ждать Щётку.

Мимо неё топало множество невидимых ног и проносились разные запахи. Это невидимые стражники обыскивали воздух во дворце. Они бегали взад и вперёд с невидимыми сетями и ловили придворных.

Невидимки кричали, визжали, кусались и царапались. Но стражники всё равно тащили их к Цеблиону в королевскую канцелярию.

А там происходило вот что.

Хранитель Запахов тщательно всех обнюхивал и отпускал.

— Ну, какая же это девчонка? Это Министр Денег! Он так же похож на девчонку, как дракон на таракана!

— Тьфу, да это же тётка Министра Чистого Белья! Она, наверно, лет сто назад была девчонкой!

— Как вы смеете это говорить? Я была девчонкой ещё в позапрошлом году!

— Вы меня ловите уже в третий раз! — пищала какая-то придворная дама. — Вы мне поставили синяк под глазом и шишку на нос! Я буду жаловаться! Да! Да! Да!

Но невидимые стражники ничего не отвечали, а только громко пыхтели.

— А как ты докажешь, моя миленькая, что у тебя синяк под глазом и шишка на носу? — бормотал Цеблион, обнюхивая её. — А может быть, у тебя шишка под глазом и синяк на носу? А?

— Это безобразие! Я теперь три дня не смогу быть такой красавицей, как всегда! Я буду жаловаться!

От усталости нос у Цеблиона светился красным светом, как будто был набит раскалёнными углями.

Под лестницей стало совсем темно.

«Значит, Щётка не нашёл ключ, — с огорчением подумала Матя. — Почему так всегда получается? В сказках все всегда находят ключи, а вот в жизни... Но я больше не могу ждать. Надо придумать что-то другое...»

Матя осторожно вылезла из-под лестницы. Она так долго сидела скорчившись, что теперь у неё по всему телу бегали мурашки, как будто она по ошибке посидела на муравейнике.

Она сделала несколько шагов, но вдруг кто-то невидимый с отчаянным визгом налетел на неё и вцепился ей в рукав дрожащими пальцами. Пальцы прилипли к ней как пиявки.

— Ай! Ай! Ай! — визжал кто-то невидимый.

Затопали сапожищи.

— Заводи сетку с той стороны! — услышала Матя чей-то грубый голос.

Матя вырвалась из цепких рук и вскочила на стул. Кто-то задел его. Стул покачнулся. Матя прыгнула на высокий подоконник и прижалась спиной к раме, стараясь занять как можно меньше места.

У её ног началась страшная возня.

Стражники тяжело дышали, рычали сквозь стиснутые зубы и тащили сетку. А в сетке, как огромная рыба, вдруг научившаяся кричать, бился и орал диким голосом кто-то невидимый.

— Уж очень тяжела эта девчонка! — задыхаясь, проговорил один из стражников. — А?

— Да всё равно, потащили! — отвечал второй. — Вон видишь, Керосин и Скипидар тоже кого-то волокут. — Эй, Керосин, кого поймали?

— Да вот нашёл какую-то девчонку под столом, — отвечал хриплый голос. — Но, кажется, у неё борода!

— Постой, постой! Не отпускай её. Может быть, это вовсе и не борода, а косы?

— А мне велели посмотреть по всем подоконникам! — рявкнул кто-то совсем рядом с Матей.

Чья-то большая, грубая рука наткнулась на Матину ногу, скользнула по ней вверх и ухватилась за передник.

— Тут кто-то прячется. Вот здесь, на этом подоконнике.

Скорее! Давайте сюда сетку! — завопил стражник и сильно потянул Матю за передник.

Передник развязался.

Один башмак со стуком упал на подоконник. Другой Матя подхватила в воздухе.

Сама не зная как, Матя взмахнула этим башмаком и попала по чему-то не очень мягкому и не очень твёрдому.

Видимо, это была голова стражника в колпаке.

— Ой! — заорал стражник. — Это она! Она дерётся! Хватайте её!

Но передник он всё-таки выпустил. Матя снова взмахнула башмаком.

— Это она! — закричал второй стражник и сел на пол, потому что тоже получил по голове башмаком.

— На помощь!

- Ты отдал мне руку!
- Она здесь!
- Поймали!
- Да слезь же ты с моей руки, болван!
- Она разбила мне нос! Проклятая девчонка!
- Давайте все вместе!

В комнату вбежал Цеблион.

- Идиоты! Держите её! Хватайте! Не выпускайте!

Он бросился к окну с протянутыми руками.

Его огромный нос выдвинулся вперёд.

У носа был такой вид, как будто он тоже хочет схватить Матю.

Цеблион в несколько скачков пересек комнату, но вдруг споткнулся о сидящего на полу невидимого стражника и полетел кувырком, высоко задрав ноги в зелёных ботинках.

Матя сильно ударила по стеклу башмаком. Стекло испуганно зазвенело. Посыпались осколки.

Матя ударила ещё раз и выпрыгнула в сад.

К счастью, под окном росло круглое дерево.

Матя повисла на его ветке, покачиваясь, как чересчур большое яблоко.

Колпак свалился с её головы и повис рядом на соседней ветке.

Но такое яблоко было слишком тяжело для ветки. К тому же это дерево вовсе не было яблоней.

Ветка хрустнула, и Матя полетела на землю.

На дереве остался висеть только колпак-невидимка. Он висел скромно, как обычная тряпка, которую просто так повесили на ветку.

Свет луны пробрался сквозь листья и стал играть его красной кисточкой.

Матя вскочила на ноги и прежде всего посмотрела на окно.

Она увидела Цеблиона. Он высунулся из окна. Он не глядел на Матю. Он с жадностью глядел на колпак с красной кисточкой.

Он тяжело дышал и протягивал к колпаку свои страшные руки.

Матя подпрыгнула изо всех сил, но не достала до ветки.

Она подпрыгнула ещё раз. Она задела кончиком пальца красную кисточку.

Колпак покачнулся, но остался висеть.

Слёзы выступили у Мати на глазах. Лунный свет блеснул в них и ослепил Матю.

Цеблион ещё больше высунулся из окна. Теперь он почти весь висел в воздухе. Он висел вниз головой. Невидимые стражники держали его за ноги.

Матя увидела его страшные руки. Они приближались, становясь всё больше и больше. Матя увидела его растопыренные пальцы с перепонками на них, как на гусиной лапе.

Ой! Ещё немного, и эти страшные руки схватят маленький колпак с красной кисточкой.

Улыбка раздвинула губы Цеблиона.

Матя тихо вскрикнула, схватила свой деревянный башмак и бросила им в колпак с красной кисточкой. Башмак глухо ударился о ветку. Ветка покачнулась. И колпак вслед за башмаком медленно упал вниз.

Цеблион завыл, как будто кто-то из стражников ошпарил его кипятком.

Вот тут он посмотрел на Матю. Он увидел простую девчонку в заштопанной юбке. Сверху она казалась совсем маленькой. Её кудрявые волосы были растрёпаны. На щеках ещё светился румянец испуга.

Девчонка повертела маленькой босой ногой и сунула её в деревянный башмак.

Потом она сделала вот что. Я, конечно, не знаю, но мне почему-то кажется, что и ты, мой читатель, на её месте сделал бы то же самое.

Она подняла руку и, растопырив пальцы, показала длинный нос Цеблиону.

— Вот тебе! — сказала она. Потом она натянула на голову колпак и исчезла. Исчезла вместе со своей заштопанной юбкой и деревянным башмаком.

Цеблион завыл ещё громче. Он схватил второй Матин башмак, который так и остался лежать на подоконнике, и вцепился в него зубами.

Конечно, если бы у Мати были кожаные башмаки, то, возможно, Цеблион откусил бы носок или полпятки. Но у Мати ещё никогда в жизни не было кожаных башмаков.

Зубы Цеблиона скользнули по деревянному башмаку и громко щёлкнули, как захлопнувшийся замок. Этот звук как будто немного привёл его в себя. — Ну ладно... — прошипел он. — Пусть уходит со своим колпаком. Скоро у нас будут сотни новых. А сюда немедленно вставить новое стекло. Главное, чтобы она снова не могла пробраться во дворец. Запереть все двери, усилить стражу! Никого не пропускать!

А Матя тем временем шла по тёмным дорожкам парка. Она посасывала порезанный о стекло палец и немного прихрамывала, потому что одна нога была у неё босая, а на другой был надет башмак. Скоро ей это надоело. Она сняла башмак, завязала его в передник и пошла босиком. Матя подошла к высокой ограде парка. За оградой была улица.

Матя слышала голоса людей. Их шаги. Кто-то проскакал верхом на лошади. Подковы звонко стучали по камням, как будто кто-то ронял на мостовую железные ложки и миски.

— Мама, дай мне хлебушка, — сказал чей-то детский сонный голос.

— Вот придём домой, и я дам тебе и хлеба и супа! — ласково ответил женский голос.

Мате тоже очень захотелось есть. Ох, как ей захотелось есть! Перед её глазами проплыла миска с супом. Пар над ней был как парус. Рядом, как маленькая лодочка, покачивался кусок хлеба. Матя вздохнула и погладила живот.

Матя вскарабкалась на ограду и села, опустив вниз ноги.

Здесь было светлее. Из окон на мостовую падали жёлтые квадраты света.

По улице шли люди. Сверху Матя видела широкие плечи мужчин и белые чепцы женщин. Все шли медленно, уставшие после тяжёлого дня.

Мать несла на руках спящего мальчишку. Маленькая рука свесилась и сонно болталась, как маятник.

Здесь всё было понятно Мате.

Худая девочка вела по улице корову. Корова шла медленно, и если бы не колокольчик на её шее, она наверно уснула бы посреди улицы.

Двое мужчин в холщовых куртках остановились прямо под Матей.

— Они там! — негромко сказал один из них и показал рукой прямо на Матю.

Матя чуть не свалилась с ограды.

Но тут она поняла, что они смотрят сквозь неё на Чёрную башню.

— Их держат в каменной башне, как воров и убийц. Только за то, что они честные люди. Только за то, что они не хотят этой проклятой войны, — сказал другой.

Матя увидела поднятое кверху молодое лицо. Она увидела мрачные глаза и сдвинутые брови.

— Тише! — шепнул первый и дёрнул второго за рукав. — Здесь повсюду невидимые уши...

Мужчины пошли дальше.

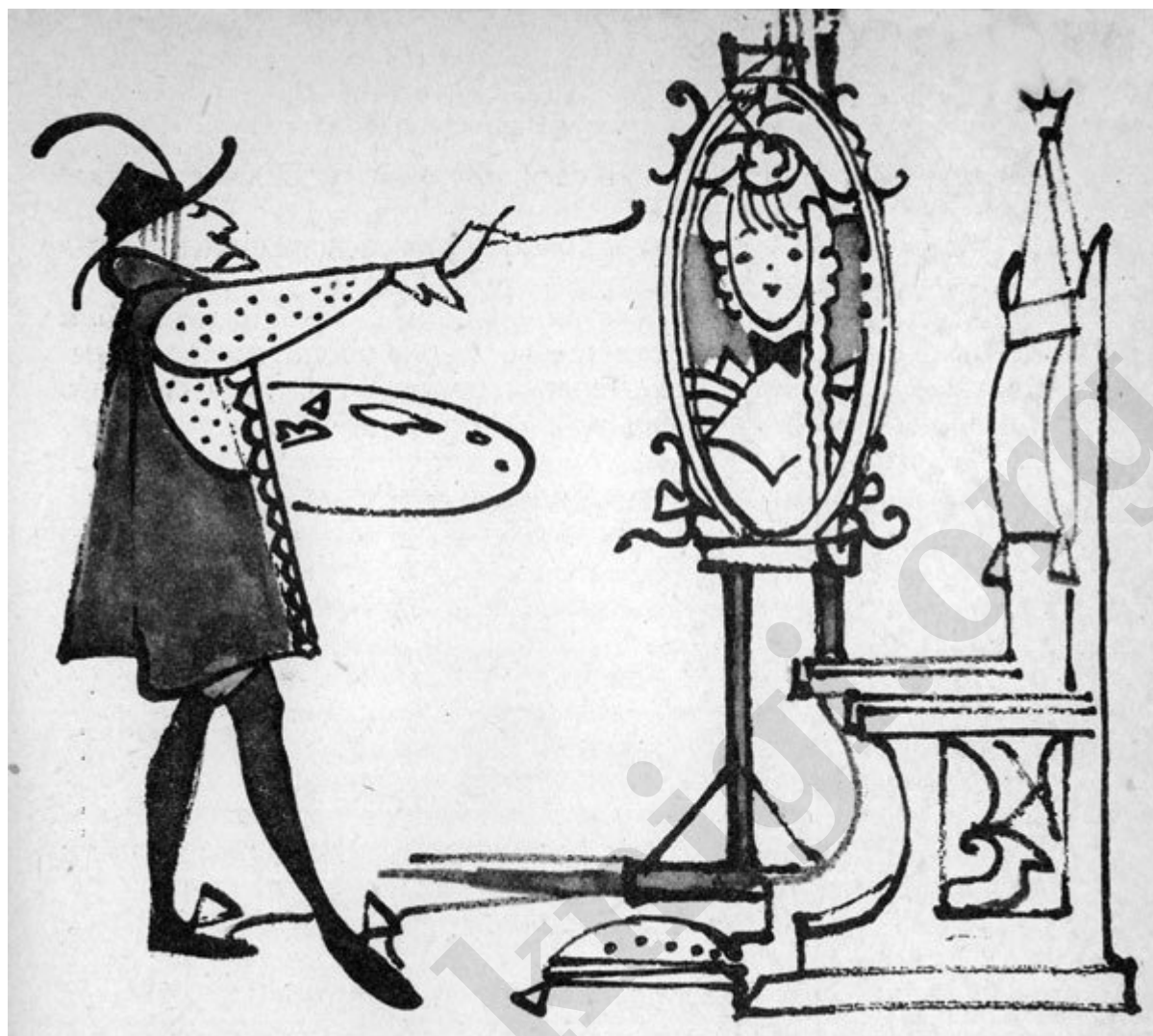
«Может быть, мне надо было спрыгнуть к ним? — подумала Матя. — Обо всём им рассказать. Но только что они могут сделать? Вот Щетка и то не смог мне помочь. Бедный Щётка! Что с ним случилось?..»

Матя слезла с ограды и пошла вдоль освещенного дворца в глубь парка.

Здесь деревья уже не стояли рядами, как солдаты. Они не были аккуратно подстрижены. Ветки росли вольно, переплетаясь друг с другом. Деревья шумели громче, как будто здесь они не боялись говорить то, что они думают.

Дорожка кончилась.

Матя пошла в темноту по мокрой холодной траве.

Мы расстались со Щёткой под лестницей. Вернее, он так быстро исчез, что Матя подумала, уж не снится ли ей это.

Но нет, ей всё это не снилось.

Щётка побежал искать ключ от чёрного шкафа.

Худенький и тёмный Щётка быстро перебегал из комнаты в комнату. Если кто-нибудь проходил мимо, он сейчас же плюхался на колени и начинал сильно тереть щёткой пол.

А в главном зале тем временем у окна расположился королевский художник. Он заканчивал портрет принцессы.

Портрет стоял на мольберте.

Художник, встряхивая длинными волосами, то вплотную подходил к мольберту, то отскакивал от него, как будто его что-то испугало, и смотрел на него издали.

Портрет был почти закончен.

Только вместо лица было пока ещё белое пятно, по форме напоминающее яйцо.

В трёх шагах от мольберта стоял пустой стул с высокой спинкой.

То есть, конечно, он был не совсем пустым.

На этом стуле, громко зевая от скуки, сидела невидимая красавица принцесса.

В зале было тихо. Сонно бились в стекло толстые мухи, уже потерявшие надежду когда-нибудь выбраться из дворца. Их не интересовал портрет принцессы. У них было совсем другое представление о красоте. Самым красивым мухи считали вытаращенные глаза, тонкие ножки и жёлтые животы.

В углах зала начала скапливаться темнота.

— Ваша Прекрасная Прозрачность, может быть, отложим лицо на завтра? — робко предложил художник.

— Вот ещё! Надоело! — капризным голосом сказала принцесса. — Это завтра опять позировать?! Не хочу!

— Тогда... — Художник снова надел на большой палец палитру с красками. — Тогда... Ваше Невидимое Величество... разрешите узнать... какого цвета у вас глаза?

— Как будто сам не знаешь! — проворчала принцесса. — У меня большие голубые глаза.

— О-о... Я так и думал!.. — в восторге простонал художник и нарисовал большие голубые глаза. Они были большие, как голубые блюдечки.

Принцесса слезла со стула и подбежала к художнику.

— Фи, какие маленькие глаза! — недовольно сказала она. — У меня гораздо больше!

— Больше никак нельзя... — в волнении забормотал художник. — А то не останется места для всего остального... Ведь надо ещё где-то нарисовать рот, а между ртом и глазами нос... Ведь у вас есть нос, Ваше Величество?..

— Какие ты глупости болтаешь! — рассердилась принцесса и больно ущипнула художника за руку. — Вот я пожалуюсь на тебя папе-королю. Конечно, у меня есть нос. Только он, очень маленький. У всех принцесс очень маленькие носы!

На руке художника проступил лиловый синяк. Художник со вздохом замазал его белой краской.

— Ваше Незримое Величество, простите, пожалуйста, а какие у вас волосы?

— У меня?.. — Принцесса топнула невидимой ногой. — Как ты смеешь этого не знать? У меня чудесная золотая коса! Вот до сих пор. Это же всем известно!

— Ах, извините, я забыл! Я просто не понимаю, как это могло вылететь у меня из головы! — смутился художник и стал рисовать золотой краской длинную золотую косу.

Рука у него дрожала. А принцесса стояла позади него и больно щипала его между лопатками.

— Длиннее, длиннее, длиннее... — твердила принцесса.

Наконец коса дошла до края картины. Дальше рисовать было негде.

— К сожалению... — пробормотал перепуганный художник, разводя руками. Он забыл, что у него на пальце палитра с красками, и уронил её на платье невидимой принцессы.

Принцесса так громко завизжала, что художник в ужасе схватил два тюбика с красками и заткнул ими уши.

В этот момент произошло вот что. Двери главного зала с шумом распахнулись, и в зал быстро вполз Щётка. Он полз на животе и был похож на чёрную гусеницу. Он то весь сжимался, то во всю длину вытягивался на полу.

Выражение лица у него было ужасно сосредоточенное. Губы плотно сжаты.

Ни на кого не обращая внимания, он быстро подполз к трону, продолжая тереть щёткой пол.

Потом он прополз позади трона и как-то даже ухитрился проползти под ним, хотя казалось, что под трон можно засунуть только не очень толстую книжку.

Потом с тем же сосредоточенным лицом пополз мимо принцессы прямо в угол.

— Что это? Что это такое? — завизжала принцесса. — Безобразия! Хулиганство! Художник, сейчас же прогони его вон!

Но художник так плотно заткнул свои уши тюбиками с краской, что ничего не слышал.

— Художник, художник! — закричала принцесса. — Бей его, бей!

В это время что-то слабо звякнуло.

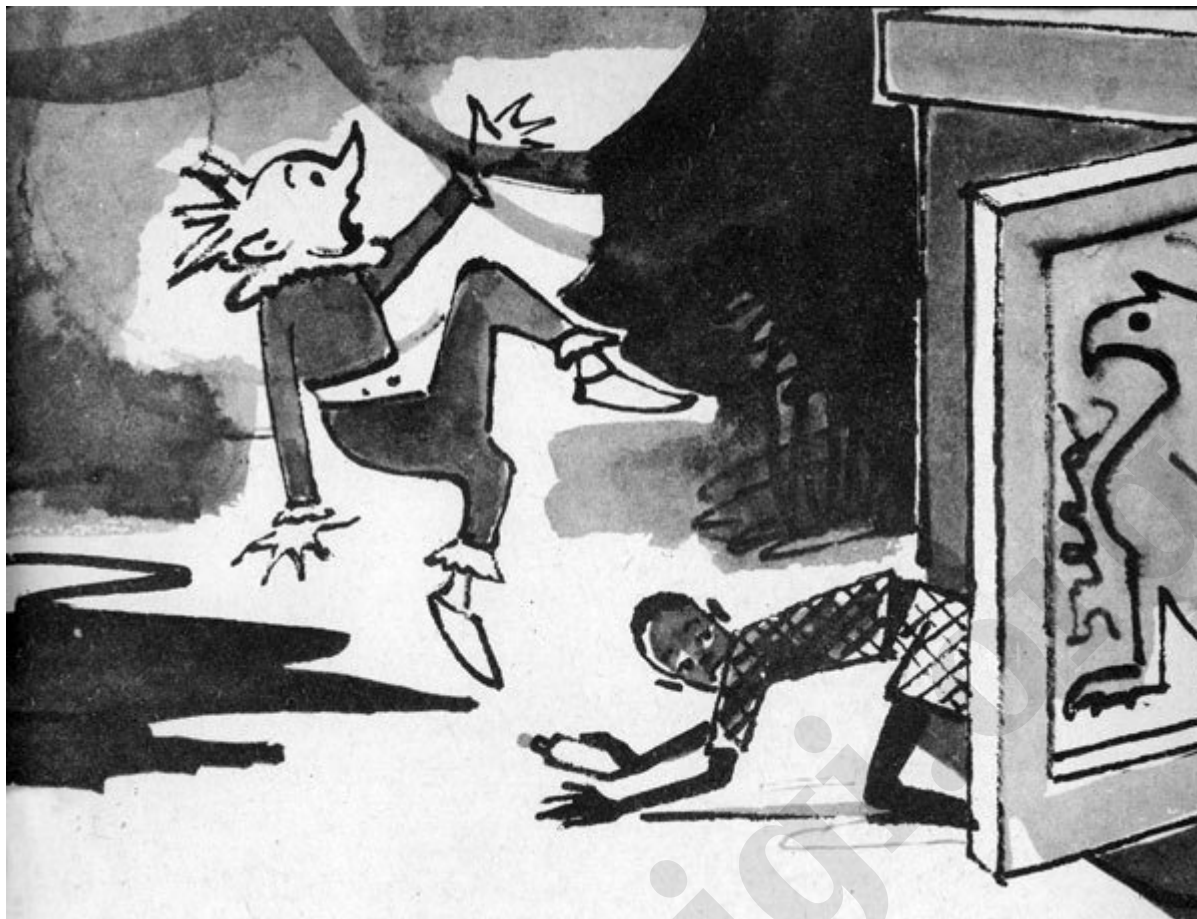
Щётка быстро пошарил рукой вокруг себя и схватил что-то маленькое и невидимое. И тут Щётка улыбнулся. Его лицо от улыбки стало совсем светлым.

— Стража, сюда! — завизжала принцесса.

Но Щётка уже выскочил из зала.

Он бежал по залам дворца и слышал, как позади него постепенно затихает визг принцессы.

Глава 12. В которой рассказывается, при каких обстоятельствах Министр Войны схватил за волосы Цеблионка

Щётка вбежал в чёрную комнату.

Здесь было темно, пусто и тихо. Но всё-таки Щётка долго ползал под столом и по всем углам, пока не убедился, что в комнате нет ни одного невидимки.

И только тогда осторожно оглядываясь по сторонам он подполз к чёрному шкафу.

Дрожащей рукой он вставил невидимый ключ в замочную скважину.

— Пять раз, не больше и не меньше... — прошептал Щётка.

Ключ поворачивался неожиданно легко. Дверцы шкафа длинно заскрипели. Шкаф открылся.

В темноте на полках слабо блеснули ряды пузырьков и бутылок.

«Как же я найду здесь духи принцессы? — растерянно подумал Щётка. — Вон их сколько! Как же я найду в темноте?»

Щётка сунул голову в чёрный шкаф и вдруг почувствовал слабый, сладкий запах ландышей. Он протянул руку.

— Это не он... И это не он... И этот пахнет чем-то другим... А вот этот?..

Щётка схватил с полки маленький флакон и приоткрыл пробку. Его окутал запах ландышей.

Круглая, как шар, радость остановилась посреди горла, мешая дышать. Задыхаясь, он прижал маленький флакон к груди.

— Матя, Матя... — тихонько шепнул он. — Вот видишь, я нашёл для тебя...

В это время за дверью слышались тяжёлые шаги.

— Ха-ха-ха!!! — засмеялся кто-то так громко, что бутылки с духами звякнули в чёрном шкафу, как будто тоже засмеялись.

Щётка заметался по комнате.

Но в этой мрачной неуютной комнате было негде спрятаться.

«Это Министр Войны! Он идет сюда! Ой, ой, больше нет на свете маленького и несчастного негритёнка...»

Щётка сдвинул пузырьки на средней полке в одну сторону, лёг на полку и закрыл дверцу шкафа.

Хлопнула дверь.

Щётка прижал глаз к замочной скважине. Хотя в замочную скважину был вставлен ключ, это не мешало ему всё видеть. Ведь ключ был невидим.

Теперь в комнате стало светлее.

На столе стояли две зажжённые свечи. Они осветили снизу огромный нос Хранителя Запахов. Тень от носа, расширяясь, закрыла весь его лоб.

— Ха-ха-ха!!! — захохотал кто-то по другую сторону стола.

Нет, так громко мог смеяться только Министр Войны.

Это было сразу ясно.

Пламя свечей качнулось в сторону Главного Хранителя.

— Ха-ха-ха!!! Цеблион, ха-ха-ха!!! Ты не смог заставить Братьев работать!!! А ещё хочешь получить колпак-невидимку!!! А вот у меня они живо согласились!!!

— Это правда? — Цеблион наклонился вперёд и оперся руками о стол.

Пламя свечей качнулось в сторону невидимого Министра Войны.

— Клянусь порохом!!! Я только что от них!!! Но они хотят сделать новый ткацкий станок!!! Вот видишь, они дали мне список, что им для этого нужно!!! Первое — длинная труба; второе — два колеса; третье — кузнечные мехи!!! Уж не знаю, для чего они им нужны??? Но всё, что они просят, нужно немедленно отправить в Чёрную башню!!! Позаботься об этом!!! Вот тебе список!!! Видишь, они у меня быстро согласились!!! Ха-ха-ха!!!

Одна свеча испуганно мигнула и погасла.

— В конце концов, мне всё равно, кто их уговорил... — пробормотал Цеблион. — Главное, что они согласились. Полотно, которое они ткут, носится сто лет. Только они одни владеют этим секретом. Они получили его от своего отца, а тот от своего деда...

— Неужели ты собираешься прожить сто лет??!! Ха-ха-ха!!! — снова захохотал Министр Войны.

— Нет, но у меня сын, Цеблионок!.. — изменившимся голосом сказал Хранитель Запахов. — Он...

Щётка увидел, как Цеблион взял со стола какую-то бумагу, сунул в карман своей куртки и заколол булавкой.

«Ну когда же, когда же они уйдут?» — с тоской подумал Щётка.

Он задыхался в чёрном шкафу.

Справа от него пахло палёной шерстью, слева фиалками. Около уха пахло лимоном, около подбородка столярным клеем. А около носа стояла какая-то большая пузатая бутылка. И то, что в ней было налито, пахло одновременно уксусом, хреном и горчицей.

Снова хлопнула дверь, и в комнату вошёл Цеблионок.

Вид у него был очень несчастный. Мутная слеза висела на кончике носа, и пламя свечи отражалось в ней.

— Папка, — всхлипнул он. — Она меня прогнала. Она говорит, пойд и принеси духи, а то я уже почти не пахну. Она... Папка, сломай шкаф. Ну чего ты больше любишь, шкаф или сына?

«Ой, если он подёргает ручку, он сразу увидит, что шкаф не заперт», — ужаснулся Щётка и ещё крепче зажал маленький флакон в кулаке.

Цеблионок стоял совсем близко. Щётка слышал, как слёзы булькают у него в горле.

— Ладно, сыночек, сходи и приведи королевского слесаря. Пусть он откроет шкаф.

«Это всё, — подумал Щётка и накрепко закрыл глаза. — Больше нет бедного, несчастного Щётки...»

— Очень надо... — Цеблионок захлебнулся от злости. — Сам пойд и приведи. Это всё из-за тебя! Из-за тебя пропал ключ! Теперь ты сам всё делай...

— Ладно, ладно, сыночек! — испуганно сказал Главный Хранитель. — Только не волнуйся... Вы знаете, это такой нервный ребёнок, — смущённо добавил он, обращаясь к тому месту, где, по его мнению, должен был находиться Министр Войны.

— Ха-ха-ха!!! Нервный!!! Пусть идёт ко мне в солдаты!!! Война — лучшее лекарство от нервов!!! — так громко захохотал Министр Войны, что вторая свеча упала набок, зашипела и погасла.

Стало совсем темно.

В окно заглянули две лучистые звезды, которых раньше не было видно.

— Папочка! — взвизгнул Цеблионок. — Я боюсь! Здесь темно! Подойди ко мне. Ой, куда ты? Куда ты уходишь? Если ты меня любишь, не уходи!

— Война — это лучшее лекарство от любви!!! Ха-ха-ха!!! — захохотал Министр Войны.

Чёрный шкаф тяжело вздохнул и покачнулся. Дверцы его противно скрипнули и открылись.

— Папка! Здесь крысы! — заорал Цеблионок.

Щётка скатился с полки, вскочил на ноги и тут же угодил головой в чей-то твёрдый выпуклый живот, похожий на огромную кастрюлю.

— Дон-н-н!.. — сказал живот.

Это был живот Министра Войны, одетого в железные латы.

— Паршивый мальчишка!!! — заорал Министр Войны, хватая за волосы Цеблионка. — Оставь в покое мой живот!!!

— Оставьте в покое моего ребёнка! — в ярости закричал Главный Хранитель, стараясь нашарить в темноте своего сына.

— Папочка, спаси меня! — кричал Цеблионок, упираясь руками в железный живот.

Щётка в темноте нашёл дверь и выскочил из комнаты. Он скатился по ступеням как чёрный мячик и бросился в тёмный угол под лестницей.

Под лестницей никого не было.

Глава 13. В белой башне

Был поздний вечер.

Невидимые стражники Скипидар и Керосин охраняли вход во дворец. Они стояли навтыжку

около дверей и ни на секунду не спускали с них глаз.

Вернее, так думал начальник королевской стражи. На самом деле Скипидар и Керосин сидели в углу и от скуки играли в подкидного дурака. Двери были крепко заперты, волноваться им было нечего.

Правда играть в подкидного дурака было очень трудно, потому что карты становились невидимыми, как только стражники их брали в руки. Зато, стоило им только услышать шаги начальника королевской стражи, Скипидар быстро сгрел с пола все карты, и начальник стражи, пробормотав: «Молодцы, молодцы, так дальше и сторожите...», проходил мимо.

Но без двадцати или без пятнадцати девять случилось вот что.

Чей-то маленький крепкий кулачок весело и энергично постучал в дверь.

Стражники вскочили. Карты, кружась, посыпались на пол, как листья с деревьев поздней осенью.

— Кто это? Кто там может быть? — испуганно прошептал Керосин.

— Ну чего ты, чего ты? Наверно, кто-нибудь из министров. Ведь сегодня бал в честь новых колпаков-невидимок, которые скоро будут готовы, — успокоил его Скипидар. — Открой дверь. Только на всякий случай сначала спроси: «Кто там?»

— Кто там? — закричал Керосин, вытягивая шею.

Ответ был ошеломляющий.

— Это я, принцесса! — ответил звонкий голос. И кулак снова громко и требовательно застучал в дверь.

Стражники замерли на месте. Они были потрясены.

— Эй, дураки, откройте немедленно! — опять закричал звонкий голос. — Ну что вы там стоите? Вот я скажу своему папочке и он отрубит вам головы!

— Про папочку заговорила! — ахнул Керосин и бросился к двери. — Это она, принцесса!

Но Скипидар схватил его за невидимый рукав.

— Постой, постой! — прошептал он. — А вдруг это опять та девчонка? А? Давай откроем дверь и обнюхаем её хорошенько. Если что не так — хватай сразу. Ты — слева, я справа!

— Точно! — прошептал Керосин. — Нас ещё наградят, если мы её поймаем...

Он немного приоткрыл дверь.

И сейчас же вместе с вечерней прохладой, звёздами и шумом деревьев в душный дворец ворвался запах ландышей.

Он был таким сильным, что Скипидар чихнул, а Керосин закашлялся.

Дверь распахнулась.

Матя вошла во дворец.

— Всё равно я пожалуюсь папочке и мамочке! — сказала она. — Вас высекут крапивою.

Невидимые стражники упали на колени. Матя почувствовала на голых ногах их частое, испуганное дыхание.

— Пропали мы с тобой... — заскулил Керосин, когда Матины шаги затихли. — Что мы наделали? Надо было ей сразу открыть! Что теперь с нами будет?..

— Постой, постой, Керосин! — В голосе Скипидара была озабоченность и тревога. — Тут что-то не то. Ты слышал, она сказала «крапивою»? А разве принцессы знают, что такое крапива? Да они таких слов сроду не слышали!

— Конечно, нет!

— А она сказала: «Кра-пи-вой!»

— Слушай, тогда это не принцесса! Что мы наделали!

— Но ведь она пахла ландышами!

— Тогда это принцесса.

— Но почему она оказалась в парке? С чего её туда понесло? Никогда её туда не пускают!

— Тогда всё. Это не принцесса.

— Но она сказала: вас высекут...

— Принцесса! Принцесса! Ясно она. Больше так никто не скажет!

— Кра-пи-вой!

— Нет, это не принцесса!

— Слушай, Керосин. Я всё-таки схожу к Цеблиону и доложу. На всякий случай. А вдруг...

Матя тем временем шла по дворцу.

Она опять надела свой единственный башмак, и он громко стучал по паркету.

Невидимки замирали перед ней, тихо шепча: «Принцесса! Принцесса!»

Двери распахивались сами собой, как будто их открывал запах ландышей.

Матя спокойно спустилась в правое подземелье. Это подземелье вело в Белую башню. Здесь не было ни пауков, ни жаб, а с потолка не капала зелёная вода. Пол был аккуратно подметён.

Только летучие мыши, похожие на отвратительных бабочек, летали по воздуху.

Матя подошла к высокой запертой двери.

Стражники дружно стукнули лбами об пол, но дверь и не подумали открыть.

— Принцесса! — в замешательстве прошептал один из них. — Мы бы рады. Но Цеблион запретил нам. Он сказал: никто не должен...

Матя ничего им не сказала.

Она только набрала в себя побольше воздуха, надула щёки и завизжала изо всех сил.

От её крика летучие мыши, как чёрные тряпки, посыпались на пол.

Стражники ахнули и распахнули дверь.

Матя вошла в Белую башню.

Перед ней была круглая мраморная лестница.

Матя быстро побежала вверх по ступенькам.

«Топ-топ-топ!» — застучал по ступенькам её деревянный башмак.

Невидимые стражники замерли, задрав головы.

— Гм! — сказал первый стражник.

— Н-да!.. — сказал второй.

— Вот так история!

— Ну и дела!..

— Это не принцесса! Принцессы так быстро не бегают по лестнице! — снова сказал первый стражник.

— Нет, это принцесса! Слышал, как она визжит? — снова сказал второй.

— Да, визжит она здорово. Как принцесса. Это точно. Но ведь она прыгает сразу через две ступеньки! Ты знаешь хоть одну принцессу, которая прыгала бы сразу через две ступеньки? А? Ведь этого уж никак не может быть!

— Да. Но она пахнет принцессой!

— Пахнет-то она пахнет. Да только мне пока ещё моя невидимая голова не надоела...

— Да и мне тоже...

— Тогда вот что. Ты оставайся здесь, а я слетаю к Цеблиону. Мало ли что...

Тем временем Матя поднялась на самый верх Белой башни и вошла в лабораторию Главного Хранителя.

В этой комнате Цеблион готовил духи для всех невидимок.

Матя широко открыла глаза от изумления. Она никогда не была в такой странной комнате и никогда не видела таких странных вещей.

Да и ты, мой читатель, не меньше её удивился бы, если попал бы в эту комнату.

В железную чашку было налито какое-то масло. В нём прыгал синий огонёк и слабо освещал комнату.

По всем углам висели пучки сухих трав. А под потолком как огромные бусы болтались связки сухих мышей и лягушек. На полу, свернувшись, лежала огромная змея. Матя отскочила в сторону, прижав руки к груди. Но змея не шевелилась. Она была покрыта таким толстым слоем пыли, что Матя сразу догадалась, что она дохлая. Наверно, она тут валялась уже много лет.

А на всех полках стояли разные банки и склянки. Одни были пустые, в другие было что-то налито, в третьих плавали не то головастики, не то какие-то жуки.

На столе стояла позеленевшая медная ступка, с пестиком, похожим на человечью кость.

«Ой, сколько здесь банок и бутылок! — в отчаянии подумала Матя, оглядывая полки. — Как же я узнаю, в какой из них невидимая жидкость? Может, банка на вид пустая, а в ней-то как раз она и налита...»

Но не такой у Мати был характер, чтобы вот так стоять без дела и терять время попусту.

Она стала хватать подряд все банки и бутылки, заглядывать в них и швырять их на пол.

— Дзынь! Дзынь! — звенели осколки, а на мраморном полу каждый раз появлялась лужа нового цвета.

Вдруг позади неё кто-то громко зашипел. Матя остолбенела от страха и втянула голову в плечи. Она даже подумала, что это ожила змея, покрытая пылью.

Но нет, это была не змея.

Это был знаменитый кот Хранителя Запахов, по имени Ногти-Когти.

Он сторожил лабораторию Хранителя Запахов. Вернее, он следил за тем, чтобы живые мыши не съели сушёных мышей.

Цеблион кормил его мясом, посыпанным перцем или намазанным горчицей, чтобы он был как можно злее. А по выходным дням от нечего делать точил ему когти.

Ногти-Когти изогнул свою чёрную спину, подрожал задними лапами и бросился на Матю.

Блеснули его жёлтые глаза, похожие на дырки..

Ногти-Когти прыгнул наобум: ведь Матя была невидима. Он хотел вцепиться ей в горло, но промахнулся и всей тяжестью повис на рукаве.

Рукав затрещал.

Ногти-Когти перехватил повыше. Его ужасные когти впились Мате в плечо.

— Ай! — закричала Матя.

Ран не было видно, но боль от этого не становилась легче.

Ногти-Когти вцепился в Матю мёртвой хваткой. Можно было подумать, что Ногти-Когти — помесь кота с бульдогом.

Матя схватила его одной рукой, с трудом оторвала от себя и швырнула в сторону.

И тут случилось что-то невероятное.

Раздался громкий всплеск.

— Мяу! — крикнул Ногти-Когти и исчез.

Исчез, как будто на свете никогда и не было такого противного кота.

Вместо кота Матя увидела перевернутый золотой чан. Потом Матя увидела, что пол вокруг золотого чана становится прозрачным.

Совсем прозрачным, как будто он сделан из самого тонкого стекла. Можно было даже подумать, что в мраморном полу появилась дыра и эта дыра становилась всё больше и больше.

«Я всё-таки пролила Невидимую Жидкость! — ликуя подумала Матя и захлопала в ладоши. С дохлой змеи посыпалась пыль. — Теперь не будет войны! Не будет войны! Теперь никто не казнит моих Братьев! Их теперь отпустят домой!»

Невидимая Жидкость растекалась струйками в разные стороны. Матя попятилась. Почти весь пол в лаборатории стал прозрачным.

Где-то в углу по-собачьи скулил невидимый Ногти-Когти.

Матя боялась шагнуть вперёд, хотя она знала, что перед ней прочный мраморный пол.

Голова у Мати закружилась. Она прижалась спиной к стене. Сквозь прозрачный пол она увидела лестницу, винтом уходящую вниз.

И вдруг Матя укусила себя за палец, чтобы не закричать от страха.

По ступенькам торопливо поднимался Цеблион. За ним топали невидимые стражники.

Сверху Цеблион был похож на дятла: так сильно торчал вперёд его страшный нос.

— Как же вы её пропустили? — Голос Цеблиона дрожал от волнения. — Вы должны были сначала...

Матя выскочила на лестницу и прижалась к стене.

«Может быть, он пройдёт мимо и не заметит меня... — подумала Матя. — Ой, нет, лестница слишком узкая. Ой, что сейчас будет!»

— А-а-а!... — вдруг завыл Хранитель Запахов страшным голосом. Нос его позеленел, как будто его окунули в зелёную краску... — Посмотрите! Моя Невидимая Жидкость! О, моя Невидимая Жидкость!..

Матя невольно тоже подняла голову.

Потолок над ними был совершенно прозрачен. Видны были связки сухих мышей и лягушек, висящие под потолком, и пустые полки, где раньше стояли банки и бутылки.

— Кто? Кто пролил? — закричал Цеблион и, раскрыв руки, побежал вверх по лестнице.

На Матю нашёл столбняк.

Она стояла не шевелясь и не моргая смотрела на страшные руки, которые становились всё ближе и ближе. Ай! Сейчас левая рука заденет её.

Матя увидела на волосатом пальце кольцо с синим камнем, как будто на пальце у Цеблиона был глаз.

Но тут случилось вот что. Раздался страшный крик и визг. Это Цеблион наступил ногой на невидимого Ногти-Когти.

Главный Хранитель взвизгнул по-кошачьи, а Ногти-Когти закричал по-человечьи.

Цеблнон ударил йогой Ногти-Когти.

Несчастный кот пронёсся по воздуху и вцепился в растрёпанные волосы невидимого стражника.

Стражник завыл как пожарная сирена.

Дело в том, что он уже полгода не подстригал и не расчёсывал свои волосы. Из своей гребёнки он уже три месяца назад сделал маленькие грабли своему сынишке. Это была единственная игрушка его сына, и он очень любил ее.

Но Ногти-Когти было наплевать и на единственного сына стражника, и на его единственную игрушку. Он вцепился своими знаменитыми когтями в волосы стражника и решил, что в этом густом лесу он будет в безопасности.

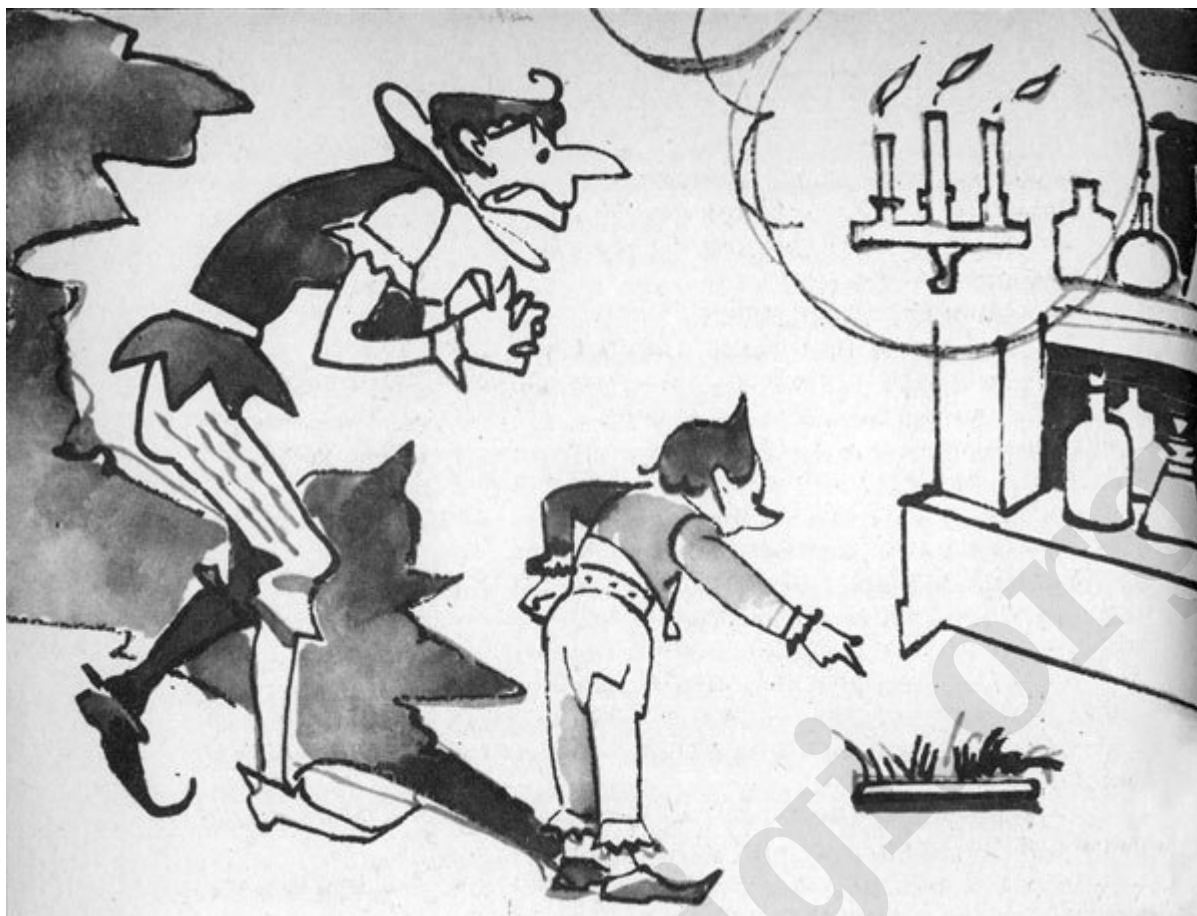
Ногти-Когти был жирный и тяжёлый, как полпоросёнка.

Невидимый стражник потерял равновесие и упал на другого невидимого стражника. И оба они, гремя оружием, покатались вниз.

Причём шум был такой, как будто вниз по лестнице катятся два кухонных стола с посудой.

Хранитель Запахов на мгновение опустил руки. Этого было достаточно. Матя, как сумасшедшая, бросилась мимо него, вниз по лестнице.

Глава 14. Поймать мальчишку!

Теперь, мой читатель, я хочу рассказать тебе, что случилось после того, как Щётка, зажав в кулаке флакон с духами принцессы, выскочил из комнаты, где стоял чёрный шкаф.

Как ты помнишь, в комнате стало совсем темно, потому что обе свечи погасли.

Министр Войны кричал:

— Оставьте в покое мой живот!!! Главный Хранитель кричал:

— Оставьте в покое моего ребёнка! Цеблионок кричал:

— Папочка, спаси меня!

А железный живот Министра Войны гудел: дон-н!..

Услышав этот удивительный и необыкновенный шум, в канцелярию вбежали слуги со свечами. И тут все увидели, что чёрный шкаф открыт. Он стоял открытый, и цепи, которыми он был прикован к стене, покачивались в воздухе.

Он был похож на чёрного дракона с распахнутой пастью. Ряды пузырьков блестели, как зубы.

Главный Хранитель задрожал так сильно, что нос его принял расплывчатые очертания. Он подскочил к шкафу и начал быстро пересчитывать бутылочки:

— Одна, две, десять, четырнадцать... Не хватает... не хватает... — закричал он, — духов принцессы!..

Цеблионок отчаянно завизжал. От его визга у всех стало кисло во рту.

— Клянусь бочкой с порохом!!! Эта кража духов пахнет изменой!!! — рявкнул Министр Войны.

— Кто? Кто украл? — закричал Цеблион. — Позвать сюда сыщиков! А сыщики пусть позовут ищеек!..

— Папка! — вдруг пискнул Цеблионок. — Посмотри-ка сюда, это что такое?

Все разом повернули головы и увидели старую щётку, которая лежала на полу около чёрного шкафа.

Щётка была старая и облезлая.

Она была хорошо знакома с каждой половицей во дворце. Если вдруг она стала бы чьей-нибудь головой, то такого человека называли бы лысым.

— Мальчишка!

— Полотёр!

— Это он, он... — растерянно пробормотал Цеблион, вытирая лоб, на котором выступили капли пота, похожие на волдыри. — Какой сегодня ужасный день! Сначала эта девчонка, потом мальчишка... Сегодня, наверное, понедельник!..

— Но по понедельникам тоже надо ловить мальчишек!!! — заорал Министр Войны.

— Ночью? Как его поймаешь в темноте?

— В темноте тоже надо ловить мальчишек!!! — снова заорал Министр Войны.

— Ну, папка, папка, ну чего ты волынишь! — задохнулся от злобы Цеблионок. — Надо поймать и отнять у него духи принцессы! Ну, слышишь?

— Слышу, слышу, сыночек... Дай мне всё сообразить...

— Она и так меня всё утро дразнила: «Ты носатый, полосатый». А потом говорит: «Принеси духи!» Ну, папка! Папка!

— Но как...

— Вот он убежит в Страну Весёлых Тружеников!.. Я знаю, он давно хочет туда убежать!..

— В Страну Весёлых Тружеников? — переспросил Цеблион. — Ага. Ну тогда мы сделаем вот что.

Цеблион засмеялся.

От его смеха один из слуг уронил свечку, а ещё трое решили уйти из дворца и поискать другую работу.

— Ну вот видишь, сыночек, а ты топал ногами и кричал на своего папочку! — сказал Цеблион. Он протянул руку, но не решился погладить сына по голове. — Мы сейчас очень просто поймаем твоего негритёнка. Мы возьмём большой ящик и напишем на нём золотыми буквами: «Этот ящик отправляется в Страну Весёлых Тружеников. Каждый человек, который сядет в этот ящик, без всяких хлопот попадёт в Страну Весёлых Тружеников. Последний ящик. Больше

таких не будет. Торопитесь, а то потом будете реветь всю жизнь». Негритёнок, конечно, прибежит и сядет в этот ящик!

— Ну и дурак ты, папка! — со слезами в голосе сказал Цеблион. — А вдруг он не умеет читать? Ты вот учил меня, учил, а я ведь не научился! А его и совсем не учили читать. Как же он прочтёт?

— Ах ты мой умница! — сказал Цеблион. — Всегда знал, что у тебя золотая головка. Тогда мы сделаем вот так. Ты, Нафталин, и ты, Кислые Щи, встанете по обе стороны ящика и будете кричать все эти слова без передышки. Только это надо кричать добрыми голосами и с большим чувством, чтобы мальчишка вам поверил. А когда он залезет в ящик, тогда... В это время дверь распахнулась и в комнату вбежал Скипидар.

— Принцесса, уф, сказала, что высечет нас крапивой! — закричал он.

— Что?! — Цеблион так вытаращил глаза, что всем показалось, что его глаза сейчас упадут на пол. — Крапивой?! Где? Когда она это сказала?

— А вот когда она постучала, а мы с Керосином не сразу открыли дверь... А она рассердилась... Вас. говорит, крапивой...

— Что?! Вы её впустили во дворец?..

Дверь в комнату снова открылась. Громко топая, вбежал ещё один невидимый стражник.

— Принцесса, уф, в Белую башню, уф, побежала через две ступеньки!..

— Что? Через две ступеньки? Не может быть! — закричал Цеблион, хватаясь за сердце.

За окном появилась огромная разноцветная голова. Она завертела глазами.

Нос у неё оторвался и полетел куда-то в сторону. Потом вся она рассыпалась. Во все стороны полетели звёзды. Это был фейерверк. Во дворце начинался бал.

Глава 15. Две принцессы

В главном зале дворца слуги зажгли множество свечей. Дрожа и сияя, они отражались в паркете, который утром так хорошо натёр Щётка.

Двери поминутно открывались и закрывались. В зал входили все новые и новые невидимки.

Придворные здоровались.

— А, это вы?

— Да, это я! А это вы?

На балконе невидимые музыканты настраивали свои инструменты.

— Что это за жизнь, — жаловалась скрипка. — Разве это настоящая музыка? Одни военные марши. Или возьмите любимую песенку нашего короля:

Буби, пупи, буби,
Бом!
Буби-бом!
Буби-бом!

Где мелодия? Где благородство линии?

— И денег не платят, — вздохнула старая труба. Труба позеленела от времени и была похожа

на огромную улитку. — Я уже целый год хожу без рубашки.

— Подумаешь, без рубашки, — грустно сказал контрабас. — Я хожу без... Ну, в общем, я кутаюсь в одеяло. А дети у меня уже два года не ходят в школу. Мне нечем заплатить за них директору школы. Я укладываю их спать в футляр от контрабаса. А если они просят есть, я шлёпаю их смывком. На ночь я закрываю футляр, чтобы им было теплее...

— Тише! Тише! — зашипел невидимый дирижёр. — Идёт король! Как только я скажу: «Раз-два-три!» — сейчас же начинайте. Учтите: я поднимаю палочку! Раз-два-три!

Раскрылись высокие двери в глубине зала. Оркестр заиграл, а все придворные громко запели:

Буби, пупи, буби,
Бом!
Буби-бом!
Буби-бом!
Дукли, мукли, дукли
Клом!
Дукли-клом!
Дукли-клом!
Глумби, глупи, глумби
Глом!
Глумби-глом!
Глумби-глом!

Песня была очень длинная. Она состояла из двадцати куплетов, причём каждый куплет повторялся по три раза. Король всегда слушал её до конца, а иногда даже приказывал повторить некоторые особенно любимые места.

Но на этот раз король на пятнадцатом куплете велел всем замолчать. Оркестр спутался. В последний раз квакнул фагот, звуки разъехались в разные стороны. Придворные, толкая друг друга, окружили короля.

— Мои дорогие, невидимые подданные! — торжественно начал король. — Сегодня большой день! Я хочу поздравить вас с новыми колпаками! Мой Хранитель Запахов по моему приказу уже приготовил невидимую жидкость. Братья-ткачи делают новый станок. Двадцать три королевских портных, вдев нитки в иголки, уже ждут эту материю, чтобы начать шить новые колпаки!

— Ура! — закричали придворные.

— Скоро мы начнём войну!!! — рявкнул Министр Войны. — Весёлые Труженики перестанут быть весёлыми!!! Они станут грустными!!! Они станут нашими рабами!!!

— Ох! — печально сказала труба.

Невидимый трубач сказал «ох!» совсем тихо. Но он не рассчитал и сказал «ох!» прямо в трубу. Получилось очень громкое «ох!». Как будто охнул сразу весь зал.

— Мерзавец! — прошипел капитан невидимых стражников. — Тебя подослали к нам Весёлые Труженики. Но я покажу тебе, как охать по поводу нашей будущей войны!

— Я нечаянно!

— Мы это выясним! Забрать его!

В зал вошли служанки с подносами. Они все были хорошенькими или в крайнем случае очень миленькими. На подносах горой были навалены разные вкусные вещи.

Невидимые придворные стали хватать с подносов конфеты и пирожные. Они не старались есть красиво. Они чавкали и засовывали в рот целиком большие пирожные и куски сладкого пирога. Они с треском разгрызали орехи. Можно было подумать, что в зале началась перестрелка. На пол летели клочья крема, бумажки от конфет и ореховая скорлупа.

Служанки испуганно моргали длиннющими ресницами, глядя на свои опустевшие подносы. На подносах остались только следы грязных пальцев.

Цеблионик отошёл в угол.

В одной руке он держал пломбир в вафельном стаканчике, а в другой свечку. Он откусывал кусок мороженого, а потом грел свой огромный нос над свечкой.

Дирижёр что-то зарычал и постучал палочкой. Музыканты заиграли вальс.

С балкона им был виден пустой зал.

На полу шевелились бумажки от конфет, а куски пирожных превращались в крошки под ногами танцующих.

— Простите, красавица, вы кажется пахнете земляникой? Разрешите пригласить вас на вальс!

— Отстань, дурак! Я — Министр Чистого Белья. Я пахну земляничным мылом. Мне самому нужна дама, чтобы танцевать!

— Не пихайтесь, пожалуйста!

— Сколько у вас ног! Вы что, сороконожка, что ли?

— Уберите ваши локти!

— Куда я их уберу?

— Ваши локти. Куда хотите, туда и убирайте

— Ля-ля-ля! Какой миленький вальсик!

Вдруг все замерли.

Рты перестали жевать, а ноги перестали подпрыгивать.

В зал вбежал Хранитель Запахов.

Он был страшен. Его нос был красным и светился, как светофор.

Если бы ты увидел его, мой читатель, ты бы потом не смог уснуть три ночи подряд. Даже если бы ты три дня подряд играл во дворе в футбол и просто падал бы с ног от усталости.

Цеблионик забыл отодвинуть свечку и обжёг нос. Запахло жареным носом.

— Невидимой Жидкости больше нет! — прохрипел Хранитель Запахов. — Её пролили! О, лучше бы мне не дожить до этого дня! Прощай колпак! Прощай мечта!..

Главный Хранитель плюхнулся на стул с поросычьими ножками, схватился за голову и стал со стоном раскачиваться из стороны в сторону.

Что тут началось!

Если бы во дворец попало сразу десять молний и загрело сразу десять громов, и то шум был бы меньше.

Министр Войны рыдал, как ребёнок.

Можно было подумать, что сразу зарыдало пятьдесят детских садов.

— О!!! — рыдал он. — Моя война!!! Я так люблю воевать и грабить!!!

В это время в зал сам собой прямо по воздуху въехал большой деревянный ящик.

Невидимые руки откинули тяжёлую крышку и вытащили из ящика дрожащего, перепуганного Щётку. Щётка повис в воздухе. Его худые руки и ноги судорожно двигались, как будто он был деревянным человечком, которого дёргают за ниточку.

Его огромные глаза светились от страха.

Из чёрного кулака выпал хорошенький флакончик и покатился по полу.

— Мои духи! — закричал противный тоненький голос. — Вот они где! Он украл их! Бейте этого негритёнка! Бейте!

И в это время произошло нечто потрясающее. Вполне возможно, что у всех невидимок в этот момент волосы встали дыбом. Я вполне допускаю эту мысль.

— Мои духи! — закричал другой голос. Он был тоже тоненький, но очень милый. — Я принцесса! Я приказываю: отпустите его!

Невидимые руки, державшие Щётку, разжались, и он упал на пол.

— Нет, это я принцесса! — завизжал снова противный голос. — Я приказываю — бейте!

Невидимые руки снова схватили Щётку.

— А я приказываю: не смейте! — закричал милый тоненький голос.

— Ай! — вскрикнула королева. — Какой ужас! Они обе пахнут ландышами!

— О боже! — прошептал король. — Я всегда думал, что у меня только одна дочь!

— Мамочка, это я! — запищал противный голос.

— Папочка, это я! — запищал симпатичный голос.

— Хранитель Запахов! — простонала королева. — Что это? Учтите, я ломаю руки и рву на себе волосы. Немедленно определите, кто моя настоящая дочь? Где моё бедное дитя?

Хранитель Запахов завертел головой. Многим даже показалось, что у него стало два носа. Ноздри стали раздуваться. Они стали такими большими, что туда вполне можно было бы засунуть целый кулак. От напряжения его нос запел какую-то странную песню, как закипающий чайник.

— Ничего не понимаю... — пробормотал он. — Они обе пахнут ландышами... Они обе пахнут одинаково... Нет, не совсем одинаково... Очень прошу вас, Ваше Величество королева, отойдите подальше, вы мне немного мешаете... да, да...

Вот теперь я чувствую. Одна из них пахнет только ландышами, а другая, другая... если я не ошибаюсь... пахнет ещё немного розами!

— Моими духами? — завопила королева.

— Измена! — закричал король. — Может быть, вы ещё скажете, что другая пахнет так же, как я?

— Одна из них это она! Эта девчонка! — прошипел Цеблион. — Заприте двери! Поставьте стражников около окон! Следите, чтобы она не залезла на подоконник!

— Дурак, идиот, балда! Зачем тебе только платят деньги? Разве ты не чувствуешь своим дрянным носом, что я принцесса? — визжал противный голос.

— Злюка, негодяй, жестокий человек! Зачем только ты существуешь на свете? Нюхай хорошенько, я — настоящая принцесса! — кричал милый голос.

— По голосу вроде вот эта! — с сомнением сказала королева.

— Какая?.. — в замешательстве переспросил Главный

Хранитель.

— Но ведь это вы должны опреде...

— Папка, — вдруг сказал Цеблион, — а что ты мне дашь, если я скажу, какая из них принцесса?

— Всё, всё, что ты попросишь, сыночек!

— Пятьдесят порций пломбира, идёт?

— Ты простудишься! — простонал Главный Хранитель. — Ты будешь чи...

— Тогда ничего не скажу!

— Ну ладно, ладно! Только скорее!..

— И пистолет, стреляющий пробками!

— Ладно, ладно!

— Папка, вот эта настоящая принцесса. Она пахнет ландышами и... розами. Ну, она сама меня попросила... подлей да подлей немножко маминых духов... Всё равно мама умрёт, и я буду королевой... Пристала ко мне... А мне что? Мне-то всё равно... Ну я и подлил ей немножко!..

— Держите её! — заорал Хранитель Запахов и, как огромная жаба, прыгнул на принцессу, которая пахла одними ландышами.

Он схватил её за плечи и затряс изо всех сил.

На пол упал колпак с красной кисточкой.

И все увидели Матю.

Матя стояла посреди зала и вся серебрилась, как будто была покрыта инеем.

На светлых волосах Мати был венок из ландышей. Ландыши падали на румяные щёки и горячие уши. Ландыши висели на шее как ожерелье. Они выглядывали из рукавов и торчали из карманов её старого передника... Даже к единственному башмаку длинной болотной травой были привязаны пучки ландышей.

Ландыши были свежие и упругие. Кое-где на них ещё блестели капли росы.

И ландыши пахли.

Они пахли немного сырой землёй и немного лесными озёрами.

Щётка так загляделся на Матю, что забыл обо всём на свете. Он даже забыл, что висит в воздухе и его держат грубые руки невидимых стражников.

— Какая ты красивая!.. — прошептал он. — Какая ты красивая...

Но тут все зашевелились.

Женщины зашипели как кошки, а мужчины зарычали как собаки.

— Не надо было этого делать, — прошептал Щётка. — Ты попалась потому, что хотела мне помочь...

Матя тряхнула светлой головой. Ландыши от этого запахи ещё сильнее.

— Ерунда, — сказала она. — А ты попался потому, что хотел помочь мне...

Цеблион от ярости кусал себе руки.

На руках оставались полукруглые следы зубов, похожие на собачьи укусы.

— Из-за такой жалкой, ничтожной девчонки... — стонал он. — Всё погибло! Такой великий замысел! Такая идея! А я так долго ждал! Почему я не выпрыгнул тогда из окна? Я бы раздавил, задушил эту девчонку! О... мой сын!..

— Мы тебя казним!!! Слышишь, мерзкая девчонка??? — заорал Министр Войны. — Мы тебя казним!!!

— Ну и пусть! — сказала Матя своим ясным, звонким голосом. — А может быть, я хочу, чтобы меня казнили?

Конечно, ни одна девочка на свете не хочет, чтобы её казнили. Это Матя просто так сказала. Она просто надеялась, что кто-нибудь из невидимок лопнет от злости.

— И войны не будет! — крикнул Щётка.

— А тебя мы тоже казним!

— Ну и пожалуйста! Подумаешь! Плакать не буду!

— А я спасла своих Братьев, — сказала Матя. У неё в этот момент было такое счастливое и любящее лицо, что у Цеблиона от ярости по лицу поползли красные пятна, похожие на каких-то красных насекомых. — Я знаю, они всё равно ни за что не согласились бы ткать для вас материю, а теперь...

— Дура!!! — рявкнул Министр Войны. — Твои братья согласились!!!

— Врёшь, — закричала Матя, поворачиваясь к нему, — я тебе не верю! Это ты нарочно врёшь, чтобы меня...

— А вот посмотри!

Главный Хранитель шагнул к ней, на ходу расстёгивая карман своей куртки. Он достал из кармана какую-то бумагу и развернул её перед Матей.

— Видишь, что здесь написано? Видишь, вот тут: «Для нового станка нужно...», а здесь «кузнечные мехи», а здесь «длинная труба». А вот их подписи. Видишь, глупая девчонка?

Матя ничего не могла прочесть.

Буквы разбегались в разные стороны, как муравьи в муравейнике, развороченном палкой.

Но почерк... Она не могла его спутать... Она узнала почерк своего Старшего Брата.

Матя страшно побледнела. Она стала блее ландышей. Весь зал поплыл у неё перед глазами. Негритёнок Щётка стал каким-то маленьким и уплыл куда-то в сторону.

— Если это так, — тихо сказала Матя, — если это правда, то мне больше не нравится жить... Мне всё противно...

Матя села на пол и закрыла лицо руками. Венок съехал ей на одно ухо. Потом она ещё ниже опустила голову и уткнулась лицом в колени.

Вид у неё был такой жалкий, что невидимки захихикали от злорадства и удовольствия.

Матя сидела скорчившись. Она поджала под себя голую маленькую ногу. Лица её не было видно. Теперь она была похожа на холмик, сплошь заросший ландышами.

— Возьмите эту девчонку и этого мальчишку и бросьте их в тюрьму!!! — приказал Министр Войны.

Глава 16. О том, как Щётка, Великий Садовник и Невидимый Трубоч старались утешить Матю

Камера помещалась в нижнем этаже Чёрной башни.

Если бы она была повыше, то она оказалась бы как раз под камерой, где сидели Братья. Тогда Матя слышала бы их шаги, слышала, как иногда что-то тяжёлое падает на пол. Она слышала бы скрежет металла и сосредоточенные голоса Братьев.

Но даже хорошо, что она всего этого не слышала. Ведь она огорчилась бы тогда ещё больше.

В камере было сыро, холодно и неудобно.

По стенам бегали разные сороконожки и ползали пауки. Им-то, конечно, здесь очень нравилось. Они даже не знали, что живут в тюрьме. А для людей здесь было самое плохое место на свете, потому что они никуда не могли уйти отсюда, ни убежать, ни уползти.

В углу камеры прямо на полу стояла короткая свеча. В другом углу на соломе сидели Матя, Щётка и Великий Садовник. Около них тихо вздыхал Невидимый Трубоч, которому и в тюрьме не разрешали снять колпак-невидимку.

— На это у нас есть свои невидимые соображения! — сказал ему капитан невидимых стражников. — Вот отрубим тебе голову, тогда...

Перед каждым из узников стояло что-то похожее на чёрный гриб. Это была кружка с водой, покрытая куском сухого чёрного хлеба.

Щётка быстро съел свой хлеб и выпил воду. Ведь он никогда в жизни не ел ничего другого.

Хлеб и вода, стоящие перед Невидимым Трубочом, тоже постепенно исчезли. Даже Великий Садовник отломил от своей корки несколько кусочков.

И только Матя ни к чему не притронулась.

— Неужели ты ничего не будешь есть? — ужаснулся Щётка. — Ведь нас казнят только завтра утром. Неужели ты и на казнь пойдёшь голодная?

— Она разочарована, — прошептал Трубоч. — О, это ужасно — быть разочарованной в таком нежном возрасте!..

Щётка придвинулся к Мате.

— Ну, Матя, ну поешь... — прошептал он, стараясь заглянуть ей в глаза. — Ты что, плачешь?

Матя подняла глаза. Её светло-зелёные глаза стали совсем тёмно-зелёными. Они были сухими и горячими.

— Я больше никогда не буду плакать, — сказала она. — Я плакала, когда мне было чего-нибудь жалко. А теперь мне больше ничего не жалко. Мне всё противно.

— И я? — прошептал Щётка и опустил голову.

— Не спрашивай меня. Я не буду тебе отвечать. Потому что я не хочу тебя огорчать.

Но Щётка огорчился.

Он ужасно огорчился. Он упал на пол, и руки его мяли солому. Рыдания просто разрывали ему грудь.

Он уткнулся лицом в солому, задыхаясь и кашляя от соломенной трухи и пыли.

Великий Садовник положил руку на его худое плечо. Рука у Великого Садовника была тяжёлая и древняя. По ней, как корни, извивались синие и коричневые жилы.

— Ты не права, девочка! Ты поступаешь слишком жестоко... Так нельзя...

— А они? Они не поступили жестоко? Я им так верила. Больше, чем себе. Я была хорошей... Ну, может быть, я не была уж такой хорошей... но я хотела быть хорошей, потому что они были такие хорошие! Я хотела, чтобы все люди на земле стали похожи на них... А они... Лучше бы их...

— Ох!.. Ты бы предпочла, чтобы Братьев казнили?!

— Да! — в запальчивости закричала Матя, вскакивая на ноги. Ландыши посыпались на солому. — Да! Хотела бы! Я бы тогда тоже умерла от горя. Но я умерла бы от хорошего горя. Я бы всё равно не могла без них жить. А теперь пускай меня казнят. Я всё равно умру от плохого горя. Мне всё противно! Мне всё отвратительно!

— Странная девочка, — прошептал Великий Садовник. — Ты ещё ничего не знаешь и знаешь слишком много. Но в жизни так много прекрасного...

— Ничего, ничего в ней нет прекрасного! — И Матя упала лицом на колючую солому.

— Музыка! — тихо сказал Невидимый Трубач. — Глубокая и печальная. Она могла бы рассказать всё, о чём я сейчас думаю. И о том, что меня ждёт завтра утром.

— Мама... — всхлипнул Щётка, — я только не знаю, какие они бывают. Но я думаю, что мама — это самое лучшее на свете!

— Природа, — сказал Великий Садовник.

Он посмотрел на небо в тюремное окно. Окно было маленьким и квадратным. И небо было похоже на чёрный носовой платок с вышитой в одном углу серебряной звездой. — Прекрасно каждое дерево и каждый цветок.

Но Матя лежала неподвижно. В ней всё было несчастным. И спина, и плечи, и растрёпанные волосы, и рука, беспомощно повернутая кверху ладонью.

Невидимый Трубач завозился у себя в углу.

— Надо её чем-то развлечь, — шепнул он на ухо Великому Садовнику. — Или хотя бы отвлечь. Ведь она совсем ещё ребёнок. Расскажите ей что-нибудь такое, отчего она стала бы хоть немного повеселее...

— Я сам уже думал об этом, — тихо сказал Великий Садовник. — Но что я могу рассказать? Я провёл всю свою жизнь среди цветов и деревьев. Вернее, они и были моей жизнью. Я ничего не могу вспомнить. Хотя, пожалуй, вот что. Я могу рассказать вам историю старой дубовой рощи.

Великий Садовник поудобнее устроился на соломе, оперся спиной и плечами о стену.

— Ну вот. Это было в долине, окружённой горами. Там за горами была пустыня. Вы все знаете, что такое пустыня. Голые пески, ни одной травинки, мёртвый ветер. А здесь в долине росла чудесная дубовая роща. Белки прыгали по веткам. Под деревьями была холодная, влажная земля.

Да. Был в этой роще один удивительный дуб. Ствол толстый. Даже втроем его не охватишь. Могучие ветви. Между его корнями из-под земли выбивался прозрачный ключ. Как он звенел! Как будто в земле был спрятан серебряный колокольчик.

На краю этой рощи стоял дом. В доме жили отец и три сына. Старшего звали: Чел. Он был похож на отца. К тридцати годам волосы у него на висках начали седеть. У Чела были широкие плечи и сильные ноги. Он вообще как-то рос больше в ширину, чем в высоту. Он любил работать в поле. Рано вставал. Всегда был тих и спокоен.

Среднего сына звали Ов. Он любил петь песни. В горной деревушке у него была невеста. Он часто исчезал из дому на три дня. День туда, день обратно, а один день он проводил там, у своей невесты.

Младшего сына звали Ек. Он был весёлый и чуть что начинал смеяться. Начнёт смеяться, а кончить не может. Будет хохотать, пока не свалится на землю.

И вот что случилось однажды. Отец ушёл в горную деревушку. Он решил посмотреть, какую невесту выбрал себе его средний сын.

Вот в полдень, когда солнце стояло прямо над головой, к дому подошла какая-то старуха.

Ек посмотрел на неё да так и покотился со смеху. Ну и старуха! Чудная такая и странная! Вся согнута дугой. Спина колесом. Кажется, что голова растёт прямо из живота. Кожа сухая, морщины глубокие, как трещины. Волосы торчат клочьями.

Она остановилась около двери, опершись рукой о перила лестницы. На перилах остался чёрный отпечаток пяти пальцев.

Дерево обуглилось под её рукой.

Ов вынес ей стакан воды, а Чел тарелку с яблоками и вишнями. Но старуха только поглядела на них, и вода тотчас же высохла в стакане, яблоки почернели, а от вишен остались лишь косточки, обтянутые кожей. Ек как увидел, чем собираются Ов и Чел угощать старуху, так от смеха начал даже икать. Но тут Чел рассердился и велел ему уйти в дом.

А старуха сказала Ову и Челу:

— Вы глупые мальчишки. Живёте в нищете, а могли бы иметь дворец вместо вашей лачуги. Разве вы не знаете, что в стволе одного из этих дубов спрятано золото? Надо только срубить этот дуб. И тогда вы будете богаты!.. Золото, золото, золото! — повторяла старуха, раскачиваясь из стороны в сторону.

Ов и Чел смотрели на неё раскрыв рты.

В глазах у них мелькали искры. Кулаки сжимались сами собой.

— Много круглых, блестящих, звонких монет! — бормотала старуха. В воздухе что-то тонко зазвякало, зазвенело.

— В каком дубе они спрятаны? — закричал Ов.

— Вы хотите знать слишком много! — захихикала старуха. Она ушла. Трава дымилась под её башмаками.

Ек выскочил из дома, услышав бешеный стук топоров. Ов и Чел рубили дубы.

— Золото! Золото! — повторяли Ов и Чел хриплыми голосами.

Три дня Ов и Чел валили дубы. А Ек в отчаянии сидел на первом срубленном ими дереве. Птицы с криком кружились над ними. Белок становилось всё больше и больше. Они перебирались на ещё не срубленные деревья и бестолково прыгали с ветки на ветку.

Наконец остался один последний дуб... Тот самый дуб. Самый высокий и могучий. Помните, я говорил? Тот самый, у корней которого бил ключ. Это было уже на третий день. Ов и Чел стояли под ним такие измученные. Руки у них дрожали. Они еле держались на ногах. Лица чёрные, исцарапанные. Ек стал их умолять не рубить этот последний дуб.

— Ты посмотри, что мы уже сделали! — закричал в ярости Чел. — Разве ты не понимаешь, что мы уже не можем остановиться?

— Золото здесь! Золото здесь! — простонал Ов. — Иначе, иначе...

Чел с трудом поднял топор, размахнулся и вонзил его в старый дуб. Топор зазвенел. Чел ударил ещё раз. Длинная щепка упала на землю. И сейчас же из ствола, как из кошелька, в котором проделали дырку, на землю потекло золото.

Тут они с яростью набросились на старый дуб. Даже Ек начал помогать им. Топоры сталкивались в воздухе. Во все стороны летели искры, щепки и золотые монеты. Старый дуб закричал, затрепал и тяжело рухнул на землю.

Тогда они остановились и перевели дыхание. Их поразила тишина. Ужасная, непривычная тишина. Не пели птицы. Не шумел ветер.

— Вот что, — хрипло сказал Чел. — Здесь страшно. Нам теперь нельзя здесь оставаться. Всё. Мы уйдём отсюда. Мир велик. А для богатого дом повсюду. И родина там, где он захочет.

И тут они увидели своего старого отца. Они даже не заметили, как он подошёл к ним. Слёзы текли по его лицу.

— Что вы наделали, злые, неразумные дети? — тихо сказал он. — Что вы наделали? Человек, который срубил одно дерево, уже виноват перед всем миром, А вы?.. Страшно, страшно сказать. Нет, вы не уйдёте отсюда, пока здесь не зашумят новые, молодые деревья. А тогда делайте что хотите...

— Отец, отец! — закричал Ек, протягивая к нему руки. — Ты не понимаешь! Мы нашли золото! Ты слышишь: золото!

Но старый отец ничего не ответил. Он повернулся и ушёл.

— Старик спятил с ума, — сказал Чел. Он ползал на коленях, собирая в кучу золотые монеты. — Ох, как я устал! Как тяжело было рубить эти проклятые дубы! Ладно, утешим старика. Посадим ему новые деревья. Это ерунда. Не то что их рубить. Сделал пальцем ямку, ткнул туда жёлудь — вот тебе и дерево! А вон сколько желудей валяется на земле!

На следующий день они начали выкорчёвывать пни. Это оказалось не так легко, как они думали. Пни как будто держались за землю своими кривыми корнями.

Так прошли лето и осень.

Зиму они метались в доме, ссорились, делили деньги. Отец сидел запершись в своей комнате.

Чел стал злым. Теперь карманы его куртки всегда были оттянуты. В одном он носил нож, в другом связку ключей. Ек больше не смеялся, а Ов не пел песен. Он поссорился со своей невестой. Теперь по ночам ему снились красавицы в золотых и серебряных платьях.

Весной они наконец посадили жёлуди. И когда из земли полезли зелёные ростки, Чел захохотал и сказал Ову и Еку:

— Ну вот, скоро мы будем далеко отсюда. Богатые и свободные.

Но лето пришло сухое и засушливое. И ветер уже гулял по долине совсем не тот. Да, да! Я-то хорошо это знаю. Ветер пустыни и лесной ветер! Сколько бы я мог рассказать вам об этом!..

Ну вот. Земля потрескалась. Молодые дубы пожелтели и перестали расти. Источник пересох. Напрасно Ек разрывал в этом месте чуть влажную землю. Он нашёл только почерневшие щепки и три золотые монеты.

Чел был страшен. Он в ярости сжимал кулаки и проклинал солнце. К нему боялись подходить.

И тогда Ек решил. На свою долю золота он нанял рабочих. Они проложили дорогу через

горы. А Ов купил лошадей и телеги с бочками. Всё лето они возили воду. И всё-таки все ростки погибли.

Следующее лето было дождливым. Давно уже не было такого дождливого лета в этих местах. Вода текла с гор. Текла и текла. И ростки сгнили в воде, не успев подняться над землёй.

— И они так и не вырастили новый лес? — с волнением спросил Щётка. Он слушал Великого Садовника полуоткрыв рот, моргал глазами, когда тот моргал, вздыхал, когда тот вздыхал.

Великий Садовник тихо улыбнулся.

— О... вырастить лес, вырастить лес! Для этого нужна целая человеческая жизнь. А иногда и этого мало. Ведь дерево растёт медленно-медленно, впитывая в себя время и соки земли.

На следующую зиму Ов уехал далеко-далеко, взяв с собой остаток своего золота. Но к весне он вернулся. Он привёз семена деревьев, которых раньше ещё никто не знал в этих краях. Тут были и семена голубой ели, и кедра, и ещё разных чудесных деревьев.

— Значит, они всё-таки вырастили лес? Да? — спросил Щётка. Ему так хотелось, чтобы Великий Садовник сказал «да!».

— Да, — сказал Великий Садовник. — Они вырастили лес. Но сколько было отчаяния и горя. Засуха, грызуны, гусеницы, которые за несколько дней съели все листья на молодых деревьях...

Чел расчистил источник и обложил его камнями, и ручей снова побежал между деревьями. В молодом лесу появились птицы.

А однажды вечером Ов запел одну из своих любимых песен.

Шли годы. Умер старый отец.

Однажды Ов и Ек сказали Челу. Они все трое были уже не молодые, а Чел ходил с палкой, и волосы у него стали совсем серебряные.

— Видишь, два дуба соединили ветки над крышей нашего дома. Ты можешь уйти, твоё золото лежит нетронутым на чердаке.

— Уйти отсюда, — прошептал Чел. — Да разве я могу жить без моего леса? Каждое третье дерево я посадил своими руками. Здесь меня знает каждая белка и каждая птица. Здесь вся-вся моя жизнь. Я здесь счастлив. А дождь в лесу, когда стоишь под большой елью?.. А потом выходит солнце... А весной, когда зелень ещё такого цвета, как будто деревья пьют молоко... А осенью?.. Какое золото сравнится с осенним лесом? Ведь каждый лес — это золотой клад, и осенью он говорит об этом всему миру.

Великий Садовник замолчал.

— А почему их так звали? — тихонько спросил Щётка. — Я никогда не слышал таких имён. У меня-то имя, конечно, ещё хуже, но всё равно они какие-то не такие.

— Чел, Ов и Ек. Отец дал им такие имена, потому что все они вместе составляют слово «Человек». Человек — царь природы, дитя моё. Но не потому, что он может вырубить лес, а потому, что он может вырастить его в пустыне. Человек может совершить чудо, если только он этого захочет.

— Значит, Чел никуда не ушёл? Я так и знал!

— Да, он остался в своём лесу. И каждому, кто посадил дерево, ребёнку и взрослому, он дарил золотую монету.

— А... та старуха, кто она была?

— Не знаю, дитя моё. Однажды один старый садовник сказал мне, что Злая Колдунья Засуха ходит по земле и губит леса и посевы там, где только может. Может быть, это была она.

Великий Садовник замолчал и посмотрел на Матю. Теперь она лежала, закрыв лицо руками. Нет, нет, она не стала веселее.

Невидимый Трубач смущённо кашлянул у себя в углу.

— Это очень интересно, но немного мрачно... Я тоже хочу рассказать вам одну историю. Я много раз рассказывал её перед сном своей дочке и сыну. И они на следующий вечер снова просили её повторить. Конечно, это история о музыке и музыкантах. Только, может быть, вам это неинтересно?

— Нет, нет, расскажите, непременно расскажите... — тихо сказал Великий Садовник. — А то я своей историей, кажется, ещё больше огорчил нашу девочку...

— Жил-был один король... — начал Невидимый Трубач.

У Мати при слове «король» на спине сжались лопатки. Невидимый Трубач смущённо кашлянул.

— Это было не у нас, В совсем другом королевстве. Правил этим королевством король Самый Первый. Правда, странное имя для короля? Да нет. Вообще-то нисколько не странное. Ведь этот король собрал у себя во дворце всё самое-самое-самое удивительное, что только есть на свете. Ну там, например, самую быструю лошадь, или самую толстую свинью, или самый большой драгоценный камень.

Однажды соседний король угостил его яичницей из гусиных яиц. Король Самый Первый тотчас же приказал привезти из-за моря страусов и с тех пор ел яичницу только из страусиных яиц.

Самый лучший архитектор построил королю новый дворец.

— Это самый прекрасный дворец на свете! — говорили все, кто его видел.

Но однажды король Самый Первый узнал, что у соседнего короля дворец немного повыше. Король Самый Первый стал чёрным от злости и зависти. Он приказал каменщикам немедленно построить башню на крыше своего дворца. Каменщики построили башню. Но старый архитектор, увидев эту башню, схватился за сердце и упал в обморок, потому что эта башня сделала дворец безобразным.

Часто бывало так. Король просыпался ночью в холодном поту.

— У меня в погребке стоит самая большая бутылка с вином! — кричал он. — А где же самая маленькая? Значит, она не у меня в погребке, а у кого-то другого?

Приходили заспанные стеклодувы и начинали тут же выдувать самые маленькие бутылочки.

— Меньше! Ещё меньше! — кричал король, подпрыгивая от нетерпения под своим самым тёплым одеялом.

В общем, король Самый Первый не знал покоя.

Он посылал в разные страны своих шпионов. Он расспрашивал проезжих купцов и бродячих фокусников. Он ужасно боялся, что у какого-нибудь другого короля будет что-нибудь такое самое-самое, чего у него нет.

— Я самый добрый король на свете! — любил говорить король Самый Первый. — Потому что я ничего не требую от своих подданных. Пусть только девушки приносят мне свои самые лучшие платья и самые красивые украшения, старухи — самые тёплые платки и чулки, рыбаки — самых больших рыб, а гончары — самую красивую посуду. Словом, пусть все приносят ко мне во дворец всё самое лучшее, что только у них есть. А больше мне ничего не надо.

Однажды слуги донесли королю, что в его страну приехал какой-то заморский учёный. Карета у него набита книгами, ящичками и пучками сухих трав. А ещё он возит с собой какую-то большую трубу, чтобы смотреть на звёзды. Уж он-то, конечно, объездил полмира, а может быть, даже и больше.

Король, конечно, приказал привести учёного к себе во дворец и показал ему все свои сокровища.

— Да, — сказал учёный королю, — я побывал во многих странах. Я много видел. Но вы владеете самым большим сокровищем на свете.

Ну конечно, королю было ужасно приятно это слышать.

— Так что же тебе больше всего понравилось? Наверное, драгоценный камень в моей короне? — спросил он.

— В вашей стране живёт великий музыкант. Самый великий музыкант на свете, — ответил учёный. — Когда я слушал-его музыку, я был так счастлив, как никогда в жизни.

— А, так это Иги-Наги-Туги, — сказал король. — Так вот что тебе больше всего понравилось. Ну ещё бы! Мой Иги-Наги-Туги — самый замечательный музыкант на свете. Он живёт у меня во дворце и играет только для меня и моих придворных.

— Нет, — сказал учёный королю, — его зовут как-то иначе. И живёт он вовсе не во дворце, а в маленьком доме на чердаке. Я поселился в этом доме. Я услышал шаги над головой, а потом эту музыку. Я был потрясён.

Король Самый Первый от неожиданности чуть не поскользнулся на полу. Этот пол был натёрт, конечно, лучше всех полов на свете.

— Как?! — закричал он. — Этот музыкант ещё лучше, чем мой Иги-Наги-Туги? Мерзкая выдумка! Клевета! Низкий обман! Этого не может быть. Мой Иги-Наги-Туги — лучший музыкант на свете. Ты просто не слышал, как он играет, поэтому ты так и говоришь!

— Но ведь вы тоже не слышали, как играет мой музыкант! — сказал учёный.

Это была правда. Король ничего не мог на это возразить.

— Тогда пусть они оба сыграют нам! Немедленно! Сейчас же! Я не хочу ждать ни минуты! Тогда ты сам увидишь, что твой музыкант и в подмётки не годится моему Иги-Наги-Туги.

Через полчаса в зале собрались все придворные. Пришёл знаменитый музыкант Иги-Наги-Туги. Он вошёл в зал, помахивая своей золочёной скрипкой. Стражники приволокли за шиворот бедного музыканта. Он был ещё совсем молодой, но волосы седые. Узкие плечи. Печальные глаза.

— Ну играй же, мой Иги-Наги-Туги! — нетерпеливо приказал король.

Иги-Наги-Туги заиграл. Он заиграл весёлый танец. Король стал притоптывать толстой ногой. Иги-Наги-Туги заиграл ещё быстрее и веселее. Придворные начали повторять в такт музыке:

— Иги-Наги-Туги!.. Иги-Наги-Туги!.. — Всё громче и громче. Раскачиваясь и хихикая. Колени начали сами сгибаться. Лица у них стали бессмысленными. Они вскидывали ноги выше головы. Широко раскрытые рты орали: — Иги-Наги-Туги! Иги-Наги-Туги!.. — Можно было подумать, что все они сошли с ума.

Сам Иги-Наги-Туги, длинный, сверкающий, крутился среди танцующих, и скрипка в его руке взвизгивала и хохотала. Вдруг: дзынь! На скрипке лопнула струна.

Тут сразу все заговорили, перебивая друг друга, тяжело дыша.

— Какая чудесная музыка!

— Какой прелестный танец!

— Просто невозможно усидеть на месте!

— Ну конечно, всё ясно, он может не продолжать!

— Ну конечно, зачем ему продолжать?

— И так ясно, что он самый лучший музыкант на свете!

— Ну что, слышал? — с торжеством сказал король учёному. — Понял теперь, а? Ну что ты теперь скажешь?

Учёный повернулся к бедному музыканту.

— Сыграйте, прошу вас, — сказал он.

И бедный музыкант заиграл.

Первый звук, чистый и лёгкий, как будто стёр остатки глупой весёлой мелодии. Исчезли улыбки. Шире открылись глаза. А музыка всё лилась и лилась. Музыка говорила каждому: проснись и оглянись вокруг! Ты забыл о главном! Ты забыл о главном! Вспомни, вспомни, что самое главное в твоей жизни! Музыка вела за собой куда-то вверх, на вершину волшебной горы, откуда был виден сразу весь мир. И сердце поднималось вместе с ней и стучало всё громче и громче... и вдруг: дзынь! Лопнула струна. Всё кончилось. Музыкант опустил смычок.

— Нет! — закричал вдруг Иги-Наги-Туги. Он наклонился вперёд. Глаза его были полны слёз. — Продолжай, доиграй до конца! Иначе я умру!

Да, я думаю, что в нём всё-таки погиб настоящий музыкант, в этом Иги-Наги-Туги.

Тут все зашевелились и стали оглядываться. Одни — с тупыми лицами пожимая плечами. Другие — растерянно улыбаясь. Музыканты мелодично сморкались. В дверях, позабыв обо всём на свете, стоял повар в белом колпаке. На его лице застыла неподвижная улыбка.

Старый поэт сидел отвернувшись. Плечи у него тряслись от рыданий.

Король с досадой посмотрел вокруг.

— Ничего не понимаю! — воскликнул он. — Какая-то чушь, а не музыка. Ну что тут может вам нравиться? Ты, наверное, играешь слишком тихо. Подойди поближе и играй погромче. Прямо мне в ухо.

Скрипач натянул новую струну и заиграл опять, но король сразу же прервал его:

— Ну теперь ты меня просто оглушаешь. Встань за моим тронем, чтобы я не видел твоей жалкой фигуры. Может быть, тогда...

Скрипач стал за тронем и снова заиграл. А король вертелся на троне и громко пыхтел от натуги. Его лицо стало совсем красным.

— Какая-то чушь, а не музыка! — рычал он. — Сколько ни стараюсь, ничего не могу понять...

И вдруг все, кто был в зале, услышали какой-то шум. Как будто море подошло к дворцу и его волны бьются о стены.

Король распахнул окно.

Вся площадь перед дворцом была заполнена народом. Люди стояли, поднимая вверх лица, изменённые волнением. Они слушали музыку.

— Как? — закричал король. — И они её понимают? Эти нищие, эти бедняки! Эти оборванцы! Они тоже владеют этим сокровищем? А я? А я?..

Король в ярости затопал ногами. Он надувался как индюк. Он кружился на одном месте и затыкал пальцами то одно ухо, то другое. Он тяжело дышал и кряхтел.

— Я хочу, хочу понять её! — в ярости твердил он. — Эта музыка какая-то дурацкая. Может быть, её и слушать надо как-нибудь по-дурацки? Может быть, вверх ногами?

Двое самых сильных слуг помогли королю стать на руки, почтительно придерживая в воздухе его толстые ноги. Лицо короля от натуги стало лиловым, как свёкла.

— Хочу! Хочу! — хрипел он. — Хочу! Хочу! Хочу!

А музыка всё лилась и лилась. Чистая, свободная и прекрасная.

— Эту музыку надо слушать сердцем! — сказал учёный.

— А-а-а! — завопил король. — Новое дело! Поднимите меня, посадите на трон! Ты что же, считаешь, что у меня нет сердца?

Сейчас же из толпы вышли четыре доктора. Они были одеты во всё чёрное. Они с четырёх

сторон подошли к королю и приставили четыре трубки к его груди, спине и бокам.

— Сердце на том самом месте, где ему полагается быть! — строго сказал первый врач.

— Самое-самое здоровое сердце, которое я когда-либо видел! — сказал второй.

— В высшей степени самое! — сказал третий.

— Самое! — сказал четвёртый.

— Что — видал? — закричал король. — И вообще, что ты мне морочишь голову? Музыка надо слушать не сердцем, а ушами!

Но тут короля обступили придворные. Ведь многим из них эта музыка тоже совсем не понравилась.

— Зачем вам понимать эту дурацкую музыку, Ваше Величество? Ерунда это, а не музыка. Мы даже слушать её не стали.

— А ты чего хнычешь? — с угрозой спросил король старого поэта, который всё ещё сидел, закрыв лицо руками. — Может быть, она тебе понравилась, а?

— Я плачу потому, что мне жаль этого бедного музыканта, который так плохо играет, — глухо ответил старый поэт и ещё ниже опустил голову.

— А ты? — спросил король у Иги-Наги-Туги.

— У меня болят зубы, — ответил Иги-Наги-Туги и, рыдая, выбежал из зала.

Ну вот. А на следующий день по всему городу был развешен королевский указ. В нём говорилось, что самая лучшая музыка на свете — это музыка великого и знаменитого скрипача Иги-Наги-Туги, живущего при дворце его величества короля Самого Первого. Исходя из этого, скрипку разрешается иметь только великому и знаменитому скрипачу Иги-Наги-Туги, так как его музыка — самая лучшая музыка на свете. Всем остальным скрипачам под страхом смертной казни запрещается иметь скрипки, потому что их музыка никуда не годится.

Вечером учёный услышал какие-то тяжёлые шаги у себя над головой.

Потом раздался чей-то стон и какой-то треск. Потом тяжёлые шаги протопали вниз по лестнице.

Встревоженный учёный поднялся наверх к бедному музыканту.

Музыкант стоял посреди чердака, держа в руках обломки своей скрипки.

— Они топтали ее ногами, — сказал он ужасным голосом.

Учёный молча сел на стул. Да что можно было сказать?

Чем можно было его утешить?

А музыкант, уже забыв о нём, ходил из угла в угол, прижимая к груди маленькие изогнутые дощечки.

Так прошел вечер и наступила ночь.

В двенадцать часов кто-то тихонько постучал в дверь.

Вошёл человек, весь закутанный в чёрный плащ. Под плащом у него что-то было. Да, да! Похожее на ребёнка с очень маленькой головой.

Это был Иги-Наги-Туги. Он распахнул плащ и протянул бедному музыканту чудесную старинную скрипку.

— Возьмите её себе, — сказал он. — Я играл на ней, когда был молодым. Теперь она уже не нужна мне. У меня есть другая, позолоченная, которую мне подарил король. У меня к вам только одна просьба. Сейчас ночь. Все спят. Нас никто не услышит. Мне так хочется ещё раз послушать вашу музыку. Если, конечно, вам не противно играть мне.

Бедный музыкант взял чудесную скрипку и поцеловал её.

Он её поцеловал так, как будто она действительно была ребёнком.

А потом он заиграл.

В окно светили звёзды. На столе догорала свеча. А Иги-Наги-Туги слушал музыку и плакал.

— Я завтра уйду из этого города, — сказал бедный музыкант Иги-Наги-Туги. — Хотите, уйдём вместе?

— Не могу, — ответил Иги-Наги-Туги. — Я привык к этой жизни во дворце. Но главное не это. Я всю жизнь сочинял только глупую, пошлую музыку. Это как ядро, привязанное к моей ноге. Моя музыка мешает мне идти вперёд.

Вот что сказал Иги-Наги-Туги и ушёл, всхлипывая, завернувшись в свой плащ.

А бедный музыкант на другой день ушёл из города. Он шёл по улице, размахивая руками, улыбаясь, и ветер шевелил его белые волосы.

Стражники, стоявшие у ворот, пропустили его. Они не стали его обыскивать. Ведь у него не было с собой никаких вещей, даже маленького узелка.

Вслед за ним к воротам подъехала карета учёного. Карету стражники внимательно обыскали. Они даже заглянули в большую трубу. Но там ничего не было.

— А что в этом деревянном ящике? — спросил начальник стражи.

— Здесь у меня ядовитые змеи, — ответил учёный. — Я готовлю лекарства из их ядов. Загляните, пожалуйста, в ящик, и вы сами увидите, что, кроме ядовитых змей, там ничего нет.

Но начальник стражи не стал заглядывать в ящик. Он так поспешно выскочил из кареты, что чуть не сломал ногу.

Карета выехала из города. Очень скоро учёный увидел бедного музыканта. Он сидел около дороги, спустив ноги в канаву.

Учёный приказал остановить карету.

Он открыл деревянный ящик и вытащил из него, что ты думаешь?

— Скрипку, — сказал Щётка. — Я сразу же догадался, что там никакие не змеи, а скрипка.

— Ну вот, музыкант взял скрипку и ушёл.

— А что дальше?

— Он стал ходить по деревням и маленьким городкам и играть на своей скрипке.

Люди приходили издалека, чтобы слушать его музыку. Они пели его песни, работая в поле и отдыхая. Они любили его и его музыку.

Он так и остался бедным. У него не было ничего, кроме тёплого плаща и скрипки. Он часто ночевал прямо на земле в лесу и в поле. Но я думаю, что он был счастлив.

— Потому, что его любили, — тихо сказал Щётка. — Как, наверно, хорошо, когда тебя любят...

— А разве тебя никто никогда не любил, бедный ты мой мальчик? — спросил Великий Садовник, наклоняясь к нему.

Щётка посмотрел прямо в глаза Великому Садовнику.

— Меня? Нет. Я так думаю. Больших любят за то, что они могут сделать что-нибудь хорошее. А маленький что делает хорошего? Маленьких любят только папы и мамы. Просто так, ни за что. А у меня никогда не было папы и мамы. Поэтому меня никто никогда не любил.

— Какая страшная мысль! — воскликнул Великий Садовник. — Как же страшно ты жил, чтобы прийти к такой мысли. Нет, нет, ты ошибаешься, мой мальчик! Каждый взрослый должен любить каждого ребёнка. Потому что каждый ребёнок — это росток, из которого может вырасти чудесное дерево, если на него будет пролито достаточно любви.

Но Щётка уже не слушал его. Он думал о чём-то другом. Он очень волновался.

— Я... я тоже хочу рассказать вам сказку, — сказал он, и голос его зазвенел. — Я только не умею так хорошо говорить, как вы...

— Говори как можешь, мой мальчик! — сказал Великий Садовник.

— Сначала я расскажу про дракона. Он жил в горе, в пещере. Он был злой и противный. А под горой была деревня. Там жили люди. Только они были чёрные, как я. Они ходили к пещере и клали там разную еду. Ну, прямо на землю. Всякие вкусные вещи, которые любят драконы.

Однажды этот дракон приполз в деревню. Он был большой-большой, длинный-длинный. Он приполз и заревел страшным голосом:

— Пусть все-все выйдут на улицу — и люди, и коровы, и собаки, и быки!

Все очень испугались и вышли. И противный дракон сказал:

— Мне мало одной еды. Мне ещё нужен ваш страх. Я приполз сюда, чтобы всех вас напугать. Я хочу посмотреть, как дрожат ваши руки и ноги. Послушать, как щёлкают ваши зубы. Вот сейчас я дохну огнём. Вот дохну огнём на хижину — хижина сгорит. Дохну на человека — человек сгорит. На кого хочу, на того и дохну.

Дракон закрыл свои страшные глаза и стал думать, на кого ему дохнуть огнём.

Вдруг к дракону подбежала мама.

— Дохни огнём на меня! Дохни огнём на меня! — закричала она.

— Почему ты хочешь, чтобы я дохнул огнём на тебя? — спросил страшный дракон эту маму. — Может быть, я дохну огнём на это дерево или на эту курицу. Ведь я ещё не придумал, на кого мне дышать огнём.

— Здесь стоит мой маленький мальчик. Мой сын, — сказала мама. — Я ведь не знаю... А вдруг ты захочешь дохнуть огнём на него. Я не могу стоять и ждать, пока ты там думаешь. Хочешь кого-нибудь сжечь — сожги меня!

Вот! Эта мама посмотрела прямо в глаза дракону. И дракон увидел, что мама его совсем не боится. Совсем-совсем его не боится. Дракон заморгал своими страшными глазницами. Лапы у него задрожали, и он упал брюхом на землю. Он повернулся и пополз в гору, волоча брюхо по земле.

Люди перестали ходить к его пещере и носить туда вкусную еду. И больше о нём никто ничего не слышал...

Щётка замолчал.

Великий Садовник молча посмотрел на него. По его старому лицу текли слёзы. Он потянул Щётку за руку, нагнул его к себе и поцеловал.

— Вам понравилась эта сказка, да? — сказал Щётка, прижимаясь к нему. — Я даже сам не знаю, откуда я её знаю. Но эта сказка была мне вместо мамы. Нет. Не вместо. А просто я люблю думать, что мама из этой сказки немножко и моя мама. А может быть, и совсем моя мама.

Великий Садовник протянул руку и коснулся Матиного плеча.

— Ну, девочка, ну неужели тебе не понравилась эта сказка? Эта удивительная сказка?

Матя вздрогнула, как будто его рука обожгла её, и вскочила на ноги. Её глаза горели ненавистью.

— Вы тут все сидите и врётё! — закричала она. — Ничего мне не понравилось. Подумаешь, какие-то деревья! Да плевать мне на них! Мне-то что? Или музыка. Не хочу я никакой музыки. Это просто, как деньги. И вас всех можно купить. За музыку, за деревья. Моих Братьев тоже купили. Купили! Значит, вот можно купить человека. Как тыкву... как связку сушёной рыбы... как телегу. Только вместо денег им дали жизнь. А тебя вот можно купить за маму. Вот тебе дай добрую маму, которая будет тебя любить и целовать на ночь. И ты... И вы все...

Матя снова упала на солому и заткнула уши пальцами.

— Обманутое сердце... Вот что бывает, когда обманывают сердце... — пробормотал Великий Садовник.

— Она всё равно не слышит нас, даже когда не затыкает уши, — вздохнул Невидимый Трубач. — Она слишком несчастна...

Свеча догорела и погасла, захлебнувшись в лужице своего растаявшего воска.

Наступила ночь.

Шаги стражника, ходившего под окном, в тишине зазвучали громче. А вместе с тем они стали более медленными и сонными.

Все молчали.

Так с открытыми, глазами, молча ждали они рассвета.

Глава 17. Которая пусть лучше останется без названия, чтобы тебе было интереснее читать

Утро было ясное и безветренное.

На голубом небе ни облачка. Листья на деревьях не шевелились. Солнце жарко светило. И в королевском пруду лебеди отражались чисто и правильно.

И всё-таки в это утро Цеблион раз пятнадцать выбегал на балкон посмотреть, не поднялся ли ветер.

— Нет, Ваша Исключительная Прозрачность, — докладывал он, — ветра нет! Ни оттуда, ни отсюда. Просто на редкость приятный и подходящий день для казни!

Вид у Цеблиона был какой-то бледный и мрачный. Нос вяло повис. Глаза обведены красными кругами. На щеках отпечатки пальцев. Видимо, он просидел всю ночь, закрыв лицо руками.

Но на него никто не обращал внимания.

Да и нам с тобой, в конце концов, какое дело, что этот очень плохой человек в отчаянии от того, что он и его сын остались без колпаков.

Дело совсем в другом.

Дело в том, что в это чудесное, безветренное, солнечное утро должны были казнить Матю, Щётку, Великого Садовника и Невидимого Трубача.

На этот раз король, королева, принцесса и все придворные решили сами присутствовать при казни.

Это было большое событие. Ведь все они не выходили из дворца уже много лет. А если и выходили, то лишь для того, чтобы, придерживая обеими руками колпак, добежать до кареты и сесть в неё.

Поэтому с утра все балконы были подметены и вымыты.

А с перил свешивались ковры, похожие на высунутые языки.

Весь дворец был украшен разноцветными флагами.

Правда, флаги висели вяло, как тряпки. Ведь флаги любят, когда ими играет ветер!

Но всё равно площадь перед дворцом имела в этот день совсем необычный вид.

На площадь выходило три улицы. Эти три улицы были похожи на три реки, впадающие в одно море.

По ним текли и текли толпы народа.

А солнце светило всё так же ярко и весело. Ведь оно не понимало, что здесь должно произойти. Но люди, которые шли на площадь, прекрасно всё понимали. У мужчин лица были мрачные и решительные. А у женщин испуганные и печальные.

Здесь были моряки в синих шапках.

Рядом с ними шли их жёны, которые не расставались с ними потому, что знали, что их мужья скоро опять уйдут в опасное море.

Здесь были ткачи, друзья Братьев, и гончары, с кусками глины, прилипшей к одежде.

Люди шли и шли с разных сторон на площадь.

А посреди площади стояли четыре виселицы.

Две из них были побольше, а две поменьше.

И все, кто пришли на площадь, вздрагивали, когда видели эти маленькие виселицы.

— Негодяи!

— Убийцы!

— Вы не посмеете это сделать!

— Мы не допустим!

— Мы ломаем эти виселицы!

Если бы ты с ребятами из твоего класса оказался в этот момент на площади, то вы все, конечно, тоже полезли бы вперед и закричали:

— Фашисты! Подлые палачи!

И каждый из вас подумал бы: «Эх, приехать бы сюда на танке да и показать им!.. Или хотя бы прилететь на вертолёте, спустить лесенку, чтобы Матя и все могли бы подняться в кабину и...»

Но люди на площади так, конечно, не думали. Ведь никто из них никогда не видел ни танка, ни вертолёта. Они даже слов таких никогда не слыхали.

Люди стояли плотными рядами. Сжав кулаки, смотрели они на виселицы.

Но они не могли подойти к виселицам.

Потому что между ними и виселицами стояло двадцать шесть пушек.

Их круглые чёрные жерла казались страшными глазами, которые, не мигая, смотрели на толпу.

— Эй, назад, голодранцы, нищие! Если вы сделаете ещё хоть один шаг вперед, мы будем стрелять!

Это кричали невидимые пушкари.

Они кричали, вздыхали, кашляли от напряжения и подносили к пушкам круглые тяжёлые ядра.

— Ах вы проклятые, что у вас детей, что ли, нет? — всхлипывала тётушка Пивная Кружка, стоявшая в толпе. Глаза у неё были красные, а нос удивительно распух. — А эти-то ваши хозяева, что у них хорошего, кроме красоты-то? Казнить такую хорошую девчонку! Такую славную и работающую! А они ещё радуются, смеются...

Действительно, над площадью пронёсся весёлый смех, зазвучали радостные, возбуждённые голоса. Двери на балконах распахнулись.

Оркестр заиграл любимую песенку короля, а все придворные громко запели:

Буби, пупи, буби,

Бом!

Буби-бом!

Буби-бом!

Это на балкон вышли невидимки.

Но в это время раздались совсем другие звуки. Совсем не похожие на весёлый смех и музыку.

Это зазвенели цепи и заскрипели двери тюрьмы.

— Ох! — сказала разом вся площадь.

Это из дверей тюрьмы вышли Матя, Щётка, Великий Садовник и Невидимый Трубач.

Первой шла Матя.

Её лицо было зеленоватым от бледности. Руки вяло опущены. Губы белые. От ресниц на щеках лежали длинные тени. Она совсем не была похожа на живую девочку.

За ней шёл Великий Садовник, обнимая за плечи Щётку. Его старая рука казалась голубой на чёрном плече.

Позади вздыхал и что-то бормотал о похоронном марше Невидимый Трубач.

— Изверги! — всхлипнула тётушка Пивная Кружка. — До чего девочку довели. Наверно, совсем не кормили!

Невидимки на балконах радостно зашевелились. Засмеялись, захихикали.

— Мерзкая девочка, так тебе и надо!

— Вот теперь ты пожалеешь!

— Папочка, а почему она не плачет? — раздался пронзительный голос принцессы. — Я хочу, чтобы она плакала!

— Да, да! Пускай она плачет!

— А то неинтересно!

— Нужно показать ей Братьев, — решил король. — Когда она их увидит, она заплачет! Эй! Открыть железные ставни на Чёрной башне!

— Эй!!! — оглушительно заорал Министр Войны. — Открыть ставни на Чёрной башне!!!

Можно было подумать, что для выполнения этого приказа совсем не нужно времени, потому что в тот же миг железные ставни с мучительным скрипом отворились сами собой.

В окне показались две головы.

Это были Братья.

Но они и не подумали поглядеть на площадь. Они даже не взглянули на Матю, которая споткнулась и прислонилась боком к Великому Садовнику.

Лица у Братьев были красные от усилий. На шее напряглись жилы. Они вместе подтащили к окну что-то очень тяжёлое и громоздкое.

Из окна высунулась какая-то странная труба. Братья наклонились над ней, что-то налаживая и подвинчивая.

Кто-то шумно задышал в башне: уф... уф... уф!.. Всё громче и громче, как будто в башне сидел огромный зверь. И злился всё сильнее и сильнее.

— Что это такое? Что это такое? — завизжал невидимый король. — Прекра...

Король замолчал, как будто ему заткнули рот.

И вот что произошло в следующее мгновение.

Из трубы вырвалась сильная струя воздуха.

На площади столбом поднялась пыль. Ожили и затанцевали флаги.

Струя воздуха стала ещё сильнее.

Ковры, свисающие с балконов и похожие на высунутые языки, заболтались в воздухе, как будто эти языки начали кого-то дразнить.

Деревья затрещали, сгибаясь в одну сторону Женщины зажали юбки между колен и сильнее прижали к себе маленьких детей, потому что боялись, что ветер их унесёт.

С крыш, громяхая, полетело железо. Тоненько и весело зазвенело стекло.

Братья повернули трубу, и вдруг струя воздуха с силой ударила по балконам.

На балконах раздался какой-то невыносимый вопль. Одни кричали от страха, другие от ярости, третьи от злобы, а четвёртые даже не разберёшь отчего.

В ту же минуту над площадью поднялась стая колпаков, похожая на стаю воронья.

Колпаки закружились над площадью и улетели куда-то далеко-далеко. И тотчас же на пустых балконах появилось множество человеческих фигур. Они задыхались, кашляли, давились от ветра.

А струя воздуха уже гуляла по площади. Она потушила горящие фитили у пушек и закружила петли вокруг деревянных перекладин виселиц.

Потом она прошлась по невидимым головам невидимых стражников, и в воздух снова полетели колпаки-невидимки.

Всё это длилось одно мгновение. Но казалось, прошли годы: так много случилось за это время.

Люди на площади стояли молча и неподвижно, остолбенев от изумления.

Вдруг в задних рядах кто-то засмеялся весело и звонко.

И тут захохотали все. Кулаки разжались. Твёрдо сжатые губы растянулись в улыбке. Нахмуренные брови полезли кверху. Люди указывали на балконы пальцами. Сгибались пополам. Хватались за животы. Они хохотали, смеялись и не могли остановиться.

— Ха-ха-ха! Ну и король! Вот так урод!

— А мы-то думали, он красивый!

— А борода-то у него, как у козла! Ха-ха-ха!

— Ой, держите меня, я сейчас упаду на землю!

- А какие у него тощие руки!
- А ноги совсем кривые!
- А принцесса! Какая она злючка!
- А волосы, волосы! Наверно, она их никогда не расчёсывает!
- А королева? Ха-ха-ха! Она вся заплывла жиром!
- Какое у неё зелёное лицо!
- Ой, я лопну, лопну!..

И действительно, все увидели, что невидимки самые некрасивые люди на свете.

Они были некрасивыми, потому что их лица были жестокими, глупыми и жадными. А злоба и страх делали их ещё отвратительней и безобразней.

Щёки у них были зелёными, потому что они всегда сидели в духоте. У них были толстые животы и слабые тощие руки, как у всех бездельников и лентяев.

Все увидели, что Министр Чистого Белья очень грязный, а Министр Денег весь блестит от драгоценных камней. Даже на носу у него болтается какой-то крупный драгоценный камень.

Невидимки стояли неподвижно, вытаращив глаза от ужаса. Можно было подумать, что этот смех убил их на месте.

— Братья! — закричала Матя, протягивая руки к Каменной башне. — Это я, Матя! Я теперь всё знаю! Вы не делали ткацкий станок! Вы делали эту машину!..

Братья улыбнулись ей, и Матя запрыгала от радости. Деревянный башмак слетел у неё с ноги и полетел куда-то в сторону.

Тут все посмотрели на Матю и сразу увидели, что она самая красивая девочка на свете. Её глаза ярко сияли, как две зелёные звезды.

И все почему-то тут же решили, что зелёные звезды самые красивые на свете.

В это время из-под пушек на четвереньках стали вылезать стражники. Как большущие тараканы побежали они в разные стороны по площади.

Тут все засмеялись ещё громче, потому что увидели, какие у стражников жалкие и трусливые лица.

Ведь правда! Это только трус может сражаться в колпаке-невидимке!

Посреди площади остался один Министр Войны. Он присел на корточки и со страхом вертел головой в разные стороны.

— Ха-ха-ха! — засмеялись моряки, обнимая своих жён. — Посмотрите, у него на шлеме ручка, как у кастрюли. А на самом верху дырка. Так вот почему у него был такой громкий голос! Он прикладывал шлем ко рту и кричал в него, как в рупор!

Какой-то мальчишка из толпы схватил Матин башмак и бросил им в Министра Войны. Ботинок угодил прямо в шлем. Шлем свалился на песок. Министр Войны запищал как заяц и на корточках запрыгал куда-то в сторону.

А смех звучал всё громче и громче.

Смеялись все люди на площади. Потом начали смеяться все люди на всех улицах города, даже в тёмных переулках и узких дворах. Смех охватил весь город.

Смех был такой заразительный, что удержаться было просто невозможно. Потому что это был смех свободных и счастливых людей.

Потом стали смеяться матросы на всех кораблях в гавани. На больших и на маленьких кораблях. Хотя они ещё не знали, что произошло на дворцовой площади.

Потом начали смеяться люди на дорогах, ведущих к городу. Потом жители ближайших деревень.

Люди обнимали и целовали друг друга.

Великий Садовник закрыл старой рукой свои старые глаза.

— О, я безумный, глупый старик! — пробормотал он. — Я хотел под колпаками скрыть всё самое безобразное на свете и считал, что тогда все будут счастливы. А ведь так оно и было. Колпаки-невидимки скрывали всё самое безобразное и уродливое. И никому это не принесло счастья. Но теперь я понял. Теперь я знаю. Счастье может быть только там, где нет лжи, где ничего не скрыто от глаз народа...

Братьев на руках вынесли из башни.

Это было не очень-то легко. Ведь Братья были высокими и сильными мужчинами. Но люди, которые их несли, были тоже высокие и сильные.

Мальчишки и девчонки, чтобы видеть всё это, вскарабкались на виселицы. От их загорелых лиц и коленок, от красных и зелёных юбок виселицы стали похожи на праздничные арки, украшенные цветами.

— Ой, посмотрите! — закричал какой-то рыжий мальчишка. Он выше всех вскарабкался на виселицу. Всё его лицо было усыпано золотыми веснушками. Казалось, от каждой веснушки идёт по золотому лучу. — Ой, смотрите, как они дрожат!

Действительно, все бывшие невидимки дрожали так сильно, что балкон был готов вот-вот обвалиться.

Королева и несколько придворных дам упали в обморок и как тряпичные куклы висели на перилах.

Невидимок вывели на площадь.

Они шли по площади дрожа и громко стуча зубами от страха.

Они шли среди загорелых и сильных людей, чьи глаза ещё блестели от смеха, а щёки ярко горели.

— Не казните меня, я больше не буду! — закричал король, падая на колени и протягивая к Братьям руки.

Тощие руки болтались в широких рукавах.

— И меня тоже, — завизжала королева. Её маленькие глаза были полны страха. Это было просто непонятно, как в таких маленьких глазах могло поместиться столько страха.

И все остальные придворные тоже плюхнулись на колени. Видны были только дрожащие спины и трясущиеся головы.

— Я, кажется, придумал, что с ними делать, — сказал Старший Брат. — Я думаю, их надо попробовать перевоспитать. Ведь они всю жизнь ничего не делали. Мы заставим их трудиться. Может быть, труд сделает их людьми?

— Правильно! — закричали моряки.

— Верно! — закричали ткачи и гончары.

— Мы возьмём на перевоспитание короля! — сказал Старший Брат. — Теперь у нас прибавится работы. Король станет нашим подмастерьем. Он будет ткать материю для всех голых и озябших.

Король завизжал и попробовал уползти в толпу.

— Если ты не будешь работать, мы тебя казним! — сказал Старший Брат и сделал страшные глаза.

Король всхлипнул и затих, уткнувшись носом в башмак Старшего Брата.

Из толпы вышел каменщик, перемазанный белой пылью.

— Я думаю, Брат, будет лучше, если он будет работать на свежем воздухе, — сказал каменщик. — Я возьму его к себе. Пусть он строит дома для всех, кого он лишил крова.

Из толпы вышел бедный старый человек. Спина у него была круглая, как колесо.

— Я всю жизнь сеял хлеб и страдал от голода, — сказал он. — Пусть король будет вместе со мной ходить за плугом. Пусть он выращивает хлеб для голодных.

— Это ты хорошо придумал, — сказали все люди на площади.

— А я прачка. Я научу королеву стирать бельё, — сказала высокая женщина и потянула королеву за руку. Передник на женщине был белый-белый. Как только что выпавший белый снег, по которому ещё никто не сделал ни одного шага. — Мы начнём с того, что выстираем это королевское платье. Ведь просто стыд ходить в таком платье.

— О, мои нежные королевские руки! — зарыдала королева.

Но она всё-таки пошла за прачкой.

Из толпы вышла румяная высокая женщина. В руках у неё была плетёная корзина. А в корзине пели свои коротенькие песни новорождённые цыплята.

— Я возьму вот этого! — Она ткнула кулаком в бок Министра Войны. — Он будет кормить моих кур. Он будет смотреть, как вылупляются из яиц цыплята. Какие они маленькие и беспомощные. И как потом они становятся круглыми и жёлтыми, как шарики мимозы. И он забудет о своей войне.

— А девчонка должна учиться! — сердито буркнула тётушка Пивная Кружка. — Я возьму принцессу к себе. Утром она будет ходить в школу. А когда выучит уроки, будет помогать мне жарить сосиски.

— Не хочу жарить уроки, не хочу учить сосиски! — завизжала принцесса. От злости она всё перепутала. Она подскочила к тётушке Пивной Кружке и укусила её за руку. И тут все увидели, что принцесса очень похожа на крысу.

— Ничего! Она ещё станет похожа на девочку! — с досадой сказала тётушка Пивная Кружка.

Она задрала королевскую юбочку и несколько раз шлёпнула принцессу своей сильной рукой. Принцесса заревела совсем не королевским голосом.

— А Министр Чистого Белья пусть идёт в угольщики!

— А Министр Денег пусть бесплатно раздаёт детям мороженое! У кого, конечно, не болит горло!

— А кто будет жить во дворце? — закричал рыжий мальчишка и чуть не свалился с перекладины.

— Мы отдадим этот дворец детям, — сказал Старший Брат. — Пускай дети приходят сюда после школы. Здесь они будут играть и отдыхать. Так сделали в Стране Весёлых Тружеников. Они отдали детям королевский дворец и назвали его Дворцом Детей.

В это время на площадь вышли пять грузчиков. Они сгибались под тяжестью пяти огромных тюков. Они были красными и синими от напряжения, и мышцы на их руках вздулись, как баклажаны.

Они сбросили с себя тюки. Верёвки лопнули. И на земле оказалась целая куча колпаков-невидимок.

Они лежали на земле жалкие, грязные и никому не нужные.

— Здесь тысяча семьсот девяносто восемь колпаков, — сказали грузчики. — Здесь не хватает двух колпаков. Их украли Цеблион и его сын Цеблионок. Они их надели и скрылись в неизвестном направлении.

— Им никуда не уйти, — сказал Старший Брат. — Человек не проходит по земле бесследно. Он оставляет следы. Эти следы — его поступки и дела. Поэтому куда бы ни пробрались Цеблион и его сын, люди в конце концов обязательно найдут их.

— А колпаки надо сжечь, — сказал Младший Брат. — Они больше не нужны нам! Ведь мы ничего не хотим скрывать и никого не хотим обманывать!

— Это правда! — сказал весь народ.

И сейчас же прямо посреди площади был разложен костёр.

Сосновые поленья разгорались быстро, с весёлым треском разбрасывая в стороны золотые искры. Старший Брат первым подошёл к костру. Он поднял с земли один колпак и бросил его прямо в огонь.

И потом все, кто стоял рядом с ним, начали бросать в костёр колпаки-невидимки. И так до тех пор, пока последний колпак не исчез в пламени.

Сначала огонь пригнулся книзу. Повалил густой чёрный дым. Противно запахло палёными тряпками.

Но вот огонь окреп. Ветер разогнал дым. И чистые языки пламени потянулись кверху.

Тут на балкон вышли музыканты.

Среди них был и Трубач с большой трубой. Лица у всех музыкантов были счастливые, но мокрые от слёз. Ведь всё-таки у них были очень нежные души и они не могли не заплакать от радости.

И они заиграли.

Музыка поплыла над огнём, над толпой, над городом, над кораблями, покачивающимися в гавани.

Музыка была глубокая и мудрая.

И как-то получилось само собой, что все люди, стоящие на площади, взяли за руки.

Матя стояла среди них. Она крепко держала за руку Щётку. Она думала о том, что вечером, после ужина, она попросит Братьев придумать для него самое чудесное, самое светлое имя на свете.

А музыка всё звучала.

Как всякая настоящая музыка, она рассказывала людям о жизни, о смерти, о любви.